Андрей КАНЕВ

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

Коми региональное отделение Ассоциации ветеранов боевых действий ОВД и ВВ МВД Российской Федерации

Андрей КАНЕВ

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

стихи
верлибры
поэма
басни
переводы

Сыктывкар - 2012

ББК 84 (2 Рос = Рус)6
К19

Канев А.В.

К 19
Волчьи песни. Стихи. – Сыктывкар: Издательство ООО «Полиграф-Сервис», 2012. – 248 с. - иллюстрации

Новый сборник стихов «Волчьи песни» лауреата Государственной премии Республики Коми имени И.А. Куратова, премии МВД России «Доброе слово» Андрея Валерьевича Канева был подготовлен к выходу в свет к его 50-летию. Этой книгой автор как бы подводит своеобразный итог и прожитым годам, и своему творчеству. Произведения, включенные в книгу, написаны в разные годы жизни, они отличаются, прежде всего, четкой гражданской позицией, искренней болью за судьбу родины, любовью к северной земле.

Автор приносит искреннюю благодарность
Николаю Николаевичу Герасимову
за поддержку этого проекта.

©Канев А.В., 2012
©Тюрнин Н.А., 2012
©Герасимов Н.Н.,2012
©Издательство ООО «Полиграф-Сервис», 2012
©КРО АВБД ОВД и ВВ МВД РФ

ТЕМ ЕГО ТВОРЧЕСТВО И ИНТЕРЕСНО…

Русская литература в России всегда развивалась несколько иначе, чем русская литература зарубежья, тем более такие ведущие литературы мира, как английская, немецкая, французская и американская. И это зависит не только от полновесного букета национальных литератур, которых на просторах нашей страны более полусотни, а в первую очередь от того значительного места, которое занимает Россия в общемировой истории и культуре.

Сейчас в современной русской литературе появилось много новых имен, ранее не известных широкому кругу читателей. И это, к счастью, не всегда литература столичная: московская и питерская. Благодаря различным книжным выставкам, открытости продаж на книжном рынке, всё больше на первый план российского литературного процесса выходят произведения авторов «периферийных». Книги литераторов из российской региональной глубинки постепенно вновь завоёвывают жизненное пространство на постсоветских территориях и в странах Евросоюза.

Ярким представителем этой писательской когорты, на мой взгляд, является сыктывкарский литератор Андрей Канев. Его роман «След Ночного волка» (Москва, «Эксмо», 2008), посвящённый второй чеченской кампании, нашёл своих читателей не только в России, но и в странах ближнего зарубежья, получил положительные отклики критиков и литературоведов. Пятнадцать глав его поэмы «Там, где ранят автоматы с гор» публиковались в литературном альманахе «Я ещё не вернулся с войны…» в московском издательстве «Граница». Перечень центральных российских журналов, в которых публиковались произведения Канева («ЛитКлуб, «Преступление и наказание», «Дом», «Литературный Кисловодск», «Муза»), говорит о широте его взглядов, а также исключительном профессионализме и востребованности литературного творчества.

Благодаря гранту Генерального консульства Финляндии в Санкт-Петербурге увидели свет его повесть-сказка, пьеса и поэма для детей. Интерес к творчеству писателя Андрея Канева широкой интеллектуальной общественности подтверждается ещё и тем, что его произведения были переведены на иностранные языки и несколько языков народов России. Публиковались в берлинском журнале «Крещатик». Обратил внимание на его творчество и издаваемый в нескольких странах мира (Россия, США, Германия, Израиль) журнал «Алеф».

И тем больше меня удивил этот автор, лауреат нескольких престижных российских литературных премий, подготовивший к изданию очень тёплый и, если возможно так выразиться, «домашний» сборник стихов «Волчьи песни». Любовь к женщине, правда межнациональной войны, житейская неустроенность творческой личности в нашем сложном мире потрясений – вот те краеугольные камни, на которых зиждется поэтическое творчество талантливого литератора Андрея Канева.

А ещё в его поэзии очень сильны патриотические мотивы. Как нельзя лучше обратил на это внимание московский критик Игорь Витюк, который

18 февраля 2009 года опубликовал в «Литературной газете» свою статью «Героический эпос», которая была посвящена сборнику стихов Андрея Канева «Там, где ранят автоматы с гор». Приведу выдержку из неё:

«Ночь темна.
Позывные в эфире.
Пядь Кавказа осветит ракета.
В сыктывкарской
Далёкой квартире
Мать с женою не спят до рассвета.
А до них мне по карте – полметра,
Тих блокпост.
Только стонет буржуйка.
Звёзды россыпью.
Пыльно от ветра.
Сигаретного дыма две струйки.
Разговоры за русскую душу –
О войне распроклятой ни слова…»

Вот таким незатейливым языком написана поэма Андрея Канева «Там, где ранят автоматы с гор…». Это, пожалуй, первая попытка в современной литературе создать полноценное эпическое произведение о чеченских событиях. Поэма включает сорок четыре главы, каждую из которых можно читать и как отдельную балладу, посвящённую кому-то из боевых товарищей автора. Некоторая растянутость поэтического повествования с лихвой окупается множеством поразительных деталей и «поэтических заметин», которые сразу же посвящают читателя в особый мир (если так можно выразиться) той особой войны.

Андрей Канев – ветеран боевых действий на Северном Кавказе, подполковник, награждён многими боевыми медалями, член Союза писателей России, лауреат престижных литературных премий, его стихи публиковались в журналах «Московский вестник», «Наш современник», «Медный всадник», «Север», «Крещатик» (Берлин) и других, а также переведены на английский, венгерский, белорусский и многие языки народов России.

Наряду с поэмой в книге представлены и новые стихи поэта. В них – не только тема войны, но и много лирики – и любовной, и пейзажной. И в каждой строке боевого офицера мы с гордостью чувствуем, что Кавказ – это не «территория войны», а частица нашей любимой России, волею судьбы попавшая в круговорот трагических событий:

Мне верится в крылатую удачу,
Я горных камнепадов не боюсь.
Чегемский водопад –
Не стенка плача.
Кавказ –
Ведь это тоже наша Русь.
(«Чегемские водопады»)

И очень органично читаются стихи, в которых по исконной русской традиции рядом стоят два слова: Родина и мать. И та, и другая поймёт и простит своего сына и благословит на новые подвиги:

Позволь о себе,
не таясь, рассказать,
Чтоб ты поняла не напраслину.
Я выстрадал
сладкое слово «мать»,
Как волю мужик у Некрасова.
(«Мать»)

Успехов тебе, Андрей, и в службе, и в творчестве!»

Сборник стихов «Волчьи песни» сложно назвать «новомодным словом» в русской литературе. Поэзия Андрея Канева достаточно созвучна русской классической традиции стихотворчества. Ему не присущи излишняя языковая «нестандартность» и навязчивое авторское словотворчество. Встречаются в книге и «слабые» с позиций высокой российской литературы места. Но они сглаживаются искренностью авторского слова, честностью отношения к себе и к окружающему лирического героя миру. Именно в этом честном отношении к Слову и заключается своеобразие поэтических текстов Андрея Канева. Какой бы сферы человеческого бытия не коснулась его лира, он всегда предельно откровенен с читателем, не стесняясь выворачивать на свет божий «скверну мыслей» и «слабость духа» своего лирического героя.

Подобные «изыски», к счастью, меркнут на фоне авторского патриотизма и лиричности. Поэт таков, какой он есть на самом деле. Он пишет о том, что видит, о том, что думает, и о том, что знает. Тем его творчество и интересно читателю. Настоящая книга тому яркое подтверждение.

Николай ТЮРНИН,
Заслуженный работник культуры
Российской Федерации

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

Волчьи песни будоражат душу,
Сердцем я своим заматерел,
Было время: и в жару, и в стужу
Я любимой о погоде пел…

А теперь косматой волчьей лапой
Утираю пот, морщиня лоб.
Пастью вывожу своей зубатой
Волчий навороженный аккорд.

От меня шарахаются люди,
Так колюч мой опустевший взгляд.
Всё тебя никак я не забуду,
Всё не знаю в чём же виноват…

Никогда не выл я по-собачьи,
Хоть и побывал дворовым псом
У России – родины незрячей…
Я сегодня снова за бортом.

Было время: и в жару, и в стужу
Я любимой о погоде пел.
Волчьи песни будоражат душу,
Сердцем я своим заматерел…

Я ИСКУПАЮ ПРОШЛОЕ СЕГОДНЯ

* * *

Я искупаю прошлое сегодня, –
Его лишь настоящим искупить.
В нём призраки нешуточные бродят,
И их не позабыть, не позабыть!

Там ангелы тревожат мою душу,
Там демон половицами скрипит.
Там я войны, хоть не герой, не трушу,
Ведь пуля в спину всё ещё летит…

Высоким делом величают в люди,
А подлым словом низвергают ниц.
Ласкал я чьи-то шёлковые груди,
Мотался по окраинам столиц.

Пил виноградных вин хмельное зелье,
Знал вкус кубинских жгучих табаков.
Был заводилой скорби и веселья…
А ныне не сорвать с души оков.

Я искупаю прошлое сегодня,
Когда в далёких странах сыновья,
Обувшись в мои латаные бродни,
Мотаются, давно забыв меня…

* * *

Вот, начинаю привыкать к хорошему,
Мне нравится, мой незабвенный дом.
Природа стелет мне ковры порошею,
Когда к нему мы с суженой идём.

Когда белеет вся в снегу акация,
И тополя раскидисто светлы,
И пишет свои дерзкие реляции
Позёмка, подчинённая зимы.

Тепло твоим дыханием овеяно,
И подаёшь ты к чаю пирожки.
Я вспоминаю, ездили в Дивеево,
Дорожкой знаков пятились флажки.

Подай мне руку, я привык к хорошему,
Былое в моей памяти сотри.
Наступят дни весенние, погожие,
У нас их будет, точно знаю – три…

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

На Рождество куличи напекают и сайки,
На Рождество дуют с запада стыло ветра,
На Рождество по селу на расписанных санках
Едет к закату по горкам, смеясь, детвора.

Звёзды усыпали небо своею судьбою,
Люди завидуют этой небесной судьбе…
И не сойтись никогда Магомеду с горою,
И никогда не забыть, не забыть о тебе.

На Рождество я уеду в далёкие страны.
На рождество буду весел и, может быть, бит.
Где-то заколют во благо святого барана,
А по тебе моё сердце саднит и саднит.

Свечи затеплятся в храме во славу Рожденья
Для православного люда святого Христа.
Кто-то прочтёт… и забудется стихотворенье,
В сердце останется боль, без тебя пустота…

* * *

Спешат календарные даты,
Как будто составы в ночи.
В них едут простые ребята
Похожие, как кирпичи.

Из них моя Родина строит
Врагам непреступный рубеж.
Солдаты вдруг станут героями
Из бронзовых страшных одежд.

Пока же вагоны весёлые
Несутся в кромешной ночи.
Их жёны, не ставшие вдовами –
Пока ни одна не кричит…

Пока ещё катится силушка
По неполонённой Руси.
И чтоб не прибавить могилушек,
Пощады у Бога проси!

* * *

Чтобы настроиться на поэтический лад,
Нужно, как скрипка свой срок отлежать в темноте,
Чтобы вернуть свою стылую память назад,
Чтоб оказаться на нужной судьбе высоте.

Чтобы чехол кто-то сдёрнул упрямой рукой,
К струнам коснулся и звонко качнул камертон.
Чтобы нарушился миропорядок простой,
Чтобы догрыз своё яблоко старый Ньютон.

Если же будет потерян тревожный смычок,
Струны порвутся под тяжестью сыгранных нот,
Стану поэзии трепетной я палачом,
Что утирает над плахою выспренний пот.

Сам четвертую сознание, душу и ум,
Сам вознесу умерщвленное слово к земле,
Что это, что это за безответственный шум,
Всё нарастает в колючей моей голове?

Тихо усну и во сне запою, запою
Скрипкой в ночи в самом сердце степного костра.
Мамины руки поправят подушку мою,
Мамины песни до детства проводят меня…

* * *

Синий, синий, синий снег
Падает на крыши.
Мой любимый человек
Прогуляться вышел.

Вышел в люди и ушёл,
И не возвратился.
Синий снег всё шёл и шёл,
О земь колотился.

Ни следов и ни надежд
Не осталось в доме.
Ворох брошенных одежд,
Пыль на телефоне.

Станет синим город мой
Под таким-то снегом…
Ты вернись, вернись домой
Ведь пора обедать.

* * *

Продрогший служебный уазик,
Морозных дорог чародей,
Давно постаревший проказник,
Возивший на службу людей,
Был куплен когда-то служивым,
Таким же, как он стариком
Не ради корыстной наживы,
А чтобы не топать пешком.
С тех пор они братья по жизни
То в лес, то к реке, то в пивбар.
Ни тот, ни другой некапризны,
На лицах поджарых, загар…
Везут меня оба до дома
И тихий ведут разговор
О том, что слизала корова
Три пенсии – новый мотор
На сервисе принял уазик.
А деду под сердце шунты,
Врачи наложили под праздник.
А то бы чуть-чуть и кранты.
Дорога вилась под колёса
И вьюга метала снежки,
Но ехали мимо мороза
Стальные домой старики.

* * *

Когда душе покоя нет на острове Судьба,
Когда листвой метёт над полем вьюга,
Ко мне приходят на сердце затеряные слова,
Мол, возлюбите люди вы друг друга.

Дела погрязли ваши в сотнях мелких войн,
Когда листвой метёт над полем вьюга,
Вернитесь из окопов вы к себе домой
И возлюбите преданно друг друга.

О, сколько водка растворила в сердце пуль,
Они увязли в нём плевками словно в паутину.
Но я по жизни вновь несу патруль…
Звучит мне снова чей-то выстрел в спину.

* * *

Почему струится дождь
По застывшим окнам?
В голубях бетонный вождь
В плащанице блёклой.

Два автобуса стоят,
Мокрые сараи.
Накормите вы галчат,
Горе-самураи!

Два окна – мои глаза,
Из-под век дождинки.
Это кто же там сказал
Не снимать ботинки?

Это кем же решено,
Что всё гладко в мире?
Сыплю по полу пшено
Я в своей квартире.

Налетайте голубя,
И наешьтесь вволю.
Плечи бывшего вождя
Вам не чисто поле…

* * *

Материнское слово бывает отрадой рассудку.
Всё дерёшься по жизни, и кто-то дерётся с тобой.
Так летят по судьбе твои вечно дежурные сутки,
О себе забываешь, о матери, сыне с женой.

А хотелось бы молча прижаться и плакать, и плакать,
Чтобы слёзы рекой устремившейся в горный поток,
Так чтоб выгребло душу совковой тяжёлой лопатой
И она расцвела бы как нежный весенний цветок.

Да вот только грехи, говорят, в рай таких не пускают,
Даже если от крови чужой оттереть кулаки.
И такие, в сугробе от водки дурной подыхают,
А не в собственной койке, читая любимой стихи.

Я порву свою душу и сожгу свою форму с крестами,
В реку выброшу память, тельняшку на тряпки отдам,
Будет выстелен в рай и моими шальными костями
Тяжкий путь наших жён, наших молча стареющих мам.

Пусть Господь им воздаст,
всё, что мы впопыхах не додали,
И однажды в святилище примет надёжно своё,
Ну а нам на войну, нам пора уже в горные дали,
В рай грехи не пускают таких всё равно, ё-моё…

* * *

Господь плачет о каждом,
Когда льётся дождь.
И поймёшь ты однажды –
От судьбы не уйдёшь.

Меж ладоней Господних
Твой лежит коридор.
И от детства в исподнем
До могилы мы в нём…

* * *

Я не умею быть наркобароном.
И не мои нефтевышки в округе.
Только умею ходить по просторам,
Рифмы в тетрадку слагать на досуге.

Всем в этой жизни бывает несладко.
Может быть, даже кому-то и горше.
Молча беру я рюкзак и палатку
И ухожу, чтобы дальше и дольше.

Хватит уже любоваться бедою,
Но не могу я глаза себе вырвать.
Женщина эта была мне женою,
Ну а теперь ей со мною противно…

* * *

Не прозевать бы выход мне на сцену,
Когда однажды всё же позовут.
Коленопреклонённую измену
Простят, или смертельно проклянут!

Не прозевать бы… Жизнь проходит мимо.
Написанных романов не издать.
Писал когда-то странные картины,
Жена случилась питерская тать.

Душа рвалась на восемь прецедентов,
Росли детишки, как ковыль в степи.
России, Украины президентов,
История, по жизни укрепи…

Когда-то жил в местечке Біла Церква,
Ел «чипси», с бычьей крови колбасу.
И бабушка моя – святая Берта
Плела свою чернющую косу.

И если б не судьба вернуться в Север,
Быть может, воевал бы за джихад,
И никогда не пробовал бы клевер,
И не ходил бы с сыном на парад.

Судьба вершит пожизненною страстью,
Решает где решетка, где орёл.
И дыбится порой акульей пастью,
И насылает в гости упырей.

А хочется упасть среди аллеи
Иль замереть на маминой груди,
И пусть меня запомнят поколенья,
Таким, каким меня не унести…

* * *

Я повернулся и ушёл,
Не хлопал дверью ушлый ветер.
И вам всем стало хорошо,
Что уже нет меня на свете.

Вам всем пригрезился восторг,
Который вы не испытали.
А я, цепляясь за порог,
Шагнул в неведомые дали.

Неужто стало легче вам
Без крепости моих двустиший?
Вы поделили пополам всё то,
Что радовало в жизни.

Меня вы съели всухомять,
Не запивая пивом с водкой.
Цветёт седеющая прядь
В салате с пряною селёдкой.

Зачем пытали вы меня
Такой прогорклой стылой жизнью?
Неужто моего огня
Не надо костерку Отчизны,

Что светит где-то там в ночи
Усталых сумерек народу?
Который не зажжёт свечи
И не войдёт в святую воду…

ЗВЁЗДНЫЙ ВЕТЕР

* * *

Люди, это звёздный ветер
Чередою ярких лиц
Даже солнце обесцветил,
Взмахом девичьих ресниц.

Звёздный ветер гонит в спину
Парусник моих надежд.
А судьба по серпантину
Словно ангел без одежд.

Звёздный ветер, я - былинка
В суматохе внеземной.
О других в миру былины
Ходят русской стороной.

Люди, люди – звёздный ветер
От станиц и до столиц –
Карусели междометий
В череде усталых лиц…

* * *

Сеет мутно непогода
Воду с войлочных небес,
И не выйдешь на природу
Поглазеть далёкий лес.

Мёрзло дышишь, пар струится,
Будто вдох из уст в уста.
Страстно хочется напиться
И упасть подле куста.

Страстно хочется вернуться
К жарким летним вечерам,
Чай с морошкой выпить с блюдца
И не верить докторам…

* * *

Затухает Воркута, затухает,
Кончился, видать, попутный газ.
И в душе нещадно умирает
Всё, что раньше радовало нас.

Дождь и ветер сгладят терриконы,
Словно смерть морщинки на лице.
Жизнь по человеческим законам
Вспомнит о Всевидящем Отце.

Не нужны теперь её богатства
Жадно-расточительной стране.
Только наше северное братство
Душу греет и тебе и мне.

Затухает Воркута, затухает,
Люди там давно живут не те,
Что я с юных лет, наверно, знаю,
Изменили нашей Воркуте.

По прогнозам западных учёных
Зацветёт тут вскоре ананас.
Через сотню лет на тех просторах
Вспомнят ли потомки наши нас?

Никого я за судьбу не хаю,
Незаметно мой свершился век…
Затухает Воркута, затухает,
Словно угасает человек…

* * *

Посидеть у океана,
Ноги помочить в воде,
Сытым быть, немного пьяным –
Повезло по жизни мне.

Уделяли мне вниманье
Королевы красоты,
Что рождались по незнанью
В пригороде Воркуты.

И сейчас лучами солнце
Освещает мой диван,
Мир огромный за оконцем,
И у тапок – океан…

* * *

Приобрёл я как-то в магазине
Водку «Приполярную», не вру.
В личной потребительской корзине
Нёс родную к своему двору.

Откупорил и… не насладился
Памятью о воркутинских днях.
Спирт не тот в бутылке заблудился
Развела его не та вода.

И не помогли мне даже грузди,
Что солила осенью жена.
И сказалось мне: «Однако, пусть же,
Кто другой допьёт её до дна!»

Сумрачно взглянул на этикетку:
Воркутинский водочный завод,
Вы себе возьмите на заметку,
Много лет в природе не живёт.

Не сочтите за антирекламу
Всё равно народ её добьёт,
Вспоминая неродную маму –
Кировский виновен винзавод.

Мысль тогда кольнула прямо в сердце
Съездить мне бы надо в Воркуту,
Существую где-то по соседству,
Проживаю жизнь совсем не ту.

А когда-то помню, в Воргашоре,
Строил шахту и любил жену…
С Воркутой давно случилось горе,
Все мы её бросили одну.

* * *

Скользнуло солнечным лучом по нашим душам
Среди колючей темноты осенних веток.
И оказалось, светлый луч сегодня нужен,
Как море пива трём кило сухих креветок.

И оказалось: манекенных женщин мало,
А много просто нужных нам и настоящих.
Пусть солнце в сердце лишь осеннего накала,
Но черти в мыслях и на деле ещё пляшут.

Как мало нужно человеку в русской бане…
Так и по жизни не собрать всего на свете.
Судьба вином бордовым плещется в стакане,
А тучи с неба гонит сердобольный ветер.

* * *

Приехал друг, как бог с другой планеты.
И сразу дождик биться перестал.
И солнце осветило ярким светом
Мой нынешний убогонький причал.

Он поделился радостью земною,
И водкой, и батоном колбасы.
И стало ясно, что нас в мире – двое!
Назло врагам с контрольной полосы.

И сразу стало ясно, что победа,
Она одна, пускай и на двоих.
И снова друг, со мною отобедав,
Уехал в жизнь, а я придумал стих.

* * *

Мир сузился до уровня «общаги»,
До комнатёнки в четвертак окна.
Я не достроил дом, прогнили лаги,
Сумы настали нищей времена.

Я обманул идущих рядом женщин,
Они когда-то верили в меня,
Но после от судьбы двух-трёх затрещин
Меняли принца на его коня.

И постепенно в биллиардной лузе
Почили в бозе дерзкие мечты.
И стать пришлось мне Робинзоном Крузо,
А Пятницей не стала даже Ты…

* * *

Я живу на пятом этаже,
Ближе к птицам.
Это мне так нравится уже,
Мне ль божиться?

Мой одноэтажный городок,
Деревянный,
Близко тут и Запад и Восток,
Хоть и странно.

Цокот по карнизу голубей
Мне по сердцу.
Стопку крутобокую налей
Водки с перцем.

Тут близки и солнце, и луна,
Ветер чаще.
И высок мой мир для воронья,
Падь им слаще.

Кто-то на тридцатом этаже…
Ближе к Богу?
Ну а мне на пятом вираже
Вся дорога…

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

В океане неба, Млечный Путь,
Укажи дорогу моим мыслям.
Мне сегодня ночью не уснуть.
Я сегодня грешен и неистов.

Сам себя, наверно, перерос,
Ратный пот смахну со лба рукою.
Некому чинить мне нынче спрос.
Я сегодня спорю сам с собою.

Побреду по Млечному Пути,
За спиной котомка дум и мыслей.
От себя уйти… К себе прийти…
Я сегодня грешен и неистов.

Смотрят в небо нынче только те,
Кто глядеть под ноги не умеет.
На какой остановлюсь Звезде?
Дом построю, тихо постарею…

КНИГА

На твоих страницах уместиться вправе
Миру и Вселенной, женщине и славе.

Груз веков на пыльных глиняных дощечках –
Буквицы не смоет время, словно речка.

Век писцы корпели, а вандалы жгли,
Только уничтожить Книгу не смогли.

Вот и я стараюсь написать свой томик –
Выстроить у речки свой пергамент-домик.

Было бы под силу в небо ставить брёвна,
Выстелить веранду, чтобы пол был ровный…

* * *

На крыльцо под фонарь одинокий
Снежинка упала.
Незаметных в ближайшем сугробе
Должно триллионы.

Ну а эта смотрела в окно
И узором блистала –
За окном абажур
Из цейлонского полукартона.

Я подумал: «Ну вот,
Крайний возраст Христа на пороге,
А ещё не сказал,
Не зажёг свою свечку во Храме,
Сын далёко, нет дома,
Не высадил сад у дороги,
Женщин разных любил,
А вот нужен пока только маме...»

Я кого-то там ждал,
Я смотрел телевизор устало.
Вот пришла, поскрипев
По морозцу обувкой застывшей,
Наступив на снежинку,
Которая с неба упала,
Суд свершив в одночасье
Не правый, но, видимо, высший…

* * *

Весенним солнечным лучом
В окно стучится песня.
Закат струится кумачом,
Что зажигал над Пресней.

Летела Муза на ветру,
В уста поцеловала
И вдохновила по утру
На песню аксакала.

А он давно уже не пел.
Поставил в угол посох.
Наверно, слишком постарел…
Но раскряхтелся все же.

И намотал полсотни строк
О том, что был любимым…
И помер, видно, вышел срок
Его греховной лиры.

КАМЕНЬ

Каменная река вытекала из сердца –
Грохот булыжников, искры в глаза…
В космос завалена глыбами дверца,
И сталагмитом застыла слеза.

Камень на сердце упавшею птицей
Заворожил мои мысли и сон.
Где-то кобыла ожеребится,
И назовут жеребенка – Самсон.

Камнем сорвусь в эту пропасть нагую
И обрету свой покой средь песка.
Я и рифмую, и интригую –
Пулей свистит камнепад у виска…

Каменным рекам затором не стану.
Сам я источник тяжелых обид.
Реки становятся нынче стаканом…
Тем, от которого сердце болит.

Будто из сердца потоками лавы
Выльется боль, не бросаясь в глаза.
Нет на судьбу в этом мире управы,
И сталагмитом застыла слеза…

* * *

Я помню эту мысль: «Не навреди…»
Не навреди ни, словом и ни делом.
Пусть перемены ждут нас впереди,
Останься чистым и душой и телом.

Но иногда так хочется убить…
В себе убить поэта-недотепу.
И беспроблемно и бездумно жить,
И как манкурт по белу свету топать…

Но водкой не зальёшь пожар в душе.
Она лишь раззадорит пламя мыслей…
И вновь подсел я на карандаше,
И вновь пишу о непутевой жизни.

Пробито днище у моей ладьи,
И я уже давно лежу на суше…
Ведь, что пишу – гнетёт другие души.
А как же те слова: «Не навреди…»?

Не навреди любимой и стране,
Не навреди соседям по площадке…
Так что же беды бряцают по мне,
А у моих соседей всё в порядке?

* * *

Круг звёздных галактик, где звёзды песчинки
Срываются в пропасть черной дыры.
Жизнь тянется – время сыпучей начинкой
Ещё не окончило бег до поры.

Но силы срываются в грани воронки,
Седеют виски, замедляется шаг,
И сын стал мужчиной уже из ребёнка,
И в мыслях его возрастной кавардак.

Подставь же ладони свои под мгновенья
Песочных часов, что угодны судьбе,
И верь, не оставит тебя вдохновенье,
Его эти звёзды подарят тебе…

* * *

По околесице прирученной дороги
Спешит моя дырявая судьба.
В сандалиях деревянных сбиты ноги…
Затоплен храм… Несносная толпа…

В пыли веков там копошатся судьбы
Безгрешных, но юродивых светил.
Мой огонёк, слегка прикрытый грудью,
В столичный омут душу обрядил.

Провинциальность, донный ил взъерошив,
Угасла, как салют над мостовой.
А мой карман, наивно обезгрошев,
Гордился своей щедрою дырой.

Давно мираж затопленного храма
Исчез за поворотом колеи…
Уже заметно постарела мама,
В её душе лишь уголек зари.

Дорога не подвластна прирученью,
Затоптана душа её стиха…
В Москве не дома, там живут сомненья,
Но это не от храма, от греха…

* * *

Времена пошли нынче такие,
Что приходится быть не певцом,
Ты за песни не кормишь, Россия,
Тех, кому не бывать подлецом.

Это странно, традиции все же,
Пушкин, Гоголь, Тургенев и прочь…
Ты других пригласила на ложе
Православно-блудливая дочь.

Быть поэтом в провинции больно,
Потому что отсюда видней,
Как живётся в столицах привольно
Дикой шайке барыг-упырей.

Но бурлит оно – Слово в народе,
Где по-русски, а где не совсем,
И дошло до кипения, вроде,
Стало жарко, но только не всем…

Мне пришлось воевать за Россию,
И друзей потерять, и врагов,
Что пощады твоей не просили,
И лежат у твоих берегов.

Будет свет, и пишу я об этом.
Встанешь скоро, Россия, с колен
И твои золотые поэты
Нищете не потянутся в плен!

* * *

А это было выше моих сил,
Простить непонимание полета.
Меня, увы, никто не пригласил
Вальяжно плыть по выстраданным нотам.

Мне было больно ощущать ступней
Стерню недавно скошенного поля,
Сжимал я сердце влажной пятерней
И вспоминал забытые пароли.

Все сказанное просто, как каблук.
Пускай повиснет маревом тумана.
Твоим ладоням нужно больше слуг…
А мне уже достаточно обмана.

Скривилась улица в ухмылке фонаря,
Бредёт тоска дворняжкой не придворной.
Она в анфас похожа на меня,
А в профиль – на свои родные корни.

ЧАСЫ

Бесчувственные стрелки рук
Крадут бесхитростное время,
И не испытывая мук,
Его бросают словно семя.

В ревущий космос, пустоту,
Где звезды мечутся кометой…
А я влюбился вновь не в ту,
И вновь не с той бреду по свету.

Часы, сочтите мою жизнь,
Всю до последнего дыханья.
А я, увы, влюбился… лишь.
И ненавижу воздержанье!

А воздержанье, говорят,
Нам сбережёт годами чувство…
Но воздержанье – это яд
Для настоящего искусства!

Жизнь – локон девичьей косы,
В судьбе не бойся перемены...
И пусть безжалостно часы
Крадут украдкой мое время!

ЖРЕБИЙ

Удел исканий прост и сложен.
Несу в душе своей молебен,
Как херувим крестоположен.
Какой ещё случится жребий?

Тропа узка – раздолье мыслям.
Судьба скалой нависла пришлой,
На ней серебряные числа,
Под нею будто кто-то дышит.

Мой жребий тяжек, служба клерком
Уже сполна поднадоела.
В любви бездарные калеки
Всё трутся рядом то и дело.

А будь он легок, словно птаха,
Сорвался бы, наверно, в небо.
Но жребий мой – я просто пахарь,
Кормящий эту птаху хлебом.

* * *

По зебре Млечного Пути,
Наверно, ангелы ступают,
И нас они не понимают,
Спешат, наверно, осудить.

Погрязли души в суете
Мирских утех еды и порно…
А в небе ласковом просторно…
Узнать бы, где дороги те?

Стряхнуть озябших ворох дум,
Оставить дрябнущее тело,
Взмахнуть руками слишком смело,
Земной покинуть колотун.

Но сколько не смотрю я в небо,
Мечта глупа наверняка,
Схватила детская рука
Меня за локоть, просит хлеба…

Нас ангелы не понимают,
Спешат, наверно, осудить.
По зебре Млечного Пути
Они тихонечко ступают…

* * *

Я - желтый лист осеннего тумана,
Лечу по ветру над простором луж,
И грезится судьба моя обманом
Среди полярных радостей и стуж.

Я повяжу на горло пёстрый шарфик
И выйду петь на площадь о любви.
Ну а затем в осеннем мокром парке
Отдам в пивной последние рубли.

Я встречу друга, он подаст мне руку.
Любимая, ты вспомни обо мне…
И на рыбалке разговеем скуку –
Еще есть счастье на больной земле.

Зачем судьба меня как лист осенний
Ты гонишь от людей в сырой подвал.
Умру, и не настанет воскресенья…
Я - желтый лист, фонтом, мираж, обман!

* * *

Везёт кому-то, пишут о природе,
О родине, и даже о любви.
И я слова слагаю в рифмы, вроде…
Но ты меня поэтом не зови.

Я болен словом, раздирает душу
Оно, когда рождается на свет.
И стих, пускай, мой с виду простодушен,
И будто в нём камней подводных нет…

Но в нём, наверно, божье проведенье –
Стихи приходят изредка ко мне –
И каждое моё стихотворенье
Пишу о своей горестной стране.

С годами ощущаю боль и счастье –
Рубцова и Есенина мне жаль.
Они давно убиты были властью,
И смерть на них смотрела сквозь вуаль.

Вот и сейчас царапается слово…
А нужно ли оно еще кому?
Иисус с иконы щурится сурово,
Оно, видать, не нужно и ему…

* * *

Язык национальный обрести,
Историю знать своего народа,
Старинные традиции блюсти –
Наверно, в этом истинно – свобода.

Давно ушли в историю заветы
О том, что ты советский человек,
И не нужны, мол, прошлого приметы,
Забудь, какой ты нации на век!

Но рухнул строй, растаяла идея
О нации: «советский гражданин».
И задался вопросом: «С кем и где я?»
Вот, оказалось, что такой – один.

Во мне бурлит немецкой крови четверть,
Донские казаки в моей крови.
За коми парня мама вышла, вот ведь,
Надеюсь, что по страсти и любви.

В Германию, наверное, не пустят,
Фамилией по папе подкачал.
Быть казаком в краю таёжном грустно.
А коми «мортом» за всю жизнь не стал…

И коль я не советский гражданин,
Пусть родичи не скажут меня трусом,
Чтоб не был на земле совсем один,
Я стану настоящим белорусом!

* * *

На театральных подмостках
Случается чудо.
На театральных подмостках
Рождается чудо.

Чудо-герои сражаются там
За любимых,
Чудо-принцессы
Не поняты там и гонимы…

Там совершается зло
И добро в одночасье,
Там рука об руку в гриме
И горе и счастье,

Смелость и подлость,
Коварство и добрая воля…
Там и мартеновский цех,
И футбольное поле…

Вы отыграли на сцене
Созвездия драму,
Занавес пыльным подолом
Касается рампы.

Вот вам цветы,
Заголовки газет и признанье,
Вам поцелуй мимолетный и…
Рано до званья…

Вам одинокая старость
На блеклых афишах.
Вам написать о театре
Великую книжку…

Публика дома,
Забыты интриги и страсти,
Снова в театре
Закончился огненный праздник.

Сцену метёт вечный зритель –
Уборщица Паша…
Все это, все это –
Жизнь бесконечная ваша…

Как вы устали, о, боже мой,
Как вы устали.
Но все же поняли вас
В этом зрительном зале!

ДОЖДЬ

Босыми пятками по полю
Бежал мальчишка – звёздный дождь,
Его никто не поневолил,
А вымокнуть под ним пришлось.

И под моим зонтом, как крышей,
Ты спрятала свои крыла.
Казалось мне на миг… по жизни
Со мною дальше вдруг пошла.

И так идем вдвоем уютно,
Ведь под зонтом у нас мирок,
Что греет душу поминутно…
А мир вокруг насквозь промок.

* * *

Поэт раздаривал стихи
В неброском переплете.
Их так никто и не купил,
Созвездье на излёте…
Поэту надо было пить,
Чтоб праздновать свободу,
Порой жену, детей корить,
Нося им бутерброды.
Но так никто и не купил
Егонный труд-работу.
Поэт раздаривал стихи,
Как пули – в переплёте…

* * *

Малиновый восход –
Предвестник горя…
Вороны,
Словно дырки на мишени.
У покорённых
Мысли о позоре,
У них в крови истертые
Колени…

Пусть в сумраке души
Растают войны.
Пред ликом вспоминается
Святое.
Враг уже давно
Земной покойник.
На земле еще
Остались двое…

Совмещая мушку на
Вороне,
Твердь
Приклада на плечо поставлю.
Дед Мороз,
Как будто вор в законе,
Мне сосульку
Дарует как саблю.

Выстрелю,
И каркнуть не успеет.
Гроздьями рябины

Кровь и перья…
Пред иконой
Истоптал колени,
Согрешил,
И каюсь вот теперь я!

Пред иконой
Благо на коленях…
Две собаки
На дороге вздорят…
Шесть ворон,
Как дырки на мишени…
Розовый закат –
Предвестник горя…

* * *

«Я отстраню руками
Перед тобою камень.
Я растоплю слезою
Горе перед тобою.

Там, за порогом дома
Буду тобой ведома.
Я со спины прикрою
Счастье твоё собою.

Буду преградой пуле,
Выпущенной вдогонку…
Если уйдёшь с другою –
В путь соберу котомку…»

Только одна из женщин
Может такою стать.
Имя её, как песня,
С самого детства - мать…

В ТАМБУРЕ

Говорили в тамбуре про пожар.
Говорили в тамбуре про футбол,
Про политику и про птицу-жар,
Про вино, да и про любовь.
Говорили ещё про то,
Что почём, да и где купить.
Не страна у нас, а шапито,

Огород-то что городить…
Кто-то вспомнил Афганистан,
Кто Чечню, кто-то первый снег.
Кто-то вывернул свой карман
И сказал:
- Больше мочи нет!
Революция, мол, грядёт,
Надоела такая жисть.
Кто-то вдруг:
- Проводник идёт…
Покурили и ра-зо-шлись…

НИЩИЕ

1.
На ступеньках лежали ладони…
Звёзды меди текли туда.
В церкви праведны только иконы,
В ржавых трубах святая вода.
Средоточье грехов и болезней,
Средоточие мыслей и душ.
Кто-то купит в ларьке
Божий крестик,
Кто открестится в кукиш за куш.

2.
По козырькам страна шагала
Тех кепок, что упали ниц
У Белорусского вокзала,
Где в суете не видно лиц.
Страна металась по тоннелю,
Шельмуя нищих слепотой.
И было ей не до апреля
С его державной наготой.

3.
С обочины страны поэт в Москве –
Явление достойное учёных.
Не торговался с нищими в цене,
Кидая мелочь, не просил пардонов.
Ведь сам лежу, как кепка или шляпа
У ног твоих, Россия, бог простит!
Зову тебя, то мамою, то папой,
А ты не устаёшь по мне идти…

* * *

Сено, скошенное пахло арбузами…
Дядя Леша, дворник-косарь
С граблями и косою, словно бы с аркебузами
Ходит по городу рыцарь-фонарь.

Только жаль ему, что эту травушку
Ни корове, ни козе, ни кролям,
А увезут на свалку сударушку,
Как не нужный, отравленный хлам.

У него работа неспешная –
Лету еще течь и течь.
По ночам его память приезжая
Крутит сны про русскую печь…

* * *

На кухне делают дела
Плохие и хорошие.
Нас там и мама родила.
Мука лежит порошею.

Там тараканы и коты
Плетут интриги ушлые.
Там даже с Богом мы на «ты».
Там радио мы слушаем.

На кухнях есть свои бойцы
И даже агитаторы.
Едят капусту мудрецы,
Как зебру аллигаторы.

Поэму пишет графоман,
И варит борщ соседка,
Крадёт конфеты мальчуган,
Старик грызёт объедки.

На кухне мы своей верны
Уюту и свободе,
Ведь кухня – это часть страны,
А мы – щепоть народа.

* * *

Я родился в метельную ночь,
Когда выли по волчьи ветра.
И хотела мне вьюга помочь,
Да никак не могла, не могла…

На столбе закружило фонарь,
И морозцем расплющив луну,
Передал свою силу февраль
Марту – рыбе по календарю.

А Гагарин уже отлетал,
Кукуруза цвела в Воркуте…
Ну а я благим матом орал,
Мол, родился в погоды не те.

Мол, не в те времена и не там,
И в стране-то не в той… Но, увы,
Вьюга лупит культёй по щекам…
Что же я не клоню головы?

* * *

Соберитесь, друзья,
Пусть немного вас станет в тот день.
Утром этого дня,
Пусть собраться вам будет не лень.

Я вас точно дождусь,
Хватит времени сил у меня,
Пусть из тысячи дружб
Лишь останется дружба моя.

Я, бывало, грешил
И значения не придавал.
Но друзей никогда
В этой жизни я не предавал.

Водку пил и стихи
В одиночестве плохо писал…
Разве ж это грехи?
В храме божьем давно не бывал…

Не хочу пировать
В этот день, дорогие мои,
Будет жёсткой кровать
Для меня в те погожие дни.

И потом,
Когда медь пятаков засветится в ночи,
Посидите со мной,
Дорогие мои палачи.

А когда выносить
Вы в подъезде начнёте меня,
Пусть чуть поголосит
Так любимая мама моя.

Постучите лопатой
По холмику, выправьте крест.
А потом приходите когда-то…
Я, может быть, здесь.

* * *

По Млечному Пути метелью звёздной,
Сбивая караван планетных грёз,
Предчувствуя космические грозы,
Катились звёзды капельками слёз.

В лицо пылил мне этот звёздный ветер.
А я упрямо двигался вперёд.
Писал стихи с рассвета до рассвета
И сердцем растопил подлунный лёд.

Слова стекали каплями с сосулек,
Во снах и грёзах чудилась весна.
Про звёздный ветер вы мне намекнули…
Я им уже насытился сполна!

Моих вершин, покрытых снежной крошкой,
Когда-нибудь коснётся чья-то длань.
Осталось жить совсем ещё немножко.
Конец зиме, весна, ушёл февраль…

ПО ПЛОЩАДЯМ СЫКТЫВКАРА

* * *

А мне не стать отрадою тебе,
По площадям брожу я сыктывкарским.
Позёмкой мчится вьюга по судьбе,
В проулках пряча норов свой бунтарский.

А я хочу быть радостью твоей
На перекрёстках тех путей-дорожек,
Что не бывает для любви дороже
Средь сыктывкарских улиц-площадей.

Спуститься к парку на берег реки,
По руслу от излуки до излуки,
Нас встретил Сыктывкар, конец разлуке,
Хотя дороги были нелегки…

Теперь по жизни нам идти вдвоём
По площадям родного Сыктывкара,
И песню мы ему ещё споём,
Ещё вдвоём сыграем на гитарах.

Дома, фонтаны, парки и любовь.
Людской молвы житейской перекаты…
На Сысоле восходы и закаты
Встречать нам вместе вновь и вновь, и вновь!

* * *

Потому что снег кружится над Россией,
Потому что небо в облаках,
Ты от года к году все красивей
Мой чуть-чуть столичный Сыктывкар.

Тянутся все выше твои зданья.
Город, ставший родиной моей,
Ты прими в любви к тебе признанье,
В рюмочной мне водочки налей.

Проводи тропинкой среди улиц,
Чтобы я добрел к своей жене,
И пусть светофоры в след мне щурятся,
Девушки подмигивают мне.

Снег кружит, смягчая очертанья,
Новогодний блеск в глазах домов.
Ты услышал ли моё признанье,
До моих ли нынче тебе слов?

Ты от года к году все красивей,
Мой родной столичный Сыктывкар,
Потому что снег кружится над Россией,
Потому что небо в облаках…

* * *

Мой столичный Сыктывкар
Весь в неоновых рекламах,
Словно ель под новый год
На Стефановской в гирляндах.
Рассыпные кружева на стекле
В оконных рамах.
От гостиниц за версту
Тянет фирменной «Лавандой».
От студенток рябь в глазах –
Понимаешь, что стареешь.
А в автобусе мужик
«Банду» Пронина читает.
Над фонтанами сугроб,
Два подвыпивших старлея
Вспоминают о войне и бредут,
Судьбу латая.
Греховодница зима
Замела огрехи лета:
Мусор, павшую листву
Снег прикрыл от глаз прохожих.
Как невеста под вуаль
Спрятал все свои секреты
Мой столичный городок
На провинцию похожий.

ОТКРОЙТЕ ВСЕ ОКНА И ДВЕРИ…

* * *

А.И. Куратову

Вдали от родины, страдая от чахотки,
На службе государевой поэт
Был страстен не от чарки русской водки,
И лаской женскою он не был обогрет…

Но он был страстен к слову по-зырянски,
И шепот Пармы не давал уснуть.
В лампадке огонёк в порыве страсти
Ему открыл народной жизни суть.

Страдая по любимой своей Сандре
Среди казахских призрачных степей,
Не знал поэт, что станет коми бардом,
И так вернется к родине своей.

Он разве думал о великой славе,
Когда перо скрипело по ночам,
И может Бог, а может быть лукавый,
Ему слова на строфы размечал?

Он разве думал, что тоску по счастью,
Что на бумагу занесла рука,
Другие перепишут с той же страстью
И сохранят на долгие века.

А нынче скороспелые писаки,
Под кайфом получив адреналин,
Свои графологические враки
Несут из типографий в магазин…

Но сквозь очки, прищур простецки мудрый -
Глядит поэт с музейных стеллажей,
Как будто мальчуган, проснувшись утром,
И сочинивший первый стих уже…

* * *

Надежде Мирошниченко

Напишу картину, некий образ –
Поле одуванчиков в горсти.
В нём весенних грёз благие грозы
Золотом сусальным век сластит.

В нём любовь морской резною чашей
С окоёмом судьбоносных скал.
И Россия только нам и наша:
Каждый городок и перевал.

В нём горит зарёй такое Слово,
В нём такой набат тревожных дум…
Бабы наши не всегда кулёмы,
Нам бы дорасти до наших дур.

В нём ладони мастера огранки
Горного поэта-хрусталя.
Первые с моей строкою гранки,
Первый гонорар мой в три рубля.

В нём свеча горит под образами,
И погостов древние кресты,
Дети с голубющими глазами,
И Федулов – плечи в полверсты.

В нём ведунья ветры ворожит,
И девчонка скачет на скакалке,
С русской широтой своей души
Сочетая талию русалки.

* * *

Виктору Демидову

Взгляд с прищуром открытых и синих озер
Глаз, по-детски наивных,
по-взрослому добрых.
И о чём бы поэт не завел разговор,
Получается мудрое, крепкое слово.

О ГУЛаге ли, или о тундре в цвету,
О любимых ли людях, о соснах на скалах,
Получается, словно познал красоту,
Ту, которая в сердце навечно застряла.

Он, как вечный отец, держит в дланях стихи,
Что рождаются в мир, как желанные дети.
И от каждой написанной в вечность строки
Веет правдой о жизни и мудростью света.

Его книжки рассыплются звездами душ
По вселенной тайги и проснувшейся тундры.
А на памяти – гибелью близкого – груз.
И мороз сединою прическу припудрил…

Ведь приходится строчку газетную гнать
И порой защищаться от злого навета…
Но друзья собрались в кабинете опять
И тебя коронуют в большие поэты.

И о чём бы поэт ни завел разговор,
Получается мудрое, крепкое слово…
Взгляд с прищуром открытых и синих озер,
Глаз по-детски наивных,
проститься готовых…

* * *

Алексею Иевлеву

Твои горы высоки и нетленны.
К ним дорога нелегка и зыбуча.
На твоем пути пели Сирены,
И катились обвалы по кручам.

Ты шагал по житейским болотам
И наивно слагал свои вирши,
Как подлодка своим эхолотом
Взглядом в небо опутывал крыши.

В твоих броднях, усталость не знавших,
Ныне сладкий уют поселился,
Потому что на той, что из завтра
Взял однажды ты да и женился…

УЧИТЕЛЬ

Владимиру Александровичу Силкину

Стило так преданно сжимая
В ладонях, знавших тяжкий труд,
Ты шёл по жизни, прикрывая
Своей судьбою ратный люд.
И я готов с твоих сандалий
Дорожной пыли снять нагар,
Учитель мой, предвестник славы,
Поэзии моей алтарь…
Придём мы к праху наших предков,
Ударит пуля в смертный час,
Но наши песни наши детки
Споют про Родину и нас!

* * *

На смерть друга Альберта Бернштейна
(4 июня 2010 года)

Уходят наши и не наши…
Но, если наши, больно так…
Не страшно лагерной параши
За медный получить пятак!

Бернштейн – как рокот по каменьям.
Заржал в тумане рыжий конь…
Я вспоминаю те мгновенья,
Что хаживали мы в огонь…

И жгла она – литература
Глаголом призрачных одежд,
В речах звучала партитура
Невысказанных вслух надежд!

И возвышалась мавзолеем
Бутылок водочная рать.
Как киноленту судьбы клеим,
Свою же не пересказать…

Могильный холод скрестит руки
На трепетной вчера груди
Дай Боже, вспомнят наши внуки
О том, что вечность впереди.

* * *

Вячеславу Шульгину

«И сердца боль», и «Несли меня кони»,
И «Прерванный (кем-то) полет»…
Три книги, в которых искони
Душа праотца их живет.

Он летчик и фотохудожник,
Которому свойственно «ню»,
Глядит на нас с ярких обложек,
Все то, что присуще ему.

По возрасту – юный писатель,
По опыту сверхкорифей.
Он литературы создатель,
С которым считайтесь теперь.

Различные «Музы» и «Дивы» -
Пусть не пролетарских кровей.
Слова его в книгах правдивы,
Как ток по весне глухарей.

Однажды он спел нам былину,
Где «Коми (ходил) «Пионер».
Река прорывает плотину,
Травой покрывается сквер…

Весна в твоем творчестве ропщет.
В нем жизнь поколенья страны,
В нем кони по зорице топчут
Залитую кипень травы.

Пусть силы твои не иссякнут,
Творец по нелегкой судьбе,
И критики что-нибудь вякнут
В газетах своих о тебе…

Три книги, в которых искони
Душа праотца их живет,
И снова несут его кони
В не прерванный жизнью полет!

* * *

Александру Лужикову

На тропинке ветхой
В розовой беретке
Под ботинком старым
На песке лежалом
Стебелёк сломавши,
Был тюльпан упавши…
Чьи-нибудь ладони,
Не пугаясь боли,
Возвратят тюльпану
Воздух, свет и волю?
Снова он увидит,
Как высоко в небе
Солнце заслоняет
Хмурый белый лебедь,
Что красив, как пони,
В цирковой тележке,
Величав, как море
В суете прибрежной?
Много ли тюльпану
Надо в жизни этой?
Пару чашек кофе
И чтоб быть поэтом.
Вязанных перчаток
На всю жизнь две пары
И диван помягче,
Только бы не нары…
Но его природа
Родила на тропке,
По которой ходят
Мужики за водкой…

* * *

Валерию Фокину

Встретились поэт с поэтом,
Вот поэтому и пьют.
Каждый делится секретом,
Почему он нынче тут.

Почему в авоське пусто,
А в пивной последний рубль…
В бороде висит капуста,
Их язык тяжёл и груб.

А в девятом классе девки
Аккуратненько в тетрадь
Перепишут их напевки,
Где любовь и благодать.

Кружки сдвинули поэты,
Пена брызжет на рукав.
Им сейчас бы пистолеты,
Разобрались бы кто прав.

Чей Парнас в литературе
Выше голоса в пивной…
Всё равно все бабы дуры,
Нет нормальной ни одной!

ГИТАРА

Владиславу Можайкину

В кресло поставил хозяин гитару.
Она заблестела под лампой торшера.

Я слышал, как струны гитары молчали,
Гитара по песне раздольной скучала.

Она в мягком кресле сидеть не умела,
Был ярок тот свет неживой от торшера.

Она и в горах, и в лесах побывала,
В алтайских степях на коне проскакала.

У Белого моря всходила на сейнер,
И на мостовой была в городе Веймар…

Короче, хозяин состарился, видно.
Ему-то прикольно, гитаре – обидно…

* * *

Дмитрию Фролову

Светлые души поэтов
В тёмной российской ночи,
Как светлячки, богу светят.
Небо в ответ – молчит.

Может быть, звёзд отраженье
В мокрой траве луговой –
Светлой души воскресенье,
Выпавшей чистой росой.

Не замутить эту святость
Кляпом, решёткой, сумой!
Душами плакать и плакать
Радуге над мостовой.

Родина, нет тут секрета –
Ты потому и жива,
Светлые души поэтов
Светят тебе до утра…

* * *

Виктору Кушманову

Не ищите меня, я ушел
По весеннему талому снегу,
И поверьте, мне так хорошо,
Что давно в этой жизни не ведал.

Так легко, и не хочется пить.
И не хочется путаться в строчках.
Лишь в возвышенном небе парить,
Вспоминать о жене и дочках.

Пусть напишется вам обо мне,
Горемыки, что топчете землю.
Предадите мой посох земле,
Вы ж не знаете, пью здесь и ем ли…

Вы ж не знаете, что и почём
Там за кромкой сплошного заката,
Как тут в холод души горячо
Мысли всякие лезут, ребята.

Я приду к вам в метельную ночь,
Когда кончится водка в бутылках,
Посижу, поболтаю и прочь…
И чешите потом вы в затылках.

* * *

Валентине Капшиной

Это дует не ветер,
Не осень поземки метет,
Это солнце коснулось
Волос ее огненно рыжих.

Это скачет Пегас, что,
Наверное, снова несет
Ей стихи о любви
И о нашем местечке – Париже…

Это песни струятся,
Что пишутся с легкой руки,
Это гомон друзей,
Что не брошены были ни разу,
Это поле шумит,
Меж колосьев цветут васильки…
И об этом Пегас, что несется,
Ей тоже расскажет.

Это дети её, это муж,
Отошедший ко сну,
Это мир, что она возвела,
Возвеличила и сохранила,
А бывало, впрягался Пегас
На меже в борону…
А словечко свое она
В землю уже обронила.

Прорастут семена,
А дела будут славны в народ.
Во вселенной зажженные звезды
Светить не устанут,
Время славных побед
Никогда от тебя не уйдет,
И друзья, видит Бог,
Даже здесь за столом не оставят…

Это скачет Пегас,
Что, наверное, снова несет
Ей стихи о любви
И о нашем местечке – Париже…
Это дует не ветер,
Не осень поземки метет,
Это солнце коснулось
Волос твоих огненно рыжих!

* * *

Борису Шенкману

Откройте все двери и окна,
Стихи отпущу на свободу,
А то сквозь разбитые стекла
Поранятся, выйдя к народу.

Нет мочи держать их в уздечке
И в стол их писать, а не в книжку.
А время, увы, быстротечно…
Откройте на окнах задвижки.

Плевать им на прозу и вирши…
Коль только плетёте интриги,
О, те, от кого я завишу,
Вернее, не я, мои книги.

Но есть в этом мире удача,
Есть друга плечо для опоры.
И пусть злые гномы судачат,
Скрывая личины за шторы.

Стихи мои вышли к народу,
И кровь была алой, не блёклой,
Пройдя сквозь огонь и сквозь воду,
Пройдя сквозь разбитые стекла…

* * *

«Домик мой становится утлым…»
Александр Алшутов.

Бочка спирта – лекарство для тела,
Для уставшего вусмерть поэта.
А ему умирать не приспело.
Дом достроить ему этим летом
Просто жизненно необходимо…
А то утлою сделалась дача,
Где священник гнал духов кадилом…
Выполнимая ль это задача?
Бочка спирта – карболка поэтов.
Я ведь тоже попил того меда.
Где-то бродит Алшутов по свету
Неотъемлемой частью природы.

* * *

Олегу Чупрову

Я хочу жить в Петербурге.
Тот, который – Санкт.
Чтобы над Невою урны
Выстроены в ряд.

Я там был, глазел весною
На ущербный снег.
Там давно живёт с женою
Наш Чупров Олег.

Это, видите ли, - Питер.
И кругом вода
Льдины в море волокитит
Раз и навсегда.

Там и Петергоф, и Мойка,
Там ведь – Эрмитаж!
По проспектам скачет тройка,
И в душе кураж.

Мне бы там жилось не слабо.
Я бы там писал
О своих любимых бабах.
Век бы не устал…

* * *

Владимиру Подлузскому

Беда стучит в моё окно
Синичьим клювом,
Стеклу на это всё равно,
И мне бы плюнуть!

Но и жена, и младший сын
Не смогут выжить.
И я вбиваю в горло клин –
Не жить в Париже…

Людская подлая молва,
Как волны в берег.
А сыну старшему халва,
Как камень в Терек.

А мне бы заработать чуть
На хлеб и воду
Хоть где-нибудь и кем-нибудь,
Храня свободу.

Ведь я поэт – степной мустанг,
Волна на Волге.
Но не найти на хлеб никак
Да и на воду.

Я проклинаю этот мир,
Где я не нужен,
Где мне подобных простофиль
Утопят в луже…

* * *

Владимиру Высоцкому

Сорвал он сердце на бегу,
И волки у флажков в загоне
В кровавом замерли снегу,
Споткнулись о дорогу кони.

Со звоном лопнула струна,
Её скрутили боль и мука.
Слова и музыку она
Оборвала… Затихли звуки.

Страна не приспустила флаг.
Лишь голуби по всей Таганке
Свой задержали быстрый шаг…
Но кони снова тянут лямки.

И волк, что прыгнул за флажок,
Жив, невредим и зол, как прежде.
Его пружинистый прыжок
Лишает кроликов надежды.

А, может быть, случился сон,
И жив поэт, артист и воин.
Всё также мой магнитофон
Его словами словно стонет.

Быть может, выдуман июль
Восьмидесятого… Быть может…
На всех поэтов хватит пуль.
Меня такая же уложит.

* * *

Памяти Ал. Алшутова

Я хочу, чтоб звучали стихи
В эту ночь, в этот день, в это утро,
Чтоб от каждой калёной строки
Так легко, а быть может, так трудно,
Заходилось дыханье людей,
И сердца их звучали правдивей…
Александр, отзовитесь, вы где?
Мы стоим над твоею могилой.
Я не верю, что ты снизойдёшь
В эту стылую, мёрзлую землю.
Все мы знали, что ты не умрёшь!
Я и нынче-то в это не верю.
Пусть ликует танцор на гробах,
Подписавшийся под некрологом.
Будет он плодовито и долго
После смерти поэта в друзьях.
Он к могиле твоей подойдёт,
Горсть землицы испачкает руки.
Перед камерой лживо всплакнёт
На плече хитромудрой подруги…
Кавалерия ж скачет твоя,
Сейнер в море уходит за рыбой…
Будет пухом земля для тебя,
Так недавно служившая дыбой!

п. В. Максаковка.
Ночь с 13 на 14 февраля 1999 года.

* * *

Владимиру Высоцкому

Сигарету он не докурил…
Он и песню-то свою не допел…
А говорят, что полжизни дурил,
И романсы свои просто хрипел.

Говорят, что женщин странных любил.
А ещё, мол, рвался вон из страны.
Сколько водки он в себе загубил.
На гитаре не хватало струны…

* * *

На сорок дней Рафаилу Клейну

Он всю жизнь радел за свою пайку,
Против финки или клеветы,
А вокруг студентки робкой стайкой,
Транспаранты, флаги и цветы.

Он молился Музе с Мельпоменой
И писал, писал, писал, писал…
О судьбе страны так откровенно,
Что любви у многих не снискал.

Строил дом из книг, не кирпичами,
В черепе носил огромный мир.
А его всю жизнь изобличали,
Те, кого он тоже не любил!

Растворился в дочери и сыне
И в своих былых учениках.
Долго-долго шёл к своей могиле
С искоркой в мертвеющих глазах.

Он всегда ребёнком был для смерти,
Не боялся зоны и войны,
А ещё своей любимой Свете
Он прибавил много седины.

17 мая 2009 года

* * *

Александру Парначёву

Как скоротечна и нелепа жизнь,
Как коротко писательское слово,
Когда-нибудь потомкам пригодись,
Пусть скажут: «А писал-то не хреново…»

Служа Фемиде, музами любим,
Он был бойцом и в жизни, и в задумках.
В литературе вечный Пилигрим,
Воров гонял по тёмным закоулкам.

Любил жену и пестовал детей.
С крестьянской хваткой был земле хозяин.
На кабанов ходил и глухарей,
Сын тундры, отрок городских окраин.

Пусть «Только Лымва знает» где «Яг-морт»,
Нашёл в романе свой «Клад Аввакума».
Нет с нами Саши, оторопь берёт.
Догнать смогла его шальная пуля.

Ужалит сердце краткий некролог,
На фото подполковник, взгляд суровый.
Жизнь просочилась кровью между строк,
Как коротко писательское слово…

14 августа 2009 года

НЕМЫЕ НИМФЫ

Ал. Алшутову

В наше время нам не до стихов.
Трудно думать о высоком в жизни.
Низменное тянет дураков,
Нас, поэтов, - ниже, ниже, ниже…

И от чарки водки захмелев
С голодухи от Руси в разоре,
В небо нам не смотрится уже,
Не о книгах наши разговоры.

Ведь бывало, как родится стих,
Мы друг к другу бегали спросонья…
А теперь и голос наш затих
В многогласье волчьего закона.

А теперь не пишется совсем –
И мечты разбились о желанья.
И бессилье тащится в постель,
Где уж не зачать нам мирозданья.

Ножки… ножки, солнышко, весна…
Я сижу на остановке, хмурясь,
Жду автобус в дальние края,
Где река устало изогнулась.

Домик, где на берегу крутом
Сохраняет мудрый, старый филин,
Где я буду каждому знаком
И любим без видимых усилий.

Где уже зелёная трава,
И река сломила лёд упругий.
Где людская, злобная молва
Заточила творчество в берлогу.

Возраст, может, к сердцу подступил?
Смотрится на женщин, что моложе
Раза в два, на то хватает сил,
Ведь поэту слабым быть негоже.

В солнечном, ажурном бытие
Шли, дорогу лужам уступая,
Длинноногих, юных нимфы две,
Взгляды, на прохожих наставляя.

Столько было в девушках тепла,
Беззаботной детскости и лени,
Что в душе моей сгорел дотла
Опыт всех прошедших поколений.

Сердце напряглось, как у быка
Пред последним шагом пикадора.
Заходили ходуном бока…
Щёки стали ярче помидора…

Взгляд мой восхищался и горел,
Поедая юные созданья.
Я как будто заново созрел,
Для вины, для муки, для желанья…

Встали нимфы около меня
И заговорили меж собою,
Весело беззвучные, смеясь
Над коварной, злой, не их судьбою…

Две немые девушки глухи,
Шёпотом им не делиться лаской…
Вот тогда и родились стихи
У меня весною в чёрных красках.

И тогда я понял, что устал –
Быть немым не свойственно поэту.
Шёл автобус, где-то меня ждал
Мудрый филин, я к нему и еду.

Лихолетье высветит талант.
И хребет российского поэта
Станет ещё крепче во сто крат…
Лишь бы честь осталась не пропетой.

ВЕРЛИБРЫ

В СЫКТЫВКАРЕ ЗИМА

Я стою у кольца,
Странный памятник в виде ракеты,
Что решилась прошить
Нашу землю, наверно, насквозь…
Снег на крышах домов,
Как на острых еловых вершинах.
Заливают каток,
Будет где ребятне покататься…
На дорогах песок
Липкой грязью смешался со снегом.
Люди носят дыханье,
Как собственный быстрый туман.
Стайка лыжниц бежит –
На автобус вот-вот опоздают.
Вышел кот подышать из подъезда,
Сощурил глаза.
Воробьи расчирикались,
Скудно теперь на помойках…
Неожиданно снова пришла
В этот город зима…

* * *

Заштопать бы прорехи всех оскомин,
Что оставляли запахи жасмина
И ладана…
Ты воска позолота,
Что сердце сургучом любви скрепила.
А может быть,
Ты крест из дуба с цепью?
Или ладья уставших Аргонавтов,
Приткнувшаяся в желтизну залива?
А может…
Кисть моя засохла с краской
В руке творца, не отыскав холста…
Руины – из окурков строю замок,
В котором нам с тобой не жить.
Как жаль…
А так хотелось, чтобы ворковали
Сизарь с голубкой на резном фронтоне
И склёвывали из твоих ладоней
Изюминки…
Но рухнула Помпея.
И я сижу один в недоуменье.

* * *

Мы брели к твоим знакомым
Под дождём, через канаву –
Ту, что вырыли трудяги
Под высоковольтный кабель.
В деревянном, двухэтажном,
Старом и кургузом доме
На ступеньках, что скрипели,
Мы чуть-чуть поцеловались…
Но пришли соседи, ссорясь
О предвыборных агитках,
И спугнули нашу тайну,
Словно голубей с карниза.
Мы взлетели к нужной двери,
Но знакомых, - вот судьбина, -
Дома не было в тот час.
Под дождём сквозь тополь шумный
Завершилась наша повесть.
А могло бы быть иначе…

* * *

И невдомек мне – не вечна жизнь…
Бреду, бреду от звезды к звезде
И каждой имя чуть-чуть даю,
Сажу на каждой свои сады…

А жизнь течет, и, кончая век,
Увидев сада истлевший прах,
К звезде далекой тяну ладонь,
Но к ней уже мне не доползти,
И тайну вечную не раскрыть…
И звезд так много, не овладеть.
Жизнь коротка, но сажаю сад,
Хоть листья осенью облетят…

* * *

В пересчете на чашечки с кофе
Мы с тобой океан навстречались.
В пересчете на пепел табачный –
Терриконы вокруг океана.
Ну а слов наберется две горсти,
Что с тобою мы наговорили…
У любви молчаливые страсти.

* * *

Мне бы лечь над обрывом –
На самом краю.
Стать затором из бревен
В пучине реки,
Чтобы ты, не заметив обрыва.
Увидела спину мою.
И, наткнувшись глазами
Но площади жестких лопаток,
Задержала свой шаг.
Я, наверное, жалок и гадок…
Но, родная, не переступи…
Мне бы лечь над обрывом
На самом краю,
Встать в дверях, не пустить…
Но сижу за столом
И читаю газету свою…
Лишь порог тебе переступить.

* * *

Я не помню ни лица её,
Ни фигуры.
Помню только глаза
Большие и карие.
Помню ещё:
Она была учительницей литературы.
Я узнал это
От рядом стоящей девочки
В рыжих, запылённых сандалиях.
Она вышла из автобуса,
Щёлкнула дверь отрывисто.
И я увидел
Через заднее,
Прилипшее к небу стекло,
Как она вдруг обернулась,
Наверное, слишком порывисто,
И в глазах её было тепло.
Уже давно
Автобус мерил белые линии.
И на дороге было неимоверно пусто,
Но рядом стояла девочка
Со сбитыми в кровь коленями,
Рукой махала дороге.
И ей было тоже грустно…

* * *

Всё не важно в этой жизни,
Кроме выцветших обоев
В летней кухне, где капризно
Закипал наш самовар.

Где теперь гниют те стены?
И обои те в цветочек?
И в каком утиле прерван
Самовара славный путь?

Рядом с домом рос мой тополь,
Дед его садил когда-то
В тот денёк, как первый вопль
Огласил мой ратный нрав.

Тополь, кажется, спилили –
Там теперь пятиэтажка…
Сыплют соли на крылечко
И гоняют голубей.
Это, может быть и важно,
Если потерял однажды
Родины своей кусок…

* * *

Кончики пальцев – дрожь.
Сердце сожми в кулак.
Выплесни взгляда боль
Прямо судьбе в лицо.
Пусть с нею рядом он,
Дай им земной поклон,
Так, чтобы ни слезы.
Так, чтобы ни словца
Не изошло из уст…
Слышится пальцев хруст.

СЛУЧИЛОСЬ ТО…

Страдая эпилепсией крючков,
Дверь распахнулась,
Скрипнув заржавело.
Свалился ключ
На тёплый торс Земли
В намеченное место для укуса.
Сломив подкову голубых небес,
Расправил плечи бледный исполин.

И по Земле малюсенькой, с орех
Вдруг пустота, пугая, разлилась…
Случилось то,
Что крылья Леонардо
Унёс с собой в могилу раб его.

* * *

По этому первому снегу
Не ступала нога человека.
Он лежит неизбитою строчкой,
Нет на нём ни дорог, ни тропинок.
Я стою на пороге подъезда
И боюсь наступить и нарушить
Эту белую тишь новизны
Этой ночью пришедшего снега.
Я взглянул на часы мимолётно
И лишь взгляд оторвал, как увидел
Вместо снега липучую грязь
После сотен сапог и ботинок.

* * *

В автобусе душно и тесно,
Не двинуть плечом.
Вошедшая женщина
Сумкой прикрыла живот.
А к кассе она пробирается,
Как к алтарю,
Чтоб встать на свободный
Ещё от людей пятачок.
Там жизнь упирается
В стенки её живота.
Жизнь с мамой спешит.
Жизнь – святая её полнота.
Не нужен той жизни
Пока лишь билет за проезд…
В автобусе душно,
В автобусе некуда сесть.
Весна за окном пролетает,
В салоне весна.
Встаю, место ей уступаю,
Садится она…

АРИФМЕТИКА

Заблудиться можно
И не в трёх соснах.

Заплутать легко и в двух,
Когда любишь одну,
Да не ту,
Когда любит одна,
Да не та.
И путь твой замкнулся
В восьмёрку.
Два круга, как ни крути,
В тесной взаимосвязи.
И отсутствует точка
Над «i».
Тайга.
Глухомань.
Две сосны.
Сугробы.
По пояс вязнешь.
И нет ни одной тропы.

ПОСВЯЩЕНИЯ БЛИЗКИМ И ДАЛЁКИМ

* * *

Полковнику Григорию Штицбергу

Позвонили с Чечни мне о том, что у них всё нормально,
Что погода уже откровенно запахла весной.
И блиндаж блокпоста пусть
бетонный и пусть капитальный
Не удержит ребят, ведь уже через месяц домой.

Все деревья в цвету, апатична на рынках торговля.
Облака поплывут на восход, БТР заскучал.
Но уже собираются волки по стаям в предгорьях,
Скоро лето: оно для войны всех начало начал.

Ещё режемся с местными на волейбольной площадке,
Ещё ходят они с подбородками без бороды
И поют свои песни о дружбе народов так сладко,
Что не верится в летние в цинк залитые гробы.

Обнимаю тебя и желаю удачи, Григорий!
Скоро будешь ты дома, пойдёте с женою на пляж…
Позвонили с Чечни, и как будто вернулся я в поле,
Будто снова надел поистёршийся свой камуфляж…

* * *

Сергею Родионову

С другом мы давно соседи
На одной большой Земле.
Развела судьба по свету,
Словно ведьма на метле.

Не сказала, как жить дальше –
Быть, а, может, и не быть?
От обид, грехов и фальши
Мне его не оградить.

Развела судьба по свету,
Развела, как два крыла.
Мы – далёкие соседи.
Вот такие, брат, дела…

* * *

Старшему сыну Антону

Я ошибался, я вершил дорогу,
Был нищ и слеп, богат и щедр душой.
Все на кого-то время лил, как воду,
Пренебрегая маленьким тобой.

Моя надежда, мой порыв, мой мальчик,
Мой свет в окошке, якорь мой и крест.
Десятки, сотни раз твой милый пальчик
Был для моей судьбы, что божий перст!

* * *

Берте Андреевне Крейль

Бабушка делает пирожки,
В тесто кладёт капусту.
За окном расцвели васильки,
Мне за них несказанно грустно.

Позавянут и опадут,
Я уеду от бабушки в город.
Хорошо рядом с нею тут,
Да расстаться есть важный повод.

Завернет пирожки в узелок,
Правнучку и тебе на здоровье.
Мне же выберет пирожок
Повкусней… Молоко коровье.

Кружкой битою зачерпнет.
А в глазах… Да такая тоска…
Пропадет без меня огород,
И корова не даст молока…

* * *

Памяти Александра и
Людмилы Чернецовых

В середине мая выпал снег
И укрыл зеленые газоны.
Будто время задержало бег,
И зиме вернуться есть резоны.

К милому ушла под сосен сень
На пригорок сельского погоста
Через год на сорок первый день,
Собралась она навечно в гости.

И теперь покою этих душ
Даже шелест листьев не мешает.
Отгремел их похоронный туш.
Жизнь прошла, и снег к утру растает…

Но убранство белое, как знак,
Встречи двух пожизненно влюбленных
Где-то там, в пушистых облаках,
Солнцем, словно смертью, опаленных…

Будто время задержало бег,
И зиме вернуться есть резоны.
В середине мая выпал снег
И укрыл зеленые газоны.

* * *

Митрофану Курочкину

Там, где белые росы по травам
Раскинут печаль,
Там, где кони вбирают губами
Росинки тумана,

Там родная земля,
Там оставить полжизни не жаль…
Там скончался отец,
И пока что жива моя мама.
Я на Севере строил,
Женился и выкроил жизнь,
Тут мой дом,
И уже родились мои дети и внуки,
А судьба так мотала по Северу,
Только держись,
Непослушными стали
Когда-то неслабые руки.
Беларусь, Беларусь,
Снишься мне по ночам в тишине,
Будто еду домой по России,
За окнами лето…
А когда доберусь,
Знаю, снова привидится мне,
Что я снова бреду по перрону
На Севере где-то…
Где родная земля,
Где оставить полжизни не жаль,
Там где родина,
Там, где покуда жива еще мама,
Или там, где снега,
И пока еще только февраль?
Где-то кони губами вбирают
Росинки тумана…

ГИМН ШАХМАТИСТОВ

Валентину Охапкину

Когда расставлены фигуры
На поле шахматной доски,
Гроссмейстеры от тура к туру
Вершат атаки и броски.

И через сотни поколений
Для граждан шахматной страны
Не будет патовых мгновений.
В игру мы эту влюблены.

Отдать полжизни за победу
Любой из шахматистов рад.
И мастерство вершит победу –
Финал игры не шах, а мат.

Стоят философы Востока
За их согбенною спиной.
И таймер счет ведет жестокий,
Мгновенье – и окончен бой.

Пусть мир на поле черно-белом
Чертой астральной поделен,
Мир шахмат – это спорт для смелых,
Каре фигур возглавит слон.

Сицилианская защита,
Гамбит на поле Каро-Канн…
От рокировки до гамбита –
Разбит, рассеян вражий стан.

Гроссмейстеры от тура к туру
Вершат атаки и броски –
Уже расставлены фигуры
На поле шахматной доски!

* * *

Николаю Александрову

Я знаю, что ты где-то рядом
Незаменимый с детства друг.
Меж нами не было обряда,
Когда скрещают кровь из рук.

Меж нами не было пиковой
Злодейки, вывернувшей жизнь.
Росли на улице «Сосновой»,
Где пили мужики до риз…

Где зона щерилась «колючкой»,
И в душах жил еще ГУЛаг,
Отцы в Кильдим несли получку,
Над леспромхозом вился флаг.

Где тетки шелушили «семки»
И пели больно за столом.
В бульон мне бабка кинет гренки…
Дед подзатыльник – поделом…

А друг живет в Москве далекой,
И редко-редко позвонит.
Ему там тоже одиноко,
Хотя о том не говорит.

Ему там сложно и вольготно,
Торгует пивом, любит дев…
А ночью вдруг приснится лодка
И шелест ачимских дерев.

А я смотрю про штурм «Норд оста»
Экран с пометкой «НТВ»,
И мне, поверишь ли, непросто
Набрать твой телефон в Москве…

Ты помнишь, шелушили «семки»
И водку пили за столом?
Я говорил тебе о Ленке,
А ты мне что-то о своем.

Меж нами не было обряда,
Когда мешали кровь из рук.
Но знаю я, ты где-то рядом,
Хоть и в Москве, мой старый друг.

* * *

Энгельсу Козлову

Остановка трамвая,
Пяток голубей на карнизе.
Две девчонки хихикают,
Видимо, о снегопаде.
Милый, маленький дворик –
Кусочек законченной жизни,
О которой сказать бы.
Да что? И быть может, не надо…

Он писал целой жизнью своею
Картину о счастье,
А всего-то, карниз с голубями,
Шальные девчонки.
Снегопад, над которым никто
В этой жизни не властен,
Остановка трамвая
И дворик немного в сторонке.

Сколько разных картин
Украшают собою музеи,
Лишь одной никогда не напишет
Ушедший художник…

Из окна мастерской виден
Только кусочек аллеи,
Остановка, карниз с голубями
И маленький дворик.

* * *

Максиму Каневу

Я понял только в этот Новый год,
Что времени срока так неизбежны…
Как будто на пути лежат валежины,
И новый жизни путь тропить,
в обход…

Я понял, что возврата нет былому,
И каждая минута, что ушла,
Такие вот банальные дела,
Возврату не подвластна никакому.

А тут, как будто пялятся во след,
Как током стукнуло, слезой у обелиска,
Что старость-то вот-вот, и очень близко…
Коль я уже два месяца как – дед!

А он пришёл две тысячи восьмой,
С петардами, шампанским и любовью,
Посыпав многократно раны солью
В два месяца живущею судьбой.

* * *

Нине Ивановне

Запутался ветер в еловом бору
Седыми вьюнами на ветках.
Сугробам я песню свою спою,
Валежинам в снежных беретках.

По полю, по лесу твой след заплутал.
Тропинку тебе бы, усталой…
Но ты сквозь бураны упрямо сама
Всё рвёшься куда-то, мама.

Лыжню свою, сколько тебе предлагал,
Могуче раздвинув деревья,
Но след твой по жизни всё так же плутал,
Судьбина такая, наверно!

Сугробам я песню свою спою,
Валежинам в снежных беретках.
Запутался ветер в еловом бору
Седыми вьюнами на ветках.

Позволь о себе мне тебе рассказать,
Чтоб ты поняла не напраслину.
Я выстрадал сладкое слово: «мать»,
Как волю мужик у Некрасова.

Позволь мне носить на руках тебя,
Позволь принимать решенья…
Но снегом покрыты вокруг тебя
Сомкнувшиеся деревья.

* * *

Илье Ракину

Давай не будем судьбами меняться.
Она всегда у каждого своя,
Кому-то подойдёт колпак паяца,
Кому постель – сосновая хвоя…

Давай забудем о сердечных болях,
О том: кому кто должен праздный стол,
А встретимся там, где-нибудь на воле,
Где неба синь и ангельский простор.

У костерка присядем, будто в горы
Пришли с охотой лишь на кабанов.
И поведём такие разговоры,
Что мало будет нам хороших слов.

Смотреть на звёзды – это ли не чудо,
Помешивая уголья в костре,
А судьбами меняться мы не будем,
Одна у нас, как пуля на войне…

* * *

Илье Ракину

Узнал мой друг про боль и сердце,
О том, что он не всемогущ.
И нужно меньше кушать перца.
Нить жизни тонкая, как плющ.

Узнал: кто друг, а кто прохожий,
Кому налить в стакан не жаль.
О сыне с дочкой мысль тревожит
И вводит в странную печаль,
Ему неведомую прежде.
Таблеток столько, хоть крестись!
Глаза жены горят надеждой,
Что долгой ещё будет жизнь…

* * *

Владимиру Гоголю – 60 лет

Выпусти музыку из заскучавшей души,
Выйди с ходатайством к Богу о творческой метке,
И заодно отточи себе карандаши,
Пусть отпоют соловьи на берёзовых ветках.

Строился, строился «STEP» на родном ЛПКа,
Мощности выросли, розданы были медали,
Жизнь в энергетике длится и длится пока,
Но замаячили вдруг пенсионные дали…

Ваша энергия подзаряжает друзей,
И энергетик почти что уже «энеджайзер»,
Рюмку вина поскорее любимой налей,
В двери уже постучался гранатовый праздник!

04 июня 2011 года.

ГОРЕЛИ РУКОПИСИ В ПЕЧКЕ…

* * *

Рифмы выжатый лимон
Никому не интересен.
Слышал старый патефон
С грампластинок много песен…

На развалинах души
Вырос храм обыкновенный.
В ход пошли карандаши
И стихи со всей вселенной.

В окна звёздный ветер дул,
Осень листьями влетала.
Там стояли стол и стул,
Вместо шторок – покрывало.

В храме песню пел снегирь,
И свеча горела солнцем.
И ослепший поводырь
Сиживал там у оконца.

Вьюжила в углу зима,
Токовал глухарь рассветный,
И учили букву «а»
Не родившиеся детки.

В храме не было войны,
И как снег любовь по полкам.
У поэта седины
Так и не случилось в чёлке…

* * *

Горели рукописи в печке…
Кому они ещё нужны?
В горниле жадном бессердечном
Моей российской стороны.

И рад был я такой удаче,
Что не потрачусь на дрова,
Согреюсь у печи на даче,
В осенней стуже в Покрова.

На душу тишина давила.
И лишь огонь гудел в трубе.
Печное плавило горнило
Стихи и прозу о тебе,

О, Русь моя! Скупая тётка
С сумой с некрасовской поры.
Твои поэты, как обмотки,
В руках не перья – топоры.

Кидаю в топку книгу жизни
Моей, ненужной никому.
За папкой папку… празднуй тризну,
Плачь по таланту моему!

Всю жизнь боролся за копейку,
Старался выживать, как все,
Литературный раб Андрейка,
Почивший строчками в огне.

* * *

А я в поэзии купался, словно в море,
Пока один злой, в общем, человек
В одном случайном общем разговоре
Не оборвал строки моей разбег.

Он, обаяшка, скаля свои зубы,
Топтался языком по рифам рифм.
Мол, о любви пишу я слишком грубо.
И почерк мой неопытен и крив.

Мол, образы глупы, как мысль софиста,
Лирический герой в упадке сил,
В уста его контральто коммуниста,
Как будто я чуть-чуть не довложил.

И вот теперь сижу на берегу я,
Неопытный, доверчивый пловец,
Солёный воздух с волнами рифмуя
По правилам утопленных сердец…

ТРОПА

Тропа меня ведёт куда-то,
И не заглянешь за черту
Багряно-красного заката,
Что полыхает на ветру.

Не помню у тропы начала.
Не знаю у неё конца.
В ногах полотнище тумана,
А в голове печаль творца.

Бреду, или скачу вприпрыжку
По этой узенькой тропе,
Как по буйкам, от книжки к книжке,
Чумной-чумной, без передышки,
Сжимая сердце в кулаке.

Тропа – извилистая змейка,
Ботинки стоптаны, но жмут, -
И нет на ней пока скамейки,
Где б отыскался мне приют.

Ведёт, ведёт меня куда-то…
И не заглянешь за черту
Багряно-красного заката,
Что полыхает на ветру.

* * *

Ворон ворону глаз не выклюет,
Не поможет встать на крыло.
И в слезах его грудь не вымокнет –
Жизни времечко – утекло…

Что ж ты каркаешь под моим окном,
Косишь глазом, недобр твой взгляд?
Стрельну в форточку, станешь кувырком,
Не воротишься ты назад.

И сорвался он в небо с дерева
И пошёл карнизы сшибать.
Вот и мне бы так в отблеск перьями
Высоты бы душою взять!

Вот и мне бы так полной грудочкой
Облаков, синевы глотнуть,
А потом у реки за удочкой
В камышах прибрежных уснуть…

* * *

Иногда я чую волчью хватку,
Если «оленина» впереди.
Не умею жить и есть украдкой,
Так, чтоб рык не слышали враги.

Вырастают когти, стынут плечи,
Если воем перебьют мотив.
Чувствую, могу и покалечить
Силу, что стремится супротив.

Выгнуть спину и клыки оскалить
Так, чтоб пеной дыбилась слюна,
Злую память о себе оставить,
Пусть она бывает солона.

Но берёшь за горло волчью песню,
Прямо за трепещущий кадык,
Голову, склонив пред чьей-то спесью,
Прикусив и гордость и язык…

* * *

Название станции,
Как леденец за щекою,
Щекочет язык
Сладкой прелестью нежного слова.
Дома за перроном
Столпились гуртом над рекою,
Брела по просёлочной
Улочке грустно корова.

Вокзал представлял из себя
Заграничного лоха.
Автобус пыхтел,
Замутив карболитовый воздух.
С бутылкою пива не в том
Направлении Лёха
Брёл местный алкаш и придурок
С проклятием: «Сдох бы…»

Ютились домишки,
Гордясь трёхэтажностью роста,
К двум вышкам одной телефонной,
Другой для экрана.
И жить здесь, наверное,
Было и будет не просто,
Здесь, как и везде,
Поселилась российская драма.

Я шёл по бульвару
С дорожной просёлочной пылью,
Со мною здоровались
Все незнакомые люди.
И воздух пах дымом из бань
И немного полынью
И был так желанен и вкусен
На вкус, словно студень.

И всё это было
Простой среднерусской Россией,
Той самой, которая
Всё ещё снится пророкам.
И было мне так на душе
Нелегко и красиво
И даже, быть может,
Чуть-чуть одиноко…

Дома за перроном столпились
Гуртом над рекою,
Брела по просёлочной улочке
Грустно корова.
Название станции как
Леденец за щекою,
Щекочет язык сладкой
Прелестью нежного слова.

Кому же назвать
Так село это жизнь подсказала?
За провинциальность ему
Пусть немного, но стыдно,
Читаю на лбу деревенского,
В общем, вокзала
Загадочно вбитое в вывеску
Милое: «Линда»…

* * *

Я шёл на службу, снег пушился,
Предутро улиц городских,
И дворники на мостовых
Сгребали снег, что накопился.

Сновали редкие машины
По занесённым мостовым,
Стремясь гаишным постовым,
Сказать, что поутру спешили.

Рождались мысли в такт шагам,
О том, что жизнь прекрасна в сути,
И вы меня не обессудьте,
Что не клонюсь земным «богам».

В провинции так тяжело
Носить на кителях поэтам
С двойным просветом эполеты,
Певцов не кормит ремесло.

Дуэли нынче не в чести…
И оскорбить поэта можно
Жестокой и смертельной ложью,
А то бы… Господи, прости!

Слагались рифмы в такт шагам,
Рассвет усиливал палитру.
Поэта дома ждёт пол-литра
И томно шепчет: «Не предам…»

Поэта дома ждёт жена,
И сын, курносый шестилетка,
И ради них шагаю в клетку
На службу, что так солона…

* * *

Мне не везет ни в званиях, ни в деньгах,
За то везет на разговор с луной.
Жена моя блондинка в меру вредная
С красивою и умной головой.
Всё спрашивает саркастично часто,
Что ж не везет мне в званьях и деньгах.
И объяснить пытаюсь я напрасно,
Что душу экономлю на врагах.

В Чечне с луною разговор короток.
Беру компьютер и пишу стихи.
Потом поют их в двадцать восемь глоток
Мои одновзводчане-мужики.
Поют, чтоб горный воздух содрогнулся,
От нашего казачьего дыхла.
И чтоб быстрее дома я проснулся,
А рядышком пригрелась бы жена.

* * *

А врагам это только и нужно,
Чтоб скользнул под ногами паркет.
И тогда, они кинутся дружно
Рвать мундир и топтать эполет.

Возраст как-то скрутил незаметно.
Молодые в округе в чести,
И полковников сонмы паркетных…
У меня только совесть в горсти.

Ведь теперь фронтовому вояке,
Коль в потёртом мундире и сед,
Блазнит пенсия костью, собаке.
Для него слишком скользок паркет.

И заслуг твоих прошлых награда
В том, что пнут тебя в зад, а не в пах.
И не от фронтовой канонады
Скрутит душу служивую страх.

А врагам это только и нужно,
Рвать мундир и топтать эполет,
Они кинутся сворою дружной,
Как скользнёт под ногами паркет…

* * *

От того, что ветер изменился,
Я поэтом быть не перестану.
День сегодня светлый народился,
На небе и в сердце без обмана.

Вышколенным кобелькам парнасным
Глотки рвать забавно и полезно.
Хоть еще Высоцкий пел, опасно, мол,
Голым сердцем наступать на лезвие.

От того, что изменился ветер,
И оглоблей метит прямо в лбище,
Все равно останусь я поэтом,
Только буду преданней и чище.

От того, что места нет на родине,
Где приткнуть в ковыль седины рыжие,
Женщины не сделались уродинами,
А с годами слаще и бесстыжее.

* * *

От скуки пишутся ль стихи?
Вы спросите у провиденья,
И будет вас глодать сомненье
От повитухи до сохи.

Сохою той пахать землицу
На поле человечьих нив,
Слегка строкой перекусив,
Замызгать жиром всю страницу.

А скука – прелая жена.
Она и не предаст по дури
Пока ты в прозе подхалтурил…
Кому она еще нужна?

* * *

Кто ведал философию огня?
Ты видел, как бывал он беспощаден?
Он опалил пожарищем меня.
И был всегда безжалостен и жаден
До тех вещей, что не доступны злу…
Их редко кто сберечь от страсти может.
И ты потом горячую золу
Берешь в ладони, сердце растревожив.
Ушло злосчастье в полымя огня,
А ты спаситель вечного начала…
И пусть огонь обижен на меня,
И пусть свое он выставляет жало!

* * *

Начну свои стихи со слова: «Господи…»,
Закончу рифмой на умерший «ять».
Утопли в океане жизни лошади,
На коих спинах мне бы выплывать.

Рождаются с трудом четверостишия…
В стране бардак, и не люблю стихов.
Не пожелал бы и последней мыши я
Всей заурядности моих земных грехов.

Идти мне некуда и незачем, и не к кому.
Для милостыни кепку утерял.
Прилипла мука, словно муха к бекону,
К моей душе, которой суть – вокзал.

Отправятся в «ту-ту…» мои вагончики.
Неспетых песен выветрится блажь.
И на провинциальном вдрызг перрончике
Мне грустно скажут: «Ты на рельсы ляжь,

Тогда, могет, успеешь крикнуть: «Господи!»,
И он найдет чаво тебе сказать.
Проскачут по тебе твои же лошади,
И изогнешься под железом в «ять»…»

* * *

Дни ползут за днями
Дохлыми конями.
Дни ползут за днями,
Как гнилые сани.
Ночи за ночами.
Коньячок с салями
Попирают души
Грязными ногами.
Дни ползут за днями,
Ночи за ночами…
Дни меня добили,
Ночи доконали…
Мы ли не любили?
Нас ли не бивали?

* * *

Стихи поэта дошлые.
Стихи поэта ушлые.
Они бывают пошлые.
Они бывают лучшие.
А где хранятся худшие?
В столе или сортире?
Беру «духовку» лучшую,
Мишень дырявлю в тире.
И что же тут поделаешь,
Когда законы дошлые…
Табу – дырявить девушек?
(Но эта строчка пошлая…)
Возьму однажды цензора
И задушу веревкою.
Отправят тушку в Пензу ли,
Зальют скатерку водкою…
Враги же будут трезвыми.
Друзья – последней лодкою.

И там, на стрелке «Западной»
Случится небывальщина.
Душа из клетки запертой
Тем цензором потащится.
И от грехов тяжелая,
С помарками и метками
К ногам моим привязана
Картофельными сетками.
В ушах навязла музыка.
Зачем так часто мою их?
Разодранною блузою
И первыми помоями
Она покрыла голову…
Сижу теперь расхристанный,
Размазанный мотивчиком.
Глаза впитали олово…
Душе взметнуться хочется.
Ну что же, перетопчется.
Мне тоже перехочется.
Ведь люди – злые демоны,
Их крылышки потеряны.

* * *

Когда поэт в пивной стихи читает
Тому, у кого вата вместо мозга,
Тогда уже он точно понимает,
Что ждет его надгробная березка.

И пусть она поплачет над гранитом,
Как будто ива над рекою мутной.
Стихи поэта временем замыты,
И жизнь его для вечности – минута.

Но одуванчик вдруг напомнит людям
Его кудрявый облик бедоносца.
А ветер тот уж точно не забудет
Посеять то, что семенем зовется…

* * *

Сплетни прибрежной волны
Вязкие влезли мне в душу.
Звезды плюют с вышины.
Мир этот явно им скучен.
Лижет прожектор лучом
Гребень прибрежных строений.
От коньяка горячо.

Я вдалеке от Елены…
Тычется море у ног,
Будто слепая собака.
Я словно нищий продрог.
Пуст, как бутылка у трапа.
Кинет причал пароход.
Мне же завянуть на суше.
Мерно бортами качнет,
Я ему больше не нужен.
Там до щемящих небес
Ввысь поднимаются скалы.
Там потревоженный лес
Тихо баюкает маму…
Я же сижу и сижу
Рядышком с кромкой прибоя.
На пароходы гляжу
И выхожу из запоя.

* * *

Ох, какой мороз сегодня…
Кофе обжигает рот.
С кофе новый день приходит
И из жизни день берет.

Спит еще страна большая,
Спят домашние мои.
Кофе пью и понимаю:
Вот они блаженства дни.

Вот еще бы не работать,
А себе стихи писать
Про любовь и самолеты…
Гонорары получать.

Но великих очень мало.
Я, пардон, не их числа.
Мне не платит гонорары
Наша странная страна.

Вот и пью дешевый кофе,
Обжигаясь по утрам,
Чтоб трудиться на работе,
Как положено рабам.

За бюджетную отрыжку.
А еще сумей скопить
На тонюсенькую книжку,
Что сумеешь сотворить.

И тогда тебя все славят –
Мол, герой и молодец.
Может, грамоту подарят…
Вот и сказочке пипец.

* * *

Серели лужи на дороге.
Закат кровавил горизонт.
Ворона важная на стоге
Держала в клюве бутерброд.

Вот так, Россия, и живешь ты,
Хотя рвут губы удила
И хлещут по хребтине вожжи,
Ты в рай пока не добрела.

А нужен поводырь, пастух ли,
А может, колея времен?
У бабушек глаза потухли.
Накладно гнать-то самогон.

А он купель душе российской.
Её макнешь так пару раз,
Закусишь соевой сосиской…
Да и напишешь сей рассказ.

НАЛЬЧИКСКИЙ ЦИКЛ

1. ЧЕГЕМСКИЕ ВОДОПАДЫ

Наверное, у каждого народа,
По злой или по ласковой судьбе,
Есть что-то, что даруется природой.
И это вдруг откроется тебе.

Чегемских струи стылых водопадов
Такой неописуемой красы,
Что в жизни хоть разок увидеть надо.
Они начало светлой полосы.

А может быть, и сложится иначе,
Ведь горы, их порой не разберёшь…
И если водопады – стенка плача,
Ты с чёрной полосы шагать начнёшь.

Ущелья и скалистые теснины,
Балкарии и горной Кабарды.
Мы там справляли чьи-то именины
Без радости и, в общем, без беды…

Сплетаясь в косы девичьих страданий,
Стучит вода о камни юных гор.
И в них ютятся сонмы предсказаний,
В них похвала струится и укор.

Мне верится в крылатую удачу,
Я горных камнепадов не боюсь.
Чегемский водопад – не стенка плача.
Кавказ – ведь это тоже наша Русь.

2. КАЗАЧИЙ ОПЛОТ

Нальчикскому театру драмы
имени Максима Горького

Театр русский, а вокруг Кавказ!
Оплот казачий русского искусства.
Здесь не играют пьесок на заказ
Какого-нибудь местного продюсерства.

Ты имя Горького на флагах закулисья
Несёшь с его патлатой головой,
И русской труппой истинно гордишься,
И русской классикой афиш над мостовой.

Среди подковы гор, средь Кабарды,
Очаг славянофильства в слове русском.
Ты сердце Нальчика, не знать тебе беды,
И быть всегда поборником искусства.

Вот постановка – Сухово-Кобылин…
И вновь Кречинский женится, поди?
Но нет на пьесе театральной пыли,
А у спектакля вечность впереди.

В буфете театральном, правда, пусто,
Путь к театральной вешалке закрыт,
Холодновато в зале… Осень… Грустно…
Зато Кречинский-шулер не забыт.

Зато звучит в народ красиво слово
Актёрское, не слышен в нём акцент.
А что живут артисты тут сурово,
Так то ж провинция, в ней тоже правды нет.

Спасибо, кабардинцы и балкарцы…
Есть на Кавказе русскости оплот:
В предгорном Нальчике
открыла осень, братцы,-
Театр русский всё ещё живёт!

3. ЗООПАРК

У озёр блистательных и тёплых
В диком парке на подоле гор
Призывал познать великий отдых
В зоопарке клеток коридор…

В ноябре вдруг выпал снег, озябли
Стаи обезьян и лебедей.
Прутья клеток стали словно сабли
На боку воюющих людей.

Львиный рык, как будто это джунгли,
Разносился в даль издалека.
Ночью в койках замирали люди,
И дрожало сердце у быка.

Не забыть звериного оскала…
Когда мимо клетки проходил,
Волк смотрел в глаза мне злым шакалом
И боками впалыми водил.

А медведи, будто в Гималаях,
Были так спокойны и умны.
Грифы, то ли каркая, толь лая,
Выглядели символом страны.

Пустовала только клетка эму.
Мне надсмотрщик грустно рассказал,
Будто страусёнка ночью съели
Два славянской внешности бомжа…

Чинно рядом с верблюжачьим стойлом
Три коровы хрумкали овёс.
И глаза их отливали болью,
Им бы попастись среди берёз…

Я смотрел на преуспевших тигров,
Что-то было эдаким в зверье,
Что прочёл в душе я без субтитров,
Будто в клетке хорошо и мне!

4. САНАТОРИЙ «НАЛЬЧИК»

В ноябре по курортам не ездят,
Ведь не бархатный даже сезон.
Но война принесла безвозмездно
Мне путёвку, какой разговор…

Санаторно-курортная книжка,
Словно паспорт на месяц судьбы.
Стылым ветром струится афиша –
Драмтеатр в получасе ходьбы.

Ждут клиента солёные ванны,
Душ «шарко» и лечебная грязь.
И почувствуешь, может быть, странно,
Ты себя словно граф или князь.

У бассейна столпились две стайки
Разнополых болящих существ.
В нём сольются они, без утайки
На болезнях своих, ставя крест.

Тут романы рождаются страстно,
Вдохновляет на то терренкур.
Дискотечно-вечерняя сказка
На измену влечёт старых дур…

А в столовой, подвластной диетам,
Пряча взгляды в морковный салат,
Позабыв все ночные обеты,
Отдыхающих стайки сидят.

Не забуду тебя, город Нальчик –
Кабардино-балкарский престол.
Был я здесь и красив и запальчив,
Видно, юность вторую обрёл!

5. ОДИНОЧЕСТВО

Если ты – необитаемый остров
В море соблазнов и грёз,
Если в сердце занозой острой
Разговор о разрыве всерьёз.

Если волны штурмуют прибоем
Гроты брошенных берегов,
И в пещерах лишь ветром воют
Тени мёртвых твоих врагов,

Если к пирсам пристать не может
В море выброшенный корвет…
Значит, ты одинок и брошен,
А любимой простыл и след.

Это значит, ты – остров в море…
Не живёт в душе даже волк.
И в единственном этом горе
Ты несчастен и одинок.

Если даже друзья фронтовые
Не нальют тебе коньяку,
Значит, дыры твои бортовые,
Словно гроты на том ветру…

Но одно утешает по жизни:
Остров - это не чахлый ял…
В одиночестве взял и выжил,
В море водочном не пропал!

НА БРУСТВЕРЕ ОКОПА ТАЛЫЙ СНЕГ…

«ПОДСНЕЖНИК»

На бруствере окопа талый снег,
В бойнице камни голого предгорья,
И в камуфляжной форме человек
С кровавым озерцом у изголовья…

Смотрю, смотрю в оптический прицел,
И не понять, он наш или из местных,
В ночной тиши «растяжки» шнур задел,
Пополнив список павших безызвестно.

Площадка, словно на ладони вошь,
Пристреляна и этими, и нами.
В оптический прицел и не поймёшь
Чей в камуфляже? В общем, - россиянин.

И надо б сползать. Как накроет снег,
Тогда уж до весны – другим забота.
Тот в камуфляжной форме человек
Достанется сменившим нашу роту.

Кого послать? Иль сползать самому…
А может там араб? Пусть догнивает…
Он не живой уже. А те пальнут!
Их «эсвэдэшки» промаха не знают.

Под пулями сюда его тянуть,
Погибшего почти что бестолково?
Вдруг с неба повалил ему на грудь
Пушистый снег. Решилось, право-слово!

Пускай покроет будний след войны
И до весны хранит себе кого-то.
А снег кружился, словно знак вины
За чью-то там весеннюю заботу…

* * *

Как много собралось гвоздик
У памятника воину.
Он ведь однажды не погиб,
И в сердце нет пробоины.

Он сдал штык-нож, пришёл домой,
И мамка чуть поплакала,
С медалью, хоть и не герой,
Всем за войну накапало.

На перекрёстке он присел,
Склонил к коленям голову.
Устал в походе… Ну, как все.
Немножко, может, голоден.

К нему гвоздичек принесут
По той военной памяти.
Он этой памяти - сосуд,
Да потому что – памятник.

* * *

Жизнь прожить, не поле перейти,
Если же стреляют автоматы
На твоём сегодняшнем пути,
И в атаку вновь подняться надо…

Где-то долбанул гранатомёт,
Кирпичи морозной снежной крошкой,
Гарь пороховая лезет в рот,
Как глоток воды к питью негожей.

Я стрелял, как будто в тире, в цель.
Двигались вдали мои мишени.
Скоро май, кончается апрель…
Будто мушкетёры в Ля Рашели…

Вновь бежать по масляной грязи.
Берцы, словно ласты водолаза,
Господа о милости проси,
Вспоминай о паве сероглазой.

Поле отстояли на краю
Русичам враждебного аула.
Пережить вечернюю зарю…
Ведь всем известно: «Пуля-дура!»

* * *

Нас поставила рядом
Наша Родина-мать,
Раздала нам награды
За судьбу – убивать…

Шаг печатай по жизни
И, как можешь, служи.
Но сейчас от Отчизны
Былой – миражи…

И бредём на парадах
Мы в едином строю,
Только в разных наградах
У судьбы на краю…

ТАМ, ГДЕ РАНЯТ АВТОМАТЫ С ГОР…

(поэма)

Просто служба их
очень нужна.
Просто будни у них грозовые.
В час, когда не слышна война,
Получают они ордена
И ранения пулевые…
Сквозь немыслимо
долгие стажи,
От начала службы и впредь –
Их профессия:
быть на страже,
И закон: себя не жалеть…

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Пролог

В историю вопроса не вникая,
Чтобы не быть газетчиком в стихах,
Я унесусь сейчас из Коми края
Туда, где путь мой пролегал в горах.
И вспоминая о прошедшей жизни,
О гибели в горах друзей моих,
Устраивает память нынче тризну
По тем делам, о чём расскажет стих.
Политики в поэме не ищите,
Она грязна и не понятна мне.
Лишь героизм за чередой событий
Моих друзей на пройденной войне.
За строчками и в строчках сей поэмы
Найдёшь, читатель, ежели прочтёшь.
Военными годами оглашенными,

Дорогами Чечни со мной пройдёшь.
Слагались строки о военных буднях
Не в тихом кабинетике моём,
А в дни побед и поражений трудных
Пропитанные кровью и огнём.
Рассказ о людях на войне не сложен,
Экстрим выводит душу на ладонь,
И видно, кто из стали крепкой скроен,
А в ком остались только ржа и вонь.
Жизнь на войне – она гораздо проще,
Чем на «гражданке», хоть и тяжек быт,
Там нет чинуш, и там жена не ропщет,
И там ты в меру пьян и в меру сыт.
Там обостренье чувств ведёт не к ссорам,
А к единенью супротив врага.
В горах ущелья словно коридоры
В последний путь… Опять болит рука,
Наверно, ноет к ветреной погоде…
Так, слава богу, рана не в душе.
Сижу на даче, птахи в огороде
С утра на грядках властвуют уже…
Война, война по восемь, десять ходок –
А это жизни годы на войне,
Когда уже помирятся народы
В моей огромной и больной стране?
Я унесусь сейчас из Коми края
Туда, где путь мой пролегал в горах,
В историю вопроса не вникая,
Чтобы не быть газетчиком в стихах…

Глава 1

Родина бывает злой и доброй,
Словно сытый нильский крокодил.
И летишь шампанской пенной пробкой
В дали, где Макарка не ходил.
Едет целый эшелон Макаров
Покорять кавказские хребты,
Сильных, молодых, немного пьяных,
Где-то среди них и я, и ты.
Впереди у нас обстрелы, схватки,
Мины и зачистки по дворам.
В общем-то, весёлые ребятки…
Забрала нас Родина у мам.
Музыкой стучат свой ритм колёса,

В ящиках им в такт звенит броня.
Видится мне в виде пылесоса
Ждущая нас где-то там Чечня.
Всё сосёт с просторов русских пашен
Злобу, как гранату затая,
Души пацанов российских наших,
Где-то там нас ждущая Чечня.
И летишь шампанской пенной пробкой
В дали, где Макарка не ходил.
Родина бывает злой и доброй,
Словно сытый нильский крокодил.

Глава 2

Синеокая моя, светло-русая,
Понял я лишь на войне, что мы русские.
Как увидел, казачков хаты брошены,
И поля-то у станиц другими скошены.
Племьем чёрного крыла злого ворона
Нить времён в той стороне нынче порвана.
Казачки дурным царьком были преданы,
А землица воевалася дедами…
Десять лет терзали русских по станищам,
А царьку такое было не в срамище.
Пусть загадят его холмик чёрны вороны,
И молвой не помянут во все стороны.
Нынче ратные полки в горы брошены,
А поля-то всё равно другими скошены.
А поля вокруг станиц другими сажены,
На погостах все кресты позагажены…
Понял я лишь на войне, что мы русские,
Синеокая моя, светло-русая…

Глава 3

У водилы фортовая кепка
Со звездою с советских времён.
На которой серп с молотом крепко
Обнялись словно с пальмою слон.
Он гоняет по пыльным дорогам
Разночинной гористой Чечни,
Он за пазухой, словно у Бога,
А в кармане всегда сухари.
В Ханкалу возит он замполита
Сквозь опаснейший «шервудский» лес,

Ну а ночью дорога забыта,
Завтра ехать ему в Гудермес.
За словцом он в карман не полезет,
Отматюжит любого незло,
Он с медичкой искусно любезен.
Со связисткой ему повезло.
У водилы фортовая кепка,
Знает он, жизнь на фронте – борьба!
Пулевое отверстие метко
По изгибу скользнуло серпа…

Глава 4

Это было всё в гражданской жизни,
Там, за чередой Кавказских гор,
Там, где солнце менее капризно,
Там, где тундры и тайги простор,
Там, где ожидается зарплата,
И не ранят автоматы с гор,
Там, где от восхода до заката
На девчонок смотрится в упор.
Это было всё в гражданской жизни…
Здесь радон и в пыли, и в воде.
Листья тут из почек уже вылезли,
Ну а в Коми снег лежит везде.
Ждёшь и ждёшь с отчаянием дембеля.
Срок командировки, как размер
Музыкальных строф трудяги Генделя,
Или … эшелона, например.
Это было всё в гражданской жизни,
Там, где тундры и тайги простор,
Там, где солнце менее капризно,
Там, за чередой Кавказских гор…

Глава 5

По морозной улице, по заметам змеями
Утром споро рулится, сапоги скрипят…
И столбы-столбовичи мачтами и реями
Вдоль морозной улицы на часах стоят.
Разбежались вороны по застрехам-скопищам,
В шахтах с вентиляцией голуби галдят.
И по тёмной улице в городских урочищах,
Утром споро рулится, сапоги скрипят…
Сапоги-сапоженьки, по песку скрипите вы,

Горцы приушипились, кто ж гостям тут рад?
Ждёте ль вы сынуленьку, милые родители,
Что сжимает в рученьках жаркий автомат?
Голубица-горлица, будь ему услужлива,
Полети впредь воина, пули отгони.
Серпантины горные с ямами и лужами
Пусть не заколдобятся на его крови.
А солдату чудится, что столбы-столбовичи
Мачтами и реями вдоль пути стоят,
По морозной улице в рукавицах кроличьих,
Утром споро рулится, сапоги скрипят…

Глава 6

По горам Кавказским волнами
Скалы, словно морем дыбятся.
Вот и стал в пути полковником
Командир над Святорыбицей.
Наш корабль по морю бурному
Он ведет войной меж скалами,
В борт стучатся волны буйные,
Пенятся, шипя, буранами.
Бэтээр идет, не клонится,
Курс проложен, руки крепкие
На штурвале, не обломится
Потопить нас волнам с ветрами.
Пусть соленых брызг буравчики
Не пришпилят китель выстрелом,
Звякнем водочкой в стаканчиках,
Да и снова в бурю выстоим!

Глава 7

Вокруг нас сопки все в цвету,
А мы от родины вдали,
И с автоматом на посту
Стоим и в Грозном, и в Шали.
Пусть меня бронник сбережёт
И каска-сфера охранит,
Я буду дембелем сражён –
Не врёт, похоже, замполит.
Российской Родины кусок
Мы охраняем здесь и там.
Скрипит под берцами песок.
Настанет амба бандюгам.

Пошлю любимой эсэмэс
О том, что службу я несу:
Сегодня еду в Гудермес,
А завтра в «шервудском» лесу.
Пусть знает, что вокруг курорт,
И мне не страшно и легко,
Мол, скоро в жизни поворот –
Вернусь, и с ней попьём пивко.
Дождётся пусть, медаль везу.
Сдам надоевший автомат,
У мамы вытру я слезу,
Пожмёт мне молча руку брат.
Там подорвали двух ребят,
Там расстреляли шестерых.
Не суждено домой, назад…
Впишу я их навечно в стих.
Ну а пока вокруг весна,
Галдят под крышей воробьи,
И мне являются во снах
Родные милые мои.

Глава 8

Солдаты первого броска –
Спецназ, ушедший полем в горы,
Свою тропинку на века
Хранит в застольных разговорах.
Традиционный третий тост
Мы выпьем стоя, залпом, молча,
За тех, кто не покинул пост,
В земле их раны кровоточат…
Солдаты первого броска –
Они в гражданской жизни тоже
Не успокоятся пока
Последний враг не уничтожен.
Палатка наша в Айсхаре,
Дороги наши в Гудермесе
В пыли, засадах и жаре,
Чиновничьей болтливой спеси…

Глава 9

Я снова на Кавказе, бок тянет пистолет –
Корявейшая фраза, другой на сердце нет.
Сходил, посты проверил, стою себе курю.

Смотрю, в гнезде над дверью не спится воробью.
Он с лихостью чеченской даёт разгон семье
И яростью вселенской надоедает мне.
Вдруг из гнезда под крышей казармы боевой
Птенец их с этой выси в асфальт вниз головой.
И тельце воробьишки раздавлено бойцом.
Родители под крышей, не плачут над птенцом.
Вдруг мысль пришла сердито, что жалко мне его,
А вот убить бандита не стоит ничего.
С тех пор, как из конверта, ко мне приходит в сны
Та маленькая жертва той небольшой войны.

Глава 10

Звенят награды на мундире
Призывным голосом атак.
Газету я читал в сортире
Про то, что в жизни, где и как.
Металлом разным за заслуги
Однажды потчует страна,
Но до сих пор живу в лачуге,
И счастья нет мне ни хрена.
В том то и срам для государства,
Что мне на службе у него
Гроши и медленное пьянство
И гроб бесплатный от него…

Глава 11

Любовью к России я болен смертельно,
Затем и приехал сюда на Кавказ,
Где целых полгода с семьёю раздельно
Жду дня, как уволен, я буду в запас.
Детишки, две кровинки, снятся ночами,
Жена испечёт им на Пасху кулач.
От этого в сердце клокочет цунами,
И хочется выпить, хоть смейся, хоть плачь!
Цена операций – есть жизнь подчинённых,
Там сверху «виднее», кто нужен, кто нет.
По сопкам метутся в броне облегчённой
Бойцы, тратя с пользой свой боекомплект.
А враг незаметен, он ставит «растяжки»,
Он подло стреляет в ночной тишине,
Как злая чеченка раздвинула ляжки,
Солдатиков СПИДом одарит вполне.

Чем больше их будет, тем «дырка» шахидки
Сработала лучше, гранаты ручной.
Ведь русского грохнуть, во благо шахиду
Хоть с первой попытки, хоть со второй.
По сопкам в простреленной езжу машине,
В том кресле, где кровью товарищ истёк
Сижу и думкую о батьковщине,
Что щедрой рукой мне отмеряла срок.

Глава 12

Этот белый халат и стерильные руки,
Сигарета «эЛэМ», на крыльце красный крест,
И готовность пальнуть в воробья из «базуки»,
И врачебная помощь, и слава окрест.
Ты с ОМОНом летал в боевые заданья,
Ты раненья лечил и в атаку ходил,
А своё золотое майорское званье
Ты, как воин, два раза уже заслужил!
Если вдруг нападали ночами шахиды,
Позывной твой «Пробирка», автомат на плече.
А в глазах за очками поэта планида,
Фляжка: кофе со спиртом ещё горячей.
Целых долгих полгода войны и прощенья
Пережил ты в Чечне и служил, как умел.
Я пишу для тебя это стихотворенье,
Чтоб ты долгие годы никогда не болел.
Пациенты твои, что вернулись живыми,
Благодарны на век за старанья твои,
Ведь медали твои по судьбе боевые,
На груди оказались от окопной земли.
Ты вернулся домой после долгой разлуки,
И слезинка застыла на строгом лице.
Помню белый халат и стерильные руки,
Сигарету «эЛэМ», красный крест на крыльце…

Глава 13

В палатке нету подоконников,
И нету крепких стен из брёвен,
И пианино нет для слоников,
И ночью храп друзей неровен.
«Буржуйка» освещает пламенем
Наш скромный быт российских странников,
А из трубы искрится знаменем

Свеченье будущих избранников.
А свет от лампы керосиновой,
Как от иконы Божьей матери…
Сыскать бы дома подосиновик,
И хлебных крошек в рот со скатерти…
В горах такие ночи тихие,
Пока не воют волки злобные.
О них я б лучше и не слыхивал,
А попивал бы пиво с воблою.
И пианино нет для слоников,
И ночью храп друзей неровен,
В палатке нету подоконников,
И нету крепких стен из брёвен…

Глава 14

Огонёк свечи дрожит, ночи тёмные.
Горы чёрны в сентябре, месяц во всё небо.
Может, кто-то избежит – звёзды томные…
Не поймёт, кто на войне этой не был.
Кто станиц не видел полоном топтаных,
Русской речи озерца тавром выжжены.
На стволах заглушки тряпкой намотаны,
Новострой везде топорщится грыжами.
Что-то рация пищит, «Башня» зов ведёт,
Собирает вокруг позывных табуны.
Где-то враг неподалёку в горных падях живёт,
И плевать ему на нас, на посланцев страны.
А патронов, как всегда, не бывает вдосталь.
Да и каши в котелке мало на прожор.
Рыли как-то мы окоп, раскопали кости,
И «Георгиевский крест» длани мне прожёг…

Глава 15

Солдатским сапогам пропойте оду!
И вознесите на небо хвалу.
В них шлепали вперёд, не зная броду,
В них было комфортабельно в бою.
О, сколько раз, надраив кирзу ваксой,
Имея увольнительный талон,
Солдатики водили вальс на танцах,
Выдерживая воинский фасон.
А сколько пережито на ученьях
В гармонику ушитых кирзачей.

Я в них ушёл в запас без сожалений,
И потерял их где-то там в Сочах.
Теперь смотрю на строй я с болью в сердце.
Страна не та, и армия не та…
Солдаты в камуфляже, ноги в берцах,
В глазах одна сплошная пустота…
На наших берцах вместо чёрной ваксы
В два слоя пыль дорог Кавказских гор,
И за войну страна мне платит баксы,
Чтоб сохранить свой нефтяной простор.
Когда-то шлепали, не зная броду,
В учебном, не в сегодняшнем бою.
Солдатским сапогам пропойте оду
И вознесите до небес хвалу!

Глава 16

А бой идёт в сопках, прорыв с Дагестана
Бандитов в три сотни штыков.
Ущелье дымится смертельною раной,
Нас меньше, чем боевиков.
Нас меньше, не знали, что их будет столько,
Но Бог нас рассудит, кто прав.
Стоим за Россию мы с Бабиным Колькой,
Что носит патроны стремглав.
Стоим за Россию, и сила, что в правде,
На нашей стоит стороне.
Не выйти в Чечню по ущелью той банде,
Что встретилась нам на войне.
Мы с Бабиным Колькой с детсадика дружим,
В войнушку играем давно.
Положим бандитов, и будет нам ужин,
Как в американском кино.
По рации Колька огонь призывает
«Вертушек», что в небе зудят.
Без помощи нам не сработать, он знает…
Бандиты отходят назад!
Ущелье дымится смертельною раной,
Нас больше, чем боевиков.
Они разбрелись по горам Дагестана,
Как стая побитых волков.

Глава 17

У Володьки Щана, друга моего,
Видимо, нещадно крышу сорвало.
Срок командировки… В тридцать пять годков
Нету у Володьки никаких грехов.
Ни семьи, ни сына, ни квартиры нет.
Служба есть, погоны, честь и пистолет.
За спиной: треть жизни он прожил в Чечне,
Восемнадцать ходок в этой, в той войне.
Видимо, нещадно крышу сорвало
У Володьки Щана, друга моего.
Спать ложился Вовка, под подушку клал
Простенько, гранату, вставленный запал.
Ночь была вся в тучах на небе без звёзд.
Вовка спал могуче, словно в койку врос.
Грязная общага алкашей спала,
Комнаткой в семь метров Вовке вся страна.
Что ему приснилось, знает только он.
Вдруг раздался грохот, стёкол перезвон.
Палец зацепился за кольцо-запал,
Видно, бой приснился, вот чеку и рвал…
Ночью той навечно крышу сорвало
У Володьки Щана, друга моего.

Глава 18

Я на первой войне воевал не спеша,
На второй тороплюсь суетливо.
И тогда и сейчас тосковала душа
И ныряла в стакан некрасиво.
Покружившись над телом, упавшим в ковыль,
Отлетала душа в поднебесье.
На лице заскорузлая, талая пыль,
В сердце костью застрявшая песня.
От чего вдруг ковыль, от чего вдруг душа?
Снова песня, застрявшая в сердце.
Окуджава с пластинки поёт не спеша,
На столе запылившийся Герцен.
Растворилось, ушло, не заштопать дыры,
Растянувшейся в десять лет жизни.
Но всё так же в аллее горят фонари,
И всё так же заносчивы крыши.

Глава 19

День ВДВ собрал бойцов у водки.
Все вспоминали о былых боях,
Как пушки били, может, без наводки,
Снаряды осыпались там в горах.
В горах чеченских и в горах афганских…
С мечетей по земле: «Аллах Акбар!»
А в наших душах зрело постоянство:
Аллах Акбар, да вот, «но пасаран»!
На пиджаках, да и на камуфляжах
Позвякивало, может быть, не в такт.
Мелькали милицейские фуражки
Среди береток тех ещё солдат.
Свезли на поле, дали парашюты…
Побаловались в рукопашный бой.
У кухни полевой за три минуты
Расправились мы с кашей фронтовой.
А расходились грустно и пьянюче
В обнимку с патрулями по домам,
Ведь нет уже державы той могучей,
Которая брала нас всех у мам.

Глава 20

Ехал я по чеченским дорогам
По военным делам в никуда,
Вспоминал на колдобинах Бога…
А недавно ещё, а тогда
Горы встретили холодом с юга,
Красотой серебристых вершин,
Схожей с адовым дантовским кругом,
На который, как мухи, спешим.
В Пятигорске на месте дуэли,
Где свершился не только роман,
Мы с тобою на сына смотрели…
Подрастает шалун-мальчуган.
Тут фотограф встречал павильонный
И черкеску совал и кинжал,
Бурку с саблей… Сниму, мол, мгновенно,
А на сабле китайский оскал.
Запах вод, что пивали дворяне,
И курортно-шашлычный дымок
Мне напомнили о Сыктывкаре,
И от холода сразу продрог.

Горы встретили снова, и в Нальчик
Покатилась экскурсия вновь,
Спал на наших коленях наш мальчик,
Скоротечная наша любовь…
Вдалеке от родного порога
В отпуск мы торопились тогда,
А сегодня по пыльным дорогам
Ехал я по Чечне в никуда.

Глава 21

Над вековыми горами скопилась гроза.
Молнии, словно трезубцы вонзятся в их плоть.
В горных лощинах озёрный туман, как слеза…
Мне эту память в душе моей не побороть.
Сто пятьдесят присягнувших России верзил
Передо мной в разномастном по форме строю.
Каждый из них ничего для себя не просил,
Каждый из них может в раз оказаться в раю.
Горный массив, ощетинился щерью кустов
Над горизонтом, за строем над касками где-то.
Там есть надежда на цепь комендантских постов,
Что не получим мы в спины шального привета.
Светит прожектор, как свечка в бредовой ночи.
Будет ему за служебную яркость и стойкость.
Вы отдохните сегодня в санчасти, врачи,
Пусть в лазарете пустуют для раненых койки.
В горные тропы уходит заслоном спецназ,
Без сухпая и воды, ведь гранаты важнее.
Родина делает свой каждодневный запас,
Все ордена и медали к погибшим поспеют.
В берцы упрётся прикладом своим автомат,
Сдавит грудину тяжёлый спасительный бронник.
Еду в Шали, можно ведь не вернуться назад,
Но неужели я, Господи, жить не достоин?
Пусть на дороге не встретятся мины-ловушки,
Не повстречаются «Борсы» взведённые в бой.
Я бы спросил, сколько жить мне у русской кукушки,
Если бы ехал в Шали через пензенский бор.
Но выбирает судьба офицера дороги,
Те, что войною пометил на картах сапёр.
Где-то архангелы мне собрались на подмогу,
Где-то в горах всё горит и горит мой костёр…

Глава 22

Суть в потребительской корзине –
Чего поэт понять не мог.
Все продавщицы в магазине
Ему курить давали в долг.
И он курил, пуская кольца.
И с водкой тёплой был на «ты»,
И был кургузым добровольцем
На все российские фронты.

Глава 23

Провожала жена мужа на войну.
Муж тогда ещё любил свою жену.
Говорила: «Для чего тебе носки?
На войне портянки рваные носи…»
Майку латаную сунула ему,
Всё равно, мол, ты уходишь на войну.
Провожала жена мужа-казака,
Выцветал закат по шёлку кушака.
Положила два обмылочка в рюкзак,
Спичек горсточку, подмоченный табак,
И коротенький огарочек свечи,
Двухнедельные сухие калачи…
Провожала жена мужа на войну…
И побил, в конце концов, казак жену!

Глава 24

Осветила ракета блок-пост
И дороги чеченской столицы.
И на въезде на Сунженский мост
Смерть стучится к ребятам в бойницы.
Всё не кончится эта война…
Треплют пули нещадные роту.
И посмертно дадут ордена
Не пришедшим с утра на работу.
Всё не кончится эта война…
Трассера… И бомбят к горизонту.
На висках у ребят седина,
Восемь дыр у «вертушки» по борту…
Мы не только умеем стрелять,
Побеждать и бандитов треножить.
Мы умеем ещё отдыхать,

Песни петь те, что душу тревожат.
Укушу шашлычок с вертела
И развалины Грозного вспомню.
Пусть за нас не боится страна,
Ведь ОМОН победить невозможно!
Ветер запахи гари принёс,
Снегом нам запорошил бойницы.
Осветила ракета блок-пост
И дороги чеченской столицы…

Глава 25

Мирные будни ОМОНа –
Пули свистят у виска.
Сдашь после смены патроны,
Выпьешь стакан молока.
Вечер в окно постучится,
Мирно задремлет жена,
Ну а тебе всё не спится.
Спать не даёт тишина.
И отлежишься с дороги,
Ты на плече у жены…
Ей пережить все тревоги,
Ждать тебя снова с войны…

Глава 26

Подножье гор озёрами сверкало,
Макушки утопали в облаках.
Тюльпаны жёлто-красным одеялом
Хребтам укрыли зябкие бока.
По серпантину рыжей пыльной трассы,
Жонглируя отважно алычой,
Спускался искушённый день вчерашний,
Неся мечту в котомке за плечом,
А я с АКСУ на солнцепёке,
Лелеял мысли о вчерашнем дне,
С ленцою вспоминая томик Блока,
Ту книжку, что дарила как-то мне…
И не хотелось о сегодня думать,
Тем более о завтра, коль вчера
Я пил твои полуденные губы
До самого уставшего утра…

Глава 27

Ночь темна, позывные в эфире…
Пядь Кавказа осветит ракета…
В сыктывкарской далёкой квартире
Мать с женою не спят до рассвета.
До неё мне по карте полметра…
Тих блок-пост, только стонет «буржуйка».
Звёзды россыпью, пыльно от ветра…
Сигаретного дыма две струйки.
Разговоры за русскую душу –
О войне распроклятой ни слова.
В «бэтээре» не спят, «вёсла сушат»
И тушёнку жуют они снова.
А на кромке скалы по соседству
Снайпер подлый сидит одиноко,
Да, прицела зелёное око
От простуды первейшее средство…

Глава 28

Мой пёс неизвестной породы
Мой тапок неистово грыз.
Приёмник вещал о погоде,
По «видику» снова стриптиз.
Водчонки приму после бани –
Полстопки прольётся на грудь,
Слеза растворится в стакане,
Жена пропоёт что-нибудь.
На даче присяду к камину,
На кресле-качалке уют…
Шикарная, в общем, картина
У нас получается тут.
Когда отложил я гитару,
Задули огарок свечи,
Желая спокойно поспать комиссару
В кромешной чеченской ночи…

Глава 29

Войну окончив капитаном,
Он орденов не заслужил.
С тех пор бывал частенько пьяным
На складе сторожем служил.
И во дворе «козла» забивши,

Жизнь разбавлял свою пивком.
А по ночам во сне забывшись
Вновь по Европе шел пешком.
Медальки брякали с устатку,
На старом мятом пиджаке,
Когда шагал он для порядку
На День Победы налегке.
И я его почти не видел,
Когда он мусор выносил,
И, может, пару раз обидел,
За что он сразу и простил.
Но пламенем Афганистана
Пахнуло как-то на меня,
Застряла скрежетом металла
В душе убивеца Чечня…
Сейчас, когда идёт с натугой
По лестнице к себе сосед,
Тяну ему я руку друга,
Не уклоняюсь от бесед.
О том, что плохо в государстве,
Да и замучил ревматизм,
А рюмки две в обед – не пьянство,
А просто, мол, такая жизнь…

Глава 30

Снег спускался с вершин ежедневно
Ниже, ниже к подножью, как будто,
С каждым днём всё сильней мои нервы
Ощущали наставшее утро.
С каждым днём всё слышнее с мечети
Раздавалась молитва к Аллаху,
Призовёт он неверных к ответу,
И пойдут наши души на плаху,
Потеряв по пути автоматы…
За горой разбомбили деревню.
Мы играем с судьбой в аты-баты.
С каждым днём всё сильней мои нервы
Ощущают предзимье и ветер…
Я и завтра проснусь на рассвете!

Глава 31

От любви уехал в непогоду
И забыл в метельной кутерьме,
Что бывает обрести свободу –
Это значит, выжить на войне.
А любовь моя жила жестоко
И ждала с надеждою меня.
Но когда писал я эти строки,
Налетела стая воронья.
Дай же, Боже, мне отбиться силы,
Мудрости и стойкости в беде…
Ведь нашла любовь мою могилу,
Значит, я не выжил на войне.

Глава 32

Метельно на этом свете.
Качнёт на ветру фонари.
Таится в торфяном брикете
Тепло от зари до зари.
«Буржуйка» в землянке под Грозным
Красна, словно юркий снегирь…
Я в пламени вижу берёзы,
Пшеничную русскую ширь.
Смотрю на огонь, ведь до смерти,
Быть может, четыре шага.
А может быть, в сей круговерти
И меньше – не знаешь врага.
Спрессована в чёрном брикете
Времён вековая пыльца.
Но мне бы погреться… до смерти,
Не меньше – не знаешь конца.
Смотрю на огонь, и забвенье –
Как будто на взоре вуаль –
Сгорели века за мгновенье,
Их было нисколько не жаль.
Покажут, быть может, однажды,
Как в документальном кино,
Наш в горы уходит отважно
Отряд штурмовать Ведено.
И может быть, сложат поэмы
О том, что попутал нас бес,

Как Брестскую в год сорок первый,
Зимой отстоять Гудермес.
Метельно на свете на этом.
Подстрелены влёт фонари…
Две мухи на чёрном берете,
Жужжа, предаются любви…

Глава 33

Напиши мне, сынуля, письмо,
Чтоб оно успокоило душу,
Пусть оно доберётся домой,
Тёплой пеной морскою на сушу.
Словно бронежилет на войне,
Пусть живёт оберегом для сердца,
Пусть Кавказ вспоминается мне
И ребята в истоптанных берцах.
Ты погоны надел неспроста.
Дед носил их, и я с ними пожил.
Не свернуть нам до срока с поста,
Что мужчинам в России положен.
Но, прошу тебя, Господи мой,
Если в сына прицелится пуля,
Пусть - в меня, пусть вернётся домой
Мой надевший погоны сынуля.

Глава 34

И нет величия в горах, что обступили
И давят на сознание моё.
По серпантину вьются тучи пыли,
С утра отряд наш поднят был в ружьё.
Ползут, урча, «Уралы» к перевалу,
За перевалом зарево огня.
И может быть, осталось слишком мало
Вот этой самой жизни у меня.
А пацаны нахохлились в браваде,
Сжимая автоматы у груди,
О ком-нибудь какая-нибудь Надя
Вздохнёт, стихи, читая Лахути.
Восточный стиль строкою влезет в сердце
И вышибет девичьих слёз ручей…
А мальчику её в истёртых берцах
Загонит в ухо шомпол злой чечен.

Хребты вокруг свою гордыню холят
Прекрасные под солнцем и в снегах…
Ношу с тех пор я в сердце столько боли,
Что трудно устоять мне на ногах…

Глава 35

Сегодня Пасха, вновь Христос воскрес…
Кулич в котомку, три яйца пасхальных
И в руки посох… Слышу глас с небес –
Гром громыхнул в пределах где-то дальних.
Я матери сегодня позвоню.
«Воистину воскрес», - она мне скажет.
А мысли возвращаются в войну,
Где каждый выстрел был смертельно важен.
И снова дробно воет вертолёт,
Несущий нас над пропастью Кавказа…
Слова: «Христос воскрес…» и вопль: «Вперёд!»,
В огне третейском моджахедов база…
Я чмокну в щёки сына и жену.
«Воистину воскрес…» - промолвят оба.
Они меня воистину поймут.
Христос воскрес, и растворилась злоба.

Глава 36

На родине, на Вычегде-реке,
Стоит свой взор на реку устремив
Седая мать, платочек сжав в руке,
Но голову и в горе не склонив.
Она стоит из камня, над рекой,
Гамзатовских встречая журавлей.
Стоит, а слёзы талою водой…
Мать ждёт своих погибших сыновей.
Над головой её – то дождь, то снег,
То вьюги неутешные метут.
Она нужна, чтоб выжил человек,
Чтоб знали все: вот так погибших ждут!
И ждёт уже не только с мировой,
Афганский и чеченский дует ветер…
Мать – воплощенье памяти людской –
Встречает лёд, а сыновей не встретит.

Глава 37

В Грозном в храм православный войдя:
Богоматерь на строгой иконе...
Я молитву читаю пред ней про себя
По военным негласным законам:
«От последнего в смерть коридора,
От всего, что желают враги,
От плюющего в спину патрона,
Матерь божия, убереги…
От солёной горбушки в котомку,
От войны, стукачей и шутов,
От стихов на ночь Гарсия Лорки,
От психушки, тюрьмы, дураков,
От увечья, от сглазу, от ссоры,
От удара сыновней руки,
От падения вниз и позора,
Матерь божия, убереги…»

Глава 38

Увековечивая память жёлтых писем,
Слетавшихся на сердце год за годом,
Я их листаю, как страницы жизни,
Изъеденные временем так подло,
И от причуд своих оберегая,
Я прячу их, чтоб не искать годами…
Мышей летучих ветреная стая
Покуда спит на полке вверх ногами.
Но стоит вновь достать пергамент почты,
Как хлопая крылами и казня,
Мышиный вождь несёт промозглой ночью
В страну “Воспоминанию” меня.
А там глаза погибшего чеченца,
Светясь, как костровище между гор,
Вонзят в моё утоптанное сердце
Очередной убийственный укор.
А там её походка легкокрыла
В последний раз до пропасти нагой…
А там меня так бабушка любила
И угощала тёплым пирогом.
Река пацаньей воли перекатом
Гнала мальков в подставленный сачок,
И пах мазутом, дедовским бушлатом
На летней кухне детский уголок…

Глава 39

Писатель-брат, не строй мне козью морду,
Найдутся собутыльники на то.
Ведь я уже давно смертельно гордый,
Живу в Нигде и звать меня – Никто.
Кого-то власть напотчевала всласть.
Он модно пел и не ширялся в вену.
Теперь же негде яблоку упасть
За тем столом, где встал он на колени.
Не рви, мой друг, изношенное сердце,
Его не восстановишь, вот беда.
Ты лучше жизнь чумного иноверца
Закладкой сделай в книжке навсегда!
Ведь у России вечно войны есть,
Там, на которых гибнут её парни.
И, слава Богу, что я нынче здесь –
Пускай контужен, не убит, не ранен…

Глава 40

Костёр в ночных горах горит далёко,
Пусть светится тот крайний наш «секрет».
Ведь к родине своей голубоокой
Направлю завтра я военный след.
Вокруг огня друзья по ратным былям
Сидят и курят, и не страшен враг.
Чайку на блок-посту мы заварили,
Не до боевиков нам и атак.
На автоматном шомполе сосиски,
Пожаренные на добре огня,
Горят, в котором нашей смены списки,
Чтоб «ф.и.о.» не запомнила Чечня.
Полгода – вязкий срок командировки.
Подрывы и обстрелы позади.
Зачистки буду делать лишь морковке,
Что ждет меня на даче впереди.

Глава 41

А к нам приехала замена,
Стоит в Моздоке эшелон.
Мы ощущаем постепенно,
Что близок, близок путь домой.
Вагоны, что полны заменой,

Стоят в пустынном тупике.
И мы довольны будем сменой,
Домой поедем налегке.
Сдадим им наши автоматы
И наши «бронники» с плеча,
Теперь мы мирные ребята
И дома хряпнем первача.
Пусть им теперь судьба итожит,
Кому живому быть, кому
В весенний майский день погожий
Кровиной окропить страну.
И к ним придёт однажды смена.
Она придёт в тот самый срок,
Когда кровавая измена,
Стучаться будет на порог.
И этою надёжной сменой
Для нашей глянцевой страны
В Чечне коварной, злой, неверной
Окажемся, наверно, мы.

Глава 42

Взбирался по горам всё выше, выше,
Кавказ своей пятою попирал.
Теперь валяюсь на покатой крыше,
И не указ мне местный генерал.
Пусть солнце золотит мне нежно шкуру
И греет мои впалые бока.
Найду себе какую-нибудь дуру
И буду с ней смотреть на облака.
И всё забуду… От хребтов носатых
В морские дали тундры убегу.
Дорог у жизни много полосатых –
Свою от войн теперь уберегу.

Глава 43

Судьба офицера бывает похожа на выстрел…
На выстрел в горах, где метаться и пуле, и эху.
Под рельсами шпалы бегут, словно кони, так быстро,
Как две вагонетки, сорвавшись на шахте по штреку.
А звёздное небо роняет себя на погоны.
Жена в новый путь спаковала уже чемоданы.
И снова по рельсам бегут по России вагоны
Куда-нибудь в горы долой от родного майдана…

Судьба офицера, как скальпель, вторгается в души
Жены и детей, самых близких и самых ранимых.
Присягу Отчизне они никогда не нарушат,
Помчатся за ним, словно вьюга за поездом в зиму.
На лавочке сгнившей с давно облупившейся краской
Присядет, схватившись за сердце, судьба офицера.
Ведь родина снова,
С завидным для вдов постоянством,
Прищурилась где-то в кровавую прорезь прицела.
И снова по рельсам бегут по России вагоны
Куда-нибудь в горы долой от родного майдана.
Ему б соскочить на ходу и застыть на перроне,
Но где-то война снова рвёт наши души на раны…

Эпилог

Стало на сердце светлее, веселее и важней,
Как поставил я не запятую – точку.
Рви, как зубы, свою память – будет проще,
Хоть больней
О войне писать последнюю строчку…
Над Кавказом безопасней в истребителе летать.
Кто там был не в кабинетах власти,
Тот поймёт, о чём хотел я в сей поэме рассказать,
Написав войне не оду, не ужастик…
Те, о ком писал, кто дома, а кто снова там в горах,
Жить не могут без «шрапнели» и тушёнки.
А рассказ мой о недавних скорбных и простых делах
Воплощается в поэме, как в ребёнке.
У меня всего два сына, а поэма будет – дочь.
Буду я гордиться ею, как на свадьбе.
Скажет, видно, мой читатель:
«Ты башку мне не морочь,
Не нужны на наших войнах наши бабы…»
Всё сбиваюсь на сравненье трёх,
Живых задевших войн,
Все в одной колонне нынче на параде.
Не срастается чегой-то, разный, видно, вышел строй,
Разные на кителях награды.
Дань погибшим – будет память,
Дань живым – не забывать.
Пусть останется война не на сердце,
А в горах, где до сих пор нашим детям воевать,
Истрепать в мозоли ноги свои в берцах.
Рви, как зубы, свою память –

Будет проще хоть больней
О войне писать последнюю строчку.
Стало на сердце светлее, веселее и важней,
Как поставил я не запятую – точку…

Ботлих – Грозный - Горячеисточнинская
1995-2007

* * *

Я был тогда, наверно, в Праге…
Пылали средние века,
И отдавалось в каждом шаге
Звучанье лат наверняка.

Мешали шит и алебарда
Моим уверенным шагам,
Брела тифозная команда,
Ища усопших по углам.

Лилось вино из бражных бочек,
Арба скрипит по мостовой…
И я, писатель этих строчек,
У гильотины – с головой!

Монашьей рясой ночь спустилась,
Взметнулась окриком луна…
Я понимал, что мне приснилась
Опять кавказская война…

ЛАДОНИ СНЕЖНЫЕ ТВОИ…

* * *

Ладони снежные твои…
Люблю я их прикосновенье,
Как будто лёд порой весенней
Ручьями светлыми звенит.

Смотрю на то, как ходишь ты,
Как будто с детскостью ленивой
Чуть-чуть качнёшь пшеничной гривой…
И пахнешь будто бы цветы.

* * *

Я все свои стихи сейчас кладу
К твоим ногам, как тополь в злую осень,
Свою позолоченную листву…
В усы мои уже закралась проседь.

Я все свои стихи писал тебе,
Даже тогда, когда не знал, что стану
Весь этот ворох радостей и бед
Дарить тебе, смущаясь… Поздно? Рано?

Прими их, умоляю, не гневи
Себя каким-нибудь воспоминаньем.
Ты мою душу на ладонь возьми,
В сторонку отложив своё вязанье.

Я весь в твоей руке той уймой строк,
Что уместилась в этой книжке малой.
Она, как старый русский теремок,
Где всем героям сказки места мало.

Ты, только ты, хозяйкой будешь тут.
Отныне царствуй, милая… Забвенье
Возьмёт меня, как старый, тинный пруд,
Но ты живи в моих стихотвореньях!

* * *

Свет в окошке, ты растаешь,
Как придёт рассвет.
Ты уже об этом знаешь,
Или ещё нет?

Словно странник очарован
Тенью за окном,
Я к булыжникам прикован
В городе чужом.

Свет в окошке – это призрак
Лунных кирпичей.
И не важно в этой жизни
Для меня ты чей.

Вечно в замкнутом пространстве
Окон, стен и крыш
Ночью ты не потеряйся,
Ты свети, малыш.

Свет в окошке растворился
В солнечной тени.
Странник, кажется, влюбился…
Бог его храни!

* * *

Ко мне приходит женщина во сне.
Она садится молча к изголовью,
И пальчиком на матовой стене
Выводит что-то нежно и с любовью.

Я силюсь в ней кого-нибудь признать,
В мозгу перебираю всех знакомых,
Но милого лица не угадать.
Ну а спросить, не вижу в том резона…

Как только просыпаюсь поутру,
Глаза размяв, как в детстве, кулаками,
На стену всё смотрю, и не пойму –
Где ж то, что нынче ночью начертали?

Ко мне приходит женщина в обед.
Коль на ночь остаётся, моет, гладит,
Носки мои стирает и от бед,
Меня оберегает, в душу глядя.

Приходит эта женщина ко мне.
Живая, с очень тёплыми руками…
А я всё шарю взглядом по стене,
Ищу чего-то, что и сам не знаю.

НА ЛЕКЦИИ

Ты читаешь журнал,
Подложив под коленку коленку,
Подогнув материал,
Восхитительно милая Ленка.

Вроде, надо писать,
Слушать лекцию, запоминая,
Взгляда не оторвать,
Ты читаешь, а я наблюдаю.

А за кафедрой вон
Восхитительный парень с бородкой.
Ты за партой, а он
С диссертацией бесповоротной.

Чей-то там протеже
Молодой и престижно капризный.
Он философ уже,
И хорошая партия в жизни.

Поведёт он в кабак
Тебя завтра, а может, сегодня,
Ну а я, как дурак,
В переулке набью ему морду.

1980 год

* * *

Имя – пустыня, той женщине, что
Как-то сказал, мол, люблю и такую.
Имя – косметика, имя – манто,
Той, по которой сегодня тоскую.
Имя – берёзка, да вот не срубил.
Ваньку свалял, а любил ведь, любил.
Имя досталось ни той, ни другой…
Только одну величаю женой.

* * *

Из пустого испить? Сумей
От болезни уйти не в гроб.
Под созвездием Водолей
Золотарь не находит проб.

Там, где вытравлено клеймо,
Там, где выеден в дырку сыр,
Там, где грустно мне и светло –
Там я, в общем-то, и почил.
Не сумев удержать добро,
И тебя, не прижав к груди…
Только ноет во мне ребро,
Из которого вышла ты…

* * *

Под Любу Успенскую
Пела девица в том баре.
По пристани, словно туман,
Аромат шашлыка.
За столиком молча
Сидела влюблённая пара
И слушала песню
О жизни в чужих кабаках.

Художники девушку так,
Для себя рисовали.
Какой тут навар с красоты?
Красота для души…
А к парню две шлюхи портовые
Поприставали
За так, не за деньги,
Да вот одиноко ушли…

А солнце садилось
В туманную дымку морскую
Румяное, словно,
Бразильский крутой апельсин,
И слушало песню
Печальную, в общем, такую,
Что только Успенской
Под силу был этот мотив.

* * *

Воистину, не долговечно утро,
Ещё короче быстротечный день.
Лишь вечер наш неторопливой пудрой
Наводит тень на лик и на плетень.
Листва ложится под ноги неспешно,
Не то что почки, лопаясь весной.
И я бреду по лужам вечно пеший,

Чтоб у камина рядышком с тобой
Сидеть на шкуре стреляного лося,
Пить что-нибудь ликёрное со льдом…
Ты извини, с нас жизнь обоих спросит,
Мы разные миры, не ты мой дом...

* * *

Лопухами падал снег
Белыми, пушистыми.
Мой любимый человек…
Красовалась лыжами.

По стране скучал рассвет,
Утро занималося.
Есть ли счастье, али нет?
Ночью вспоминалося.

Убегай в пургу лыжня
Меж лесными ёлками.
Ты люби скорей меня,
Загнанного волками.

Ты красуйся на ветру
Юбочкой коротенькой.
Без любви твоей помру,
И не хватит «сотенной»!

Слишком много вдруг врагов
Помянуть причешутся,
Объедятся пирогов,
Водкою натешатся…

Вот такой мутится бред
В голове взъерошенной.
Ты пожарь-ка мне котлет,
Милая, хорошая…

* * *

За пыльным окном этот поезд оставил
Перрон и вокзал, и тебя на перроне,
От горечи встречи тебя не избавил,
От чёрной разлуки, как голос вороний.

Колёса меня уносили всё дальше,
Я жил на колёсах, пил чай, балагурил…
Но столько во всём этом чувствовал фальши,
Что и не спасли даже карты до дури.

Судьбы проводница изъяла билетик.
А поезд несётся, стуча километры,
За что эта горечь разлуки, ответь мне,
Столбы, что обуты в бетонные гетры…

На этом перроне, откуда брела ты,
Остались следы наши рядом друг с другом.
Но, видно, прошлись по ним злые солдаты
Разлук и печалей подкованным цугом.

За тем светофором десятки перронов,
И людно на них, и собачно, и детно,
Но нет там тебя, и без всяких пардонов
Сорву я стоп-кран, всё равно безбилетный…

От горечи встречи тебя не избавил,
От чёрной разлуки, как голос вороний,
За пыльным окном этот поезд оставил
Перрон и вокзал, и тебя на перроне…

* * *

Размахнулся божий отрок веслом,
Замутилась и зазыбилась гладь –
Только лодка набрела на бревно…
Научиться бы мне в воздух шмалять.

А то нет ведь, наведу не в промах,
Словно выведу словцо на крыле.
Полыхнёт неугомонно в стволах –
Сбитый селезень лежит на земле.

С дрожью выверну ему потроха…
Ты меня оборони от греха,
Ты возьми меня в любовь навсегда,
А не то вокруг одна лебеда.

Были б лебеди – другой коленкор.
Я бы, может, не завяз в камыше
И не расстреливал бы уток в упор,
Будто дыры зашивая в душе.

Что там озеро, бердашек в руках?
Что там жизнь? Когда не в жизнь без любви.
Весь в грехах, как шелудивый в репьях,
Сбитый селезень лежит во крови…

* * *

Я в последнем вагоне стоял
У открытых дверей.
Уносилась дорога огнями
В шальную метель.
За спиной была жизнь:
И тепло, и любовь, и мечта.
Впереди – ад кромешный
Желания и темнота.

Я стоял на черте под
Зазубренный стрёкот колёс
И решал, на какую
Сейчас я ступлю из сторон.
Поседел я за миг,
Так меня тот измучил вопрос,
Где тут правда, где ложь,
И в кого я сегодня влюблён?

Милый ангел, глаза голубые,
Сноп светлых волос,
В одеянии, словно монашка,
Пред сном во Христе,
И цыганка цветастая,
Чёрных гляделок раскос,
Руки в стороны тянут мои,
Будто я на кресте…

Вожделение и ненасытный,
Желанный покой
До сих пор не поборют
Друг друга за душу мою.
Тёмной ночью в метель
Всё летит и летит мой вагон,
Ну а я на черте всё стою,
И стою, и стою…

* * *

За железною оградой
На заросшем холмике
Столбик, а на нём на помадой:
«Помню тебя, родненький…»

Нет ни года, ни креста,
Ни венка увядшего.
Лишь посмертные слова
Колко и неряшливо…

Знать бы хоть, пока живой,
Быть кому обязанным
Светлой памятью такой,
Лишь однажды сказанной.

* * *

Над горизонтом всплывшая звезда…
Она погасла в дымке наважденья
В то утро твоего рожденья,
Когда в Москву уходят поезда.

Я бы летел над линией стальной,
Любви опавший лист напоминая…
Стояла ты пред зеркалом нагая
И отражалась в этом мире мной.

Звезда погасла в утреннем тумане,
Но образ твой – пыльца в моей душе.
Моя любовь живет в карандаше
Моих записок о твоем обмане.

Когда в Москву уходят поезда,
Я им желаю возвратиться с миром.
Но пусть в то утро над моей могилой
Взойдет над горизонтом та звезда.

* * *

Я не пришел, а ты меня ждала…
Ждала, как дура, словно вести с фронта.
Забыв про все девчоночьи дела,
Ждала как нежеланного аборта.

Слонялась по квартире, как корабль,
Меж льдин в холодном море-океане.
Я не видал красивей тебя баб,
И водка не была вкусней в стакане.

Сменила платье точно раза три…
Два раза проверяла холодильник.
А за окном сновали снегири…
Считал минуты сволочной будильник.

И торт засох, оплавилась свеча.
Духи, казалось, стали пахнуть сеном.
Шампанского бутылку сгоряча
Ты выпила и хрястнула о стену…

* * *

Выжал из сердца капельку слова,
А получилась слеза.
Ночь,
На часах уже четверть второго,
Но не сомкнуть глаза.
Где ты?
Не чувствую сладость духов…
Где ты?
Табу на любовь и на мысли.
Год нет ни писем, ни слов, ни стихов,
В общем-то, жизни…
Где я?
Зачем без тебя существую,
И выжимаю из сердца слова?
Как одинокий глухарь затокую,
И перестанет болеть голова…
И отомрет…
Только сердце не врет,
А кровоточит,
За строчкою строчка…

* * *

За печаль мою прости, моя милая,
За безденежье мое, за друзей,
Что пишу порой стихи по рекам вилами,
И зовут не Варлаам, а Андрей.

Я готов тебя воспеть всеми песнями,
Небом звездным по ночам награждать.
Пусть стихи мои будут безвестными,
Не устану я тебя воспевать.

Ты глубокая моя философия,
Капля пота в жаркий день на виске,
И спасение моё, и утопия,
И воздушный замок на песке…

За печаль мою прости, моя милая,
Не до смеха нынче – страшная жизнь,
И какая-то уныло-постылая,
Хоть крестись на купола, не крестись…

* * *

Привет, привет, печальный мой лисенок,
Мой светлый лучик в сумерках души.
Трешь кулачком глаза свои спросонок,
А просыпаться, в общем, не спешишь.

Какое счастье каждым бледным утром,
Вторгаясь в твои сны, будить тебя.
И расцветает ярким перламутром
Вся будничность родившегося дня.

Привет, привет, печальная лисичка,
Приди во власть моих надежных рук.
Судьба перелистнула вновь страничку.
День начался, вставай, мой милый друг.

* * *

Вчера ты поменяла цвет волос
И стала из блондинки ярко рыжей.
А я зарплату с премией принес.
И мы с тобой купили телевизор.

Благодаря тебе, считай, живу,
Тяну, тяну засаленную лямку,
Пишу стихи, на службе сердце рву…
И жизнь моя все больше наизнанку.

Моя пред богом и людьми одна
Единственная женушка родная,
Ты снова вяжешь, сидя у окна,
Мелькают спицы, узелки рождая.

* * *

И было бы нашему сыну
Сегодня шестнадцать годов,
Иль дочери…
Помнишь картину
Тарковского?
Свят есмь Рублев…
Смотрел, затаивши дыханье,
И руку твою я сжимал.
Великое киносказанье
Обдумывал зрительный зал.
Потом мы кружились, как дети,
Мы – листья октябрьской поры.
И время вилось, как спагетти,
По струйке гитарной струны…

* * *

Постель была, как поле боя,
Как тундра после вездехода.
Суворов Альпы брал фривольно.
А за моим окном погода
Преподносила государству
Сюрприз, роняя капли солнца.
Постель – последнее коварство
По жизни гордого гасконца…
Я ль не гасконец?
Ты ль не Альпы?
Как альпинист, вбивая крючья,
Я полз к обрывам горных скальпов,
Кляня судьбу, что не везучий.
Я покорял твои высоты,
Борясь за каждый миг победы.
Как пчелы, строил свои соты…
И, наконец-то, в эту среду
Виктория так беспробудна –
Свалил Троянского коня…
На поле брани пес приблудный.
И, к сожаленью, это я.

* * *

Моя любимая на море,
Борясь с волною, как корвет,
В случайном нашем разговоре
Передала в эфир привет.

Она, как будто чайка в небе,
Крылом касалась этих волн,
Которую кормлю я хлебом,
В которую я так влюблен.

А тот привет над пляжем взвился
И в мантию меня облек.
И знали все, что я влюбился
В тот светлокудренький челнок.

И пусть он в море-океане,
А я на суше заскучал,
Ко мне любимая причалит,
Ведь я ее большой причал.

* * *

Я смотрю на вешалку свою,
Где висит мой плащик сиротливо.
Одиноко, бедному, ему,
Хоть он заграничный и красивый.
Ведь еще недавно, черт возьми,
Прижимаясь нежно, но не прочно,
Птаха, залетевшая на дни,
Грела рядом перышки порочно.
Ветер моих губ их обсушил,
Пальцы их очистили от грязи.
Но рассвет спешил, спешил, спешил…
И его прощу когда я разве?

Он унес тебя за облака
В душном чреве «АНа» или «ИЛа»…
И висит мой плащ, его рукав,
Смотрит в пол ужасно сиротливо.

* * *

Как язычник в тебе купался,
И обманывал, и неволил.
Словно волк-одиночка крался
На твоих простынях, как в поле.

Но случилось со мной несчастье.
Разонравилась мне порочность.
Огонек сигареты страстной
Умер как-то дождливой ночью.

* * *

Мои тапочки прикроватные
При твоей стоят, при кровати.
Мои мысли вконец развратные
В твоих юбках живут, как тати.

Я несу цветок, только сорванный,
Только с грядки чужой, не нашенской.
Подарю тебе расторопненько
И уйду, словно полдень завтрашний.

Ты цветок возьмёшь в руки нежные,
Наберёшь воды в вазу слёзную
И напоишь вновь наши прежние,
Подзасохшие розы-розоньки.

Убегу, на век распрощаемся,
Будто пальцы от «до» по клавишам.
А споткнусь, свалюсь, повстречаемся…
Ведь идти-плясать мне куда ещё?

ЭХНАТОН – НЕФЕРТИТИ

Я люблю дыханье сладкое твоё,
Красотою восторгаюсь каждый день.
Слышать голос твой – желание моё,
Он, как шелест ветра, листьев тень.

От любви к тебе я снова юн.
Дай мне руку, душу вверь свою,
Я приму её, как ласку дюн,
И одною ею заживу.

Пусть твои уста всегда твердят
Только моё имя, ну а мне
Без тебя пусть будет не хватать
Жизни на египетской земле…

* * *

Приходит чувство зрелое до взгляда
На вещи, словно изнутри вещей.
Течение души слилось в порядок –
И не прогнать уже его взашей.

С войною, может быть, ещё не квиты.
И не уехать нынче из страны…
О, как твои движенья беззащитны,
И как слова надёжны и верны…

* * *

Я не стелю постель, бельё не глажу,
Я потерял смысл жизни без тебя,
Как будто кто-то вредный подло сглазил
Такого одинокого меня.

И если б не собака, друг сердечный,
И если бы не полосатый кот,
Я бы уже давно душой безгрешной
Истлел бы, словно перезревший плод.

Беру газету, только чтоб забыться.
Включаю телевизор на крайняк,
Но по ночам мне неизбежно снится
Твоя улыбка, милая моя.

И мыть посуду очень неохота
И даже чистить зубы по утрам.
Теперь ведь у меня одна забота –
Тебя дождаться из неблизких стран.

Я бестолково тыкаюсь по жизни,
Не знаю в магазинах что по чём.
С тобой я словно жил при коммунизме
И был твоим счастливым Ильичом…

А без тебя, как будто кто-то сглазил
Такого непутёвого меня…
Я не стелю постель, бельё не глажу,
Я потерял смысл жизни без тебя.

* * *

Где-то в памяти моей
В закоулках самых тёмных
Ты живёшь – прошедших дней
Отзвук горький, колкий, томный…

Я тогда ещё не мог
Властно взять рукою твёрдой
Сердца твоего глоток
И в карман припрятать гордо.

Неумело чмокнул раз
Щёку, вспыхнувшую маком…
Освещал нас лунный глаз,
Словно захворавший знахарь.

Годы укрепили дух,
Взгляд подёрнули забралом.
Тополиный снова пух
Сердце в прошлое направил.

Экскурс в первую любовь
Неискусного паяца –
Будто старенький лубок
Скромно умершего танца…

* * *

Ты – светлый очаг,
Где затеплилась жизнь человечества,
Волчица, вскормившая грудью
Ублюдка и гения.
Во взгляде твоём мне
Всегда неотступно мерещится
Презрения тень
И задумчивый блеск восхищения.

Ты – яблоко смерти
И ложка святого причастия.
Ты – ветер гулливый
И мать тишины в дальней бухте…
Поклонников алчущих
Стонет толпа разномастная,
И каждый скиталец
Мечтает о сладком уюте.

Исчадие ада
И райских утех вожделение,
Ты – вышла из пены
В зарю лугового тумана,
Внеся в этот мир
Суматоху правдивых обманов,
И в жизнь начала восхождение
Иль снисхождение.

Дорога, ты в пыльных песках
Между знойными дюнами,
Стремнина, несущая воды
В гладь озера нежную.
Всегда оставайся
Такою же мудрой и юною,
Любимая мною и всеми
Мужчинами – Женщина…

Я ВАШ САМЫЙ ВЕРНЫЙ СОЛДАТ…

* * *

О, женщины,
Колени истёр об асфальт,
Язык измозолил о слух,
Я ваш самый верный солдат,
Я ваш самый чуткий пастух.
Но гложет мне душу печаль.
Одну не забуду никак.
Глаза её, словно миндаль,
И ямки на спелых щеках
Не мне целовать и хранить
Дарует злодейка-судьба…
Дак что ж тут забор городить?
Не к месту моя ворожба.
Состарился…
Девичий стан
Дрожащей рукой не обнять.
Удел мой – гранёный стакан
За счастье её поднимать.

* * *

От улыбки твоей у меня на судьбе,
Словно в кардиограмме, узлы.
И готов я отдать понемногу тебе
Все свои непутёвые сны.

Будут ночи твои от зари до зари
Мной полны, как вином до краёв.
И как только поблёкнут в миру фонари,
Мы покинем свой призрачный кров.

И пусть крылья мои в этот дивный мороз
Унесут и меня и тебя
В край зелёных и гордых родимых берёз.
Где теплы и вода и земля.

* * *

Последний месяц осени,
Но северный мороз
Распишет окна просинью
Заснеженных берёз.

А я приду, как водится,
К тебе на огонёк.
Пусть вьюга хороводится
И пусть ей невдомёк,

Что мне тепло и весело –
Ты любишь горячо –
И сладостно, и песенно,
И вьюга нипочём…

* * *

Оставь меня, я не хочу любви…
И жить устал, и пища стала пресной.
Да и котенком больше не зови
Моё в за сотню под два метра тесто.

Я выдохся, понятно – сорок шесть…
Состав проблем все длиньше и тяжельше.
На холке и груди седеет шерсть.
И ночи холодней, и снами меньше.

Распутица в ногах, дождь в голове,
И стылый ветер выморозил душу.
Желание от «да» скатилось к «нет».
Все меньше тороплюсь, все большее трушу.

Закрылась дверца в скорлупу мирка,
В котором ты совсем еще девчонка.
Я там тебя люблю, ну а пока
Оставь меня, уставшего котенка…

* * *

Жена моя меня ругает
За то, что я не меру щедр.
Она пока еще не знает,
Что просто я – могучий кедр,
Которому его орехи
Собою крону тяготят.
И пусть седые неумехи
Гнилушки падалиц едят.

* * *

Пусть даже очень бурною весной
Зима в душе не тает никогда.
И не увянет талою водой
В душе моей прикосновенье льда.

За выцветшею вывеской зимы,
Как дата в отрывном календаре,
Зерно ютится ветреной весны –
Проклюнется однажды на заре.

Грядет конец и этим холодам,
И эта фотография сгорит,
Но память о зиме я не предам,
Пусть что угодно Юная творит.

Весна, я не забуду бархат-снег.
Пусть чистоты его мне не испить,
А времени река – торопкий бег –
Судьбу мою все жаждет изменить.

* * *

Новогодним букетом
Еловая изморозь брызнет,
Я тебя подхвачу,
Унесу за метельную даль.
Сколько раз Новый год
Был утехою всей моей жизни,
И пока что
Ушедшего года нисколько не жаль.

Я в морозы добьюсь
Потепления сердца ледышки,
Отогрею, тебя
Превращу в конфетти на снегу.
Будешь в этом году
Моей самой любимой малышкой,
Если только тебя отогреть
От мороза смогу.

Ну а если невмочь,
Стану сам я замшелым сугробом,
Обовью твои ноги
Завьюжиной стылой в метель.
Ведь такие, как мы,
На прицеле у нашего Бога,
А весною опять
Различим соловьиную трель.

Новогодним букетом
Еловая изморозь брызнет.
И пока что
Ушедшего года нисколько не жаль.

Сколько раз
Новый год был утехою всей моей жизни,
Я тебя подхвачу,
Унесу за метельную даль.

* * *

Иду по улице, смотрю в глаза прохожим,
Как будто снег кидаю на огонь.
Моя любовь к тебе на спешку их похожа…
Снежинка трепетно упала на ладонь.

Иду к тебе, как уркаган на дело,
Ища поддержку в моросящей мгле.
В моих руках твое воспрянет тело.
Чихнут часы на матовой стене.

Истек мой срок, пора опять на холод.
В своей постели одинок я до утра.
И буду чувствовать, насколько еще молод,
Настолько ты красива и мудра.

След в след припрется муж, его ботинки
Займут «мой» угол, выставясь вперед.
Снежинка на ладони, как росинка,
Всю память тела твоего в себя вберет.

Блюдет обет молчания квартира,
Хотя быть может ей не по нутру.
Сковорода фырчит супругу жиром
О том, что он… накормлен будет по утру.

Приду к тебе уже через неделю,
Опять найдя поддержку в моросящей мгле.
В моих руках твое воспрянет тело,
Замрет в часах кукушка на стене…

* * *

Милая моя, мне без тебя
Одиноко, как оврагу в поле.
Мерзну так, что душит колотьба,
Греюсь водкой, тут уж я неволен.

Мостик мысли строю я к тебе,
Приведет меня под одеяло.
Кто сказал, что жизни смысл в борьбе?
Он не прав… Мне сладостно, но мало…

Надо же, чем грежу от тоски…
А была б ты рядом, спал бы тихо,
Не писал бы в ночь-полночь стихи,
И тихонько б над собой хихикал!

* * *

Зимний вечер окраинно тих,
Снег пушится, льняные ресницы…
О тебе я пишу этот стих
В электричке на окнах-страницах.

Я втихую любуюсь тобой,
А в вагоне народу, как сельди.
Возвращаешься с дачи домой,
О, моя незнакомая леди.

Подмосковье зимой, вялый снег.
На твоих он ресницах растаял.
Электричка замедлила бег…
И тебя я в вагоне оставил.

О тебе этот стих напишу.
До сих пор от той встречи не спится.
Без тебя незнакомой грущу
Я в своей приполярной столице.

ДОЛГОЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Летели годы, словно поезда,
И как минуты уходили сутки…
А мне тебя не встретить никогда
И к сердцу не прижать на полминутки.

Я жить устал без шелеста шагов
Твоих по коридору между строчек.
Река событий вон из берегов…
И юношеских строф сгорел листочек.

Опалена по краюшку зари
Проходит жизнь без встречи и сомнений.
Вспорхнули угольками снегири,
Костер весны потух без сожалений.

* * *

Ты мне не звонишь по телефону,
Номер мой, наверное, табу.
Жду тебя на улице и дома,
Жду и жду, да только не дождусь.

Женщина моя, с иной планеты,
Ты о ком мечтаешь впопыхах?
Расскажи по телефону, где ты
И в каких неведомых краях?

Почему же мне не дотянуться
До твоих сверкающих волос,
И с тобою рядом не проснуться
В том стогу, что плавал между звёзд?

* * *

На душе светлым-светло от тебя.
Словно в третьи петухи от зари.
Вышел по утру косарь на луга,
А в Москве в свои вольеры слоны.

Повенчали нас два медных креста
С позолотой на распятом Христе,
Забрели мы в монастырь неспроста,
Видно, место это нам на Земле…

* * *

Осторожно – маленький костер
Сигаретой в пепельнице тлеет.
Вместе с ним сгорит и всякий вздор,
Все, что победить я не умею.
Где-то там за кромкой голубой,
Личико в каре волос упрятав,
Женщина с поникшей головой,
Так и не дождавшаяся сватов.
Что ей мои вязкие слова?
Их, поди, говорено не мало.
Вот и опустилась голова
От пожаров маленьких устало…

* * *

Луна была в Деве –
Гласил календарь.
Ты хлопнула дверью
И кинулась в даль…

Гнала неизвестность
На зюйд облака.
О, как ты прелестна
На каблуках!
Как ты восхитительна
В море людском…
Любовь моя бдительно
Выйдет тайком
И рядом с тобой побредет,
Хоронясь,
От всяких мужских
Мимо мчащихся глаз.

* * *

Я люблю в тебе каждую строчку,
Каждый штрих возбуждающей рифмы.
То, как ставишь ты фразами точку…
Твои груди – округлые рифы.

И о них разбиваются мысли,
Словно волны любви океана.
И вино не становится кислым,
Мы разлили его по стаканам.

От хореев и ямбов прически
Я стою, овеваемый ветром.
И помада алеет полоской,
И глаза голубы в стиле ретро…

И когда открываю я книгу,
Ты поэмою входишь мне в душу.
И на свет маяка легким бригом
Я стремлюсь к тебе, словно на сушу.

Ты меня обмануть не решилась.
Не решилась в глаза мне ответить,
Что любви нашей общей лишилась,
Отомкнув ворота на рассвете.

В той таверне пристанище пришлых,
Там, где ветер связал собой ставни,
Мое имя ты больше не слышишь…
Там другие столуются парни.

Распустив паруса на закате,
Мой кораблик из мятой газеты,
Сердце, бросив в десятой палате,
Улетел по волнам в кругосветку…

Для меня ты – поэзия жизни,
О которой мечтается ночью.
Я исполню любую репризу,
Я люблю в тебе каждую строчку!

* * *

Я тебя выстрадал жизнью своею.
Может быть, слишком мне в жизни везло?
Сколько живу, никогда не болею
И побеждаю врагов им назло.

Я каждый шаг твой и каждое слово
Боготворю и готов воспевать,
Даже когда самому мне хреново…
В церкви, наверное, лишь благодать!

Может быть, ты мне дана в наказанье?
Может быть, радости в жизни конец?
В руки тихонько берешь ты вязанье
И выплетаешь терновый венец…

* * *

Ты любила меня, как могла.
Может быть не такой я хороший,
Что однажды меня предала
В день весенний и ярко-погожий.

Ты одна, от которой не ждал
Хирургически меткого в спину
Словно скальпель, однажды ножа…
Этот мир все никак не покину…

Это было б под силу Вольтеру.
Не могу я сложить в голове,
Не пойму, как закралась измена.
Жизнь в мозгу, как кино по ТВ.

Ты однажды меня предала…
Может быть, не хотела, но все же,
Отлюбила меня, как смогла
И ушла в этот день непогожий…

* * *

Говорить банальности поэту
В новый день, я знаю, не пристало.
Солнышко мое, уже с рассветом

Ты на горизонте моем встала,
Заслонив собой коварство мира,
Сокрушив надрыв ушедшей ночи.
Да не заржавеет моя лира,
И союз с тобой наш будет прочен.
Устилают пусть цветы дорогу,
Ту, что рядом с тропкою моею
Ты ведешь по жизни от порога
Без тебя прожить я не сумею.
Солнышко мое, уже ты встала?
И меня покормишь ты омлетом?
Я ведь понимаю – не пристало
Говорить банальности поэту.

* * *

Ты на эту улицу пришла,
Женщина, которая ждала
Самого прекрасного мужчину,
Жизнь свою писала, как картину,
Слой за слоем налагая грим.
Вот же он заезжий пилигрим,
Вот же он столичный Казанова!
Он тебя увидел в полседьмого
У аптеки.
Ты зашла за ватой,
Чтобы окна дома утеплить.
А в кафе московского салата
Не было, судьбу не изменить.
И за то провинцию ругая,
Глянув на тебя, он зло шагает
Мимо, мимо…
Поняла ты вдруг,
Всё с тобой состарилось вокруг,
И дома, и люди…
В общем, осень.
А ему всего лишь тридцать восемь.
Положила жизнь, а он не взял.
Он к себе в столицу уезжал.
Что же делать?
Вновь домой спешишь.
Ты сегодня окна утеплишь.
Завтра купишь верного кота
И старухой станешь… навсегда…

* * *

За эти три минуты счастья,
Украденных в запой у близких.
Готов я сам с собою драться,
Пренебрегая страхом риска.

Крадём в минутах по секунде.
Пусть каждая судьбы подарок
На золотом, узорном блюде…
Вдруг да сгорит свечи огарок?

О боли близких не помыслив,
Крадём секунды у природы.
Минуты, складываясь в годы,
Бредут за нами тенью жизни.

* * *

Дымок от свечи поднимался,
Вил в воздухе кружево страсти.
И вечер нам сказкой казался
Далёкой от зла и напастей.

По свечке катилась слезинкой
Вся прошлая грусть и усталость.
Погасший фитиль невидимкой
Светил ещё самую малость.

Во мраке ночных пережитий,
Забыв о свече и шампанском,
Мы, не совершая открытий,
Любили чуть-чуть по-цыгански…

Весна разливалась по миру,
Давясь ненасытной природой…
А радиодиктор в квартире
Вещал о неважной погоде…

* * *

Мне нравится такая красота,
Которая,
Как Млечный Путь проста.
Тонка,
Как мотыльковая душа,
Тепла, светла,
Как лезвие ножа…

Как если бы воочию узреть
Последней песни
трепетную плеть,
Как если бы малина
в рот с куста –
Мне нравится такая красота.

ОТПУСКНОЙ РОМАН

Я тебя не тороплю,
Как захочешь, так и будет.
Всё равно, что скажут люди.
Просто, я тебя люблю.
Просто было всё, что было.
Сложно было и прошло.
Ты за всё меня простила,
А село…
Мне всё равно.
Шепчет дедушка Демьян,
Шамкая губами,
С нею у него роман,
С-сатана – не парень…
Люди, люди, ветер носит,
Словно флаги языки.
Кол берёзовый – заноза…
Для таких!
Обсудили сказки-были.
Пыль дорожная – молва.
Посудачили, забыли,
Лето кончилось едва.

* * *

Не говорите мне о ней.
Не задавайте мне вопросов.
Гнездится смерть в душе моей,
На сто озябших кораблей
Одна дымится папироса.

Не снитесь по ночам мне, сны,
Умру когда-нибудь спросонок.
Кукушка смотрит со стены,
Обиды будут прощены…
И прямо здесь, и без пардонов.

Ты – улетевшая звезда,
Вернее, отгоревший отблеск.
Ты не вернёшься никогда…
Стучат по рельсам поезда,
Моя судьба – последний поезд.

* * *

Я ни на что не претендую,
В том смысле, что не твой герой.
Я только в щёчку поцелую,
А ты мне тайны все раскрой.

А ты мне выплесни всё море
К ногам моим, пускай лежит.
Бредут последним коридором
Все те, кому покончат жизнь.

А ты мне выскажи стихами
Красоты здешних местных мест.
Бежит дорога лопухами,
Шёлк чёрных платьев у невест…

И девочкой-алегофреном
Взойдёт над пастбищем луна…
На вас, красавица Елена,
Не претендую, ни хрена…

ХОРОШО Я ЖИЛ НА СВЕТЕ…

* * *

Хорошо я жил на свете,
Рук работой не марал.
И с утра, как вольный ветер,
От цветка к цветку порхал.

Но настигла божья кара,
Позавяли все «цветы»…
Домик мой под Сыктывкаром,
Огороды в полверсты.

Клумбы с жёлтою картошкой,
Да в теплице корнеплод.
Не стихи пишу, а с плошкой
Выхожу теперь в народ.

Будут на сердце мозоли
Не от распрекрасных жён.
И морковь грызу, как кролик…
Без войны поэт – сражён!

* * *

По утру парит Россия,
Журавли летят над ней.
Колокольный звон красиво
Был молитвой звонарей.

Гимны петухи орали
По ухоженным дворам.
И хотелося едва ли
За границу ехать нам.

Я обуюсь в лапоточки,
Кину за спину суму
И пойду, слагая строчки,
Познавать свою страну.

В позапрошлый век Некрасов
Божьей милости просил,
Он-то знал, кому прекрасно,
Сладко на святой Руси.

До купца дойти сумею
И последнего бомжа…
Первозванному Андрею
Ставьте свечи, господа…

* * *

Что останется после меня,
Ворох выжженной словом бумаги?
Не выращивал хлеба в полях,
Не выделывал кожу на краги,
Через реки не строил мостов,
Не скитался по угольным штрекам,
На войне не оставил крестов,
Над научным трудом не кумекал,
Не валил самолёты в пике,
В нефтепромыслах – точно не смыслю,
А по жизни иду налегке.
Если в спину ударит мне выстрел,
Пусть снесут моё тело в поля
И зароют в тени за оврагом –
Удобрением сделаюсь я…
Это вам не стишки на бумаге!

* * *

Я в пьянке,
В воровстве замечен не был,
И подлости
Собратьям не чинил…
За что ж меня в сиреневое небо,
Господь,
Ты до сих пор не допустил?
За что?
Ведь сердце у меня без грима,
Душа уже созрела
На покой,
В горах чеченских вырыта могила…
Какой уж есть,
Не стану я другой.

* * *

Илья Пророк с Андреем Первозванным
Затеяли рыбалку по весне.
Рассвет блуждал по серым тучам рваным
И полыхал в оранжевом огне.

И рыболовные раскинув снасти
У озерка наладили костёр.
Не рвали души их на части страсти,
Степенным был рыбацкий разговор…

* * *

Надуло ветрами воды на дороги,
И солнце разъело ерошистый снег.
О, сколько я раз наступал на пороги
Чужих и не нужных мне бед.

О, сколько я раз колобродил по рекам.
Кругом по земле гололёд…
- И что не сидится в дому человеку? –
Смеялся бывалый народ.

А мне не привычно ходить по сухому,
Люблю, чтобы лбом об асфальт!
И мне не сидится на даче и дома.
Я влюбчивый в осень солдат.

Я знаю, так проще: посыпать песочку,
И, не спотыкаясь, ходить.
Но мне интересней писать эти строчки
Да по гололёду бродить…

* * *

Но, однако, жив ещё мозгокрут-курилка!
Пишет про историю ветреный роман.
В гараже армейская спрятанная «Шилка»
Ждёт своего выхода в люди на кичман.

Два гранёных стеклышка
                с водкою без содовой,
С утреца привычною порцией на грудь.
Пьяные политики всю Россию продали.
Мы на снежном краешке живы как-нибудь!

Так что зря рождаетесь пошленькие слухи,
Что скончался в оргиях славный паренёк.
По кривому зеркалу две косые мухи
Хаотично ползают вдоль и поперёк…

* * *

А моё настроение в осень
Смотрит, будто бы мышцы свело.
Будто дед в утро летнее косит
Мураву за уральским селом.

Клином лебеди рвут синеокость
Чувства детского каплей слезы,
Начинают заученно «окать»
От невспаханной в жизнь полосы…

Сериального мыла сюжеты
Разъедают и душу, и мозг.
Учат жарить бараньи котлеты,
Отличать незабудки от розг.

Витражи по церковному блёкнут,
Философствует сиро сюжет.
Бандюгана отпетого шлёпнут –
Будет меньше от этого бед.

* * *

По лесным перестукам колёс
Среди павшей листвы и столбов
Меня поезд далёко понёс
К морю синему вдаль от снегов.

Закажу себе песню в вагон,
Детектив разверну на столе.
В жизни это большой перегон,
Аж мурашки бегут по спине.

У меня лишь дорожный баул,
У меня лишь стихи за спиной…
И ещё не написанных гул
Шумно бродит моей головой.

* * *

Я сижу, как будто Моцарт,
На Сальери не похож,
Всё душе моей неймется,
За оконцем жалит дождь.

Жалит каждой каплей землю,
Раскалённую, в пыли,
И оттачивают перья
Где-то недруги мои.

Были б други, знали б место
Побольней в моей душе,
Ну а так не интересно,
И не страшно мне уже.

А болит в душе Россия,
Златоглавый перезвон,
Море водки некрасивой,
Реки, скованные льдом.

Войны рвут на части душу,
Я на двух из них бывал.
Каждою чуть-чуть контужен,
Между ними перевал.

Янки по менталитету
Бьют во всяких рубежах.
Мне же русскому поэту
От судьбы не убежать.

Знаю: я, увы, не Моцарт…
Гениальность Бог не дал,
Но душе опять неймётся,
Вот стишок и написал…

* * *

Размеренное дачное житьё –
Столпотворенье воодушевлений,
Томлений, вдохновений и сомнений,
О том писал ведь Чехов, ё-моё!

Над грядкою соседской женский зад
В купальнике на общем обозрении,
И начинают сонмы вожделений
Гнать кровь быстрей по жилам во сто крат!

Сосед домой уехал, а соседка,
Не помышляя, в общем, ни о чём
Свой зад, как будто морду, кирпичом
В моё окно всё тычет… профурсетка!

Над грядкою свисающая грудь…
Достать бутылку белой, запотевшей,
Простой, родной, да и до боли здешней?
Так тянет в холодильник заглянуть…

В глазах жены мужья обнажены,
На то, видать, дана им божья воля.
Вопрос решает в пользу алкоголя
Вся строгость фотографии жены!

* * *

Судьба была разной, бывала и горькой.
Но радости было и счастья сполна.
К своим сорока, я взобрался на горку,
А там не вершина, а снова – стена.

И снова набравшись силенок и страсти,
Чуть-чуть отдышавшись, карабкаюсь вверх,
Забыв неудачи и страсти-мордасти,
Которые снегом присыпал успех.

А счастье свершится, ведь люди помогут.
Не даром надежда светится в глазах.
Надеюсь, что передо мною дорога –
А не для мучеников стезя…

К своим сорока я взошел на пригорок,
А там не вершина, а снова – стена.
О, сколько еще ты готовишь мне горок,
Россия, Россия – родная страна.

* * *

Место первого свидания,
В детство краткий переезд,
Где б ни жил, воспоминания…
Снятся: старый наш подъезд,

Разрисованный и почерканный
И расписанный шпаной,
Тетя Груня с большой метелкою,
Ну а проще сказать, с метлой,

Два кота, что любили Мурочку,
Приходили в подъезде выть,
Да и ты, светлокудрая дурочка…
Как хотелось тебя любить!

Вспоминаю, хочу покаяться…
Сгнил барак, и исчез подъезд.
В детство больше не получается
Кратковременный переезд.

* * *

Некрасивая девушка Света,
Помечтав о судьбе манекенщиц,
Назвалась пред друзьями – Иветтой,
Ненавидя им преданных женщин.

Ей не нужен теперь косметолог
И какой-нибудь вялый стилист,
Ее голос нахален и тонок,
А судьба – неисписанный лист.

Ей плевать на условности быта,
Ненавидит она мужиков,
Передохнут пусть от простатита,
Не познав с нею сладких грехов.

Смотрит в рот госпоже Новодворской
И в спортзале качает мышцу,
С ног не бреет кудрявую шерстку,
Хулиганам плевала в лицо…

И теперь ее кровь на кастете…
И чего не жилось этой Свете?

* * *

Интеллигентный человек?
Обман, сплошной блефон…
В палате номер шесть «эстет»
Включил магнитофон.
И раздаются голоса,
Бичующие все.
У медсестры висит коса,
Как плеть через плечо.
Случайно тронул он рукой,
Что под халатом?
Грудь…
Интеллигентный, никакой,
Необратимый путь.

* * *

Когда мороз стоял трескучий,
И вьюга окна заметала,
Происходил обычный случай –
Земная женщина рожала.

Мир для нее сошелся в точку
От уголька на папиросе
Врача – старухи горбоносой…
Господь пошлет сынка иль дочку?

Мелькали тени прошлых жизней,
Вода стучала, было душно.
И акушерке верный спиртик
Согрел озябнувшую душу.

…А этой женщине земной
Своей лишь жизни было мало.
И разрешилась трудно мной
Моя единственная мама…

* * *

Голова нужна не только думать,
Голова нужна, чтоб биться в стену,
Чтобы вынести растянутые губы,
Только что свершившие измену.

А еще для тренировки шеи,
Чтобы было чем клониться долу,
Чтоб хранить в ней все свои потери,
Все, что ко двору и к разговору.

Голова нужна для сигареты,
Для подушки и для шапки ноской,
Чтоб носить ее по белу свету
Ликом в пыль, а к господу – прической…

* * *

Задуши меня в объятьях –
В наслаждении умру!
Пусть завидуют мне братья
По суме и по перу.

Ты одна на нас в природе.
Ты одна и я один.
Пусть одет не по погоде,
Но себе я господин.

Непутевая шалава,
Кто тебя целует там?
Дай мне книжку на халяву,
За границею издам.

Не завидуйте мне, братья…
Пусть в кармане ни рубля…
Задуши меня в объятьях,
Муза странная моя.

* * *

Россия, Россия,
Цыганскою катишь кибиткой
По гладким, не пыльным совсем,
Европейским дорогам,
А жизнь моя в чику
Сплошной полосою в не битку
Затянута все еще в доски
Советского гроба…
Дарила, Россия.
Своею любовью ты многих.
Меня непутевого
Тоже дарила любовью.
Твои целовал в исступленье
Красивые ноги,
И снова марался
Твоею неистовой кровью…

СТАРУХА

В вагоне врут.
Лгут за окном березы –
Бегут вдоль полосы… чтобы стоять.
Старуха бередит вилок навоза.
Она одна осталась умирать.
Сосед мне предложил,
Сыграли в карты,
Водчонки пригубили по сто грамм.
Уют – обман.
Двор проходной – плацкарта.
Сосед-мухлевщик в карты
Проиграл…
Мы едем-едем, едем-едем дальше.
Осточертел уже вранливый быт.
В моих глазах.
Как призрак антифальши,
Предсмертная старуха все стоит…

* * *

Снова берет мандраж,
Сны – нашей жизни шарж.
Кто-то за стенкой – шарк…
Головы наши – парк.

Вот и бредут по ним
Сны, как среди дерев,
Праведные одним,
Ну а кошмары – мне!

* * *

Я хочу самим собой остаться.
Я хочу быть цельным и живым.
Мне не нужно пришлого богатства.
Всех врагов и так мы победим.

Господи, услышь мои стенанья,
Подскажи дорогу мне в миру.
А не то не справлюсь с подсознаньем
И с разбегу как-нибудь умру…

* * *

Хочу домой, и нет предела страсти.
Хочу, чтоб лес, и поле, и река.
И я, московский проигравший кастинг,
На зло всему упился коньяка.

Хочу домой, пускай порвутся связи
С людьми, что не становятся живей.
Не получилось мне из грязи в князи.
На родину хочу в страну друзей.

Хочу домой, мечтаю, снится мама,
И улицы, и девочка-строка…
В моих стихах нет питерского шарма
И, как у колобка, грязны бока.

Хочу домой, там родина, там ценят,
Встречают по уму, не по стелу.
Столичным городам я отдал цену
Двойную, да за что вот, не пойму.

Хочу домой, хочу не самолётом,
А так, чтобы вагонный перестук…
Хочу домой, но не пускает что-то,
Ненужность встреч да суетность разлук…
Хочу домой!

В ПОРЫВЕ ТВОРЧЕСТВА…

* * *

Веничком бы спину исхлестать,
А в спортзале отдубасить грушу,
Плюнуть в реку ржавую с моста,
В ресторане дорогом покушать…

Но сижу на службе, вот беда,
Как Куратов, вновь корплю над делом…
Льется канцелярская вода,
И стихи родятся между делом.

* * *

Туман почти что напугал,
Он спрятал всё в свои подвалы.
Он страх всем телом источал
И вспоминал обиды мамы.
Когда-нибудь спасут меня.
Туман развеют этот вязкий
Там за туманом сыновья,
Моя Алёнушка из сказки…
В его глухом небытие
Огни пропали городские…
Мои шаги казались мне
Какими-то совсем чужими.

* * *

Когда сюжет души не посещает,
И Муза сторонится старика,
Лишь сердце все вещает и вещает
О жизни, не остывшее пока.

Ему в лесу дороги не помеха
И городская сутолока – блажь,
Смеется, хотя вроде, не до смеха,
Выискивая по нужде типаж.

И кровь сочится карандашной пылью
На лист бумаги ветхой от проблем.
Любовь с годами порастает былью,
Не прибавляя ни стихов, ни тем…

А сердце беспокойное вещает
О жизни, не остывшее пока,
Хотя сюжет души не посещает,
И Муза вновь сбежит, наверняка…

* * *

От перекрестка к перекрестку
И от моста и до моста
Осуществлялась перевозка
На купол славного креста.

Колдобы русские дороги
От дурака до дурака…
А люди наши босоноги
Во все печальные века.

Когда-нибудь вернусь я к храму
И осеню себя крестом,
Молясь за брата и за маму
Перед единственным Отцом.

* * *

Народ в больнице вяло-грустный.
Кто бюллетенит, кто юлит.
А на душе угрюмой пусто,
И в теле что-то там болит.

Сидят на скамьях офицеры,
Кто действующий, кто в тылу.
Кому подправить нужно нервы,
Или давление кому…

На лицах мужества морщины,
На кулаках мозоли битв…
Лихие, в общем-то, мужчины,
Лишь в теле что-то там болит.

* * *

Ветер выточил из камня человека…
Ноги в гору,
Голова цепляет тучи.
Но стоит он молчаливо.
Он – калека.
Птицы-сердца нет в груди его могучей…
А старался, бился лбом
В крутые скалы.
Видно, одного задора мало…

* * *

«В порыве творчества крылатая голубка…»
Вершит полет.
Сорвется капелькой стекла еще минутка,
Во тьму падет.

Решился я на воплощенье яркой мысли,
Сиречь обман…
О нашей беспросветно-блеклой жизни
Пишу роман.

Зачем судьба, треклятая дорога,
Вложила жизнь
В мой котелок предательски убогий?
Ну что ж, держись!

В порыве гнева рвется цепь златая
На два куска.
Так в предложенье вязнет запятая
В конце письма…

ВЕРБЛЮД

Глухой ноктюрн деревьев и зимы
Ни демагога, ни поэта
Не уберег от нищенской сумы,
Принесши розу до рассвета.
Смутил елейные умы.

Простоволосая весна-хозяйка,
Высший свет покинув,
Заоблачные выси опрокинув,
На горизонт поставила стакан…

Алкал рассвет кровавую зарю.
В душе туман от века и до века.
Тоска преподносила человеку
Зеленую тоску по сентябрю.

Взъерошился косяк над камышом,
Блеснула щука, Бог судья рассвету…
Русалка беззаботным нагишом
Заманивает в омуты поэтов.

Глухой ноктюрн, слепой водоразлив,
Красавец кривоногий, два колодца…
О розовый тот куст не уколоться,
Спеши… Но будь, дружище, не спесив.

Пусть будет так, как вызвездил салют.
Он расколоться миру да поможет.
Тоска, коли захочет, так загложет…
Кого ж винить? А виноват верблюд!

* * *

А я живу сегодня в Воргашоре,
Неподалёку с нашей Воркутой…
Здесь тундра и мечтается о боре,
О береге с тропинкою крутой.

Чтобы река несла себя на север
По самой тёплой средней полосе,
Коровы на лугах жевали клевер…
А здесь олени бегают везде…

Сплошная тундра и развал посёлков,
Заброшенные шахты и народ…
Зарезали б мы с дедом поросёнка,
Да память мне той жизни не вернёт.

Сижу в машине, вывезли к вокзалу.
Я оглянусь с тоской на Воркуту.
Сугробы ветром в тундре подлизало,
И в сторону мне в южную, не в ту.

Как хорошо, что срок командировки
Нещадно сокращает наш лимит.
Бегут по рельсам, словно бы по бровке.
Вагоны в юг, а сердце-то щемит…

* * *

Спозаранку зацыганилось в душе,
Захотелось бутерброды взять в карман
И уйти, как колесо на вираже,
От тебя и от людей в густой туман.

Закатиться в травы мокрые, в луга,
Так чтоб за высокий террикон,
От любви твоей, ударившись в бега.
Завести б старинный бабкин патефон.

Тот, что с детства дребезжит в моей душе.
Голоса: Шульженко, Лещенко, Бернес…
Но спекла ты восемь блинчиков уже!
Пережду, перекушу, тогда и в лес.

* * *

В преддверии Нового года
Укутался снегом наш город.
Вздохнёт восхищённо природа,
И будто откинет свой полог.

И словно на сцену театра
В свои тридцать два от рожденья
Счастливая нынче и завтра
Ты выйдешь, как стихотворенье

Из блоковской нежной обоймы
О даме далёкой, прекрасной…
Вокруг тебя шастают гномы,
А в лапках тюльпанчики красные…

* * *

Пить водку в одиночестве не сложно.
Куда сложнее победить в борьбе
С тоскою, что, ступая осторожно,
Подкрасться норовит всегда к тебе.

Когда ты одинок и жалок с виду,
Как брошенное матерью дитё...
Никто не защитит от той обиды,
Что душу одинокую гнетёт.

И лишь стакан пшеничной «Сыктывкарской»,
Что опрокинуть норовит рука,
Тебя сведёт в страну под грифом «пьянство»
Да и оставит там, наверняка.

А эмигрировать оттуда, ой, как сложно.
Железный занавес – пустых бутылок строй.
От них душа становится порожней,
И голова становится седой…

* * *

Искушало солнце пеною морскою,
Щекотало тело льющимся песком.
Пароходик белый с линией прибоя
Был так гармоничен, словно патефон.

Он летел дельфином к Мысу Настроений,
Унося от взора сорок с лишним душ.
Там на полотенце линий параллели
Вмялись в эту землю под напором груш.

Для картины общей не хватало чаек.
Поразмыслив, скольких – десять или пять?
Я их резвой кистью в небе напомадил.
Получилось скушно? Что с поэта взять…

* * *

Поэты продаются за коньяк –
Такая доля истинных поэтов.
Их не купить за золотой пятак,
Их не прельщает жирный лоск обедов…

Поэтов покупают за коньяк,
Коль это – настоящие поэты.
Пусть им нельзя воспринимать никак
Чужие, даже умные, советы.

Лишь крепкий виноградный дух хмельной
Согреет душу, вылечит бесплодье.
Не продаюсь и я за золотой,
Но за коньяк – в любое время года!

* * *

По росе кошу я траву
Для забавы.
Да ещё пою себе в придачу,
Я на даче.

Заготовлю дров для бани,
Побуяню.
А потом у самовара
Всё поправлю.

Обниму жену да сына
Приласкаю,
Да и пред иконкою
Покаюсь…

* * *

Этот запах шашлыка
И костра, и майских ветров
Тёк по взгорку, как река,
Бередил инстинкты предков.

Я смотрю тебе в глаза,
Богом данная подруга,
И теряю тормоза
Без упрека и испуга.

В них такая глубина,
И такой не юный омут,
В них забудется война,
В них судьба моя утонет…

Это счастье быть самцом,
Чтоб была подруга рядом,
Не ударить в грязь лицом
От ее призывных взглядов.

Мясо терпкое с дымком
И «сухарик» в «полторашке»,
Лес, река и мы вдвоем
В одной ситцевой рубашке…

Тек по взгорку, как река,
Бередил инстинкты предков
Этот запах шашлыка,
И костра, и майских ветров!

ЛИРА ЛАГЕРНАЯ СТЫНЕТ НА ВЕТРУ…

* * *

Горела Вифлеемская звезда
Над храмом моей маленькой отчизны.
До родины дойдут ли поезда,
Вернутся ль те, что как-то меня вывезли?

Родиться там, где зэки валят лес,
Почётно было и неискупимо.
Снимаю на ночь памяти протез,
Она впотьмах блуждает сиротливо.

Чтоб не бежали по весне зэка,
Вокруг конвой, собаки, автоматы.
С промзоны шла вагонами щепа,
Её пронзали щупами солдаты.

И мы от любопытства пацаны
Почти что лезли скопом под вагоны,
Прибавив конвоирам седины,
В рожках их не убавили патронов.

И этот опыт сохранил мне жизнь,
Она не раз кидала под вагоны.
Ютятся звёзды на моих погонах.
Над Княжпогостом, звёздочка, зажгись…

* * *

Лира лагерная стынет на ветру,
За барак её швырнул «дэпээнка».
Ну а я, коль не спою, верняк помру…
Сколь уж лет не пил парного молока!

Зацепилась за «колючку» моя песнь.
А летела ведь до мамы словно шаль.
Приговором шибко сбили с меня спесь
И веригами навесили печаль.

Ночью стылой проберуся за барак,
В душегрейку свою лиру заверну.
Без неё душа из угля сразу в шлак…
Выйду, первым делом застрелю жену!

Лира лагерная, шёпотом пропой
О моей совсем не зэковской судьбе.
Нипочём теперь «запретка» и конвой,
Я живу теперь не в зоне, а в себе…

* * *

На стыках колеса вагона стучат,
Природа цветёт за решеткой.
В вагоне конвой восемь славных ребят
Втихую балуются водкой.

По камерам зэки консервы жуют,
Им ехать осталось недолго,
А славным ребятам вновь париться тут –
Обратная ждет их дорога.

Начкара бойцов разведет по постам,
Кого-то отправит на полку.
И глаз не сомкнет в эту ноченьку сам –
В нулевках тамбовские волки.

На стыках колеса вагона стучат,
Близка воркутинская стужа.
В вагоне конвой – восемь славных ребят…
Такая военная служба.

А там за решеткой красавица Русь.
Колеса стучат с косогора.
Проносится жизнь, навевается грусть –
Срок тянут свой без приговора.

А родина-мать забывает кормить,
И денег всегда не хватает,
Ведь им за решеткой лет двадцать служить,
А этого не понимают.

А в Чове маманя ждет сына домой,
Тельняшку в дорогу стирает.
Когда же закончится этот конвой,
Секрет, и никто не узнает.

В вагоне конвой – восемь славных ребят –
Частичка живая народа.
На стыках колеса вагона стучат,
Цветет за решеткой природа.

ДОРОГА К ХРАМУ

Лай собак, забор, прожектора…
Рвет оркестрик душу Мендельсоном.
Встал «хозяин» зоны в шесть утра,
Поднадел под галифе кальсоны.

Перед строем черным на снегу
Он огромный в бежевой бекеше
Пышит жаром… Он для них гуру,
Греет матом, словно холку чешет.

Но недаром русских не понять
Всем тузам из фирменных разведок,
Сколько эту душу не ломать,
Ты над ней не совершишь победы.

За колючей проволокой Храм…
Зэки, похлебав своей баланды,
Подсобрав по «промке» всякий хлам,
И забыв о всех законах банды,

Возвели на собственных страстях
Стены, купола, резные окна…
В Храме том иконы на сносях
От печали и от красок блеклых.

Заходя в святилище Христа,
Крест кладет на душу сам «хозяин»,
Здесь и он – святая простота –
Человек, и никакой ни барин.

Потушил рассвет прожектора –
Пусть над этим Храмом в сером небе
Православный крест парит с утра.
Я б так жил… А ты там разве не был?

* * *

Как-то старый фуфель колотил понты,
Мол, за пару туфель замели менты.

Ласты заломили в серебро браслет…
В общем, погубили жизни его цвет.

Он по масти вышел, как валет в очко.
Шконка – его крыша, чифирь – молочко…

Тело все в картинах, кулаки в перстах,
Бабы да малины, ходки на крестах.

Не мутил бы воду, старый, все – понты.
Скоро от чахотки мерзлым станешь ты.

Биксы позабудут погоняла лоск,
На фуфайку капнет с талой свечки воск…

* * *

Стучали колеса телячьих вагонов,
По телу России неслись поезда,
В одном из которых страдала корова,
Ее в Коми край привезут навсегда.

А там по-над Доном пустели станицы,
Сгоняли зажитков с насиженных мест.
Мелькали в вагонах казацкие лица.
На Север они увозили свой крест.

Страдала корова по имени Машка.
Никак не понять ей за что, почему
Ей выпала доля – рогатой дурашке,
На Север в вагоне катиться в тюрьму.

Мой прадед казак хитромудрый за Машку,
Чтоб вместе с людьми в тот телячий вагон,
Отдал коменданту дамасскую шашку
И старый с огромной трубой граммофон.

Корова страдала от голода горько,
От каждой в судьбе непонятной версты.
Мой дед так и выжил, он был ей теленком…
А вдоль полосы колосились кресты.

Рябая буренка спасла человека,
Давая за сутки стакан молока.
Шел третий десяток двадцатому веку…
А я в двадцать первом живу вот пока!

* * *

По треклятой статье полста восемь
Уходили станичники в осень.

Уходили, чтоб не возвратиться,
В приполярных снегах раствориться…

Кто в тайге, а кто в угольной шахте,
Мол, страну от разрухи избавьте.

Пусть живется ей великодушно,
Разухабисто и равнодушно.

Но в сердцах о казачьих станицах
Затаилось все то, что им снится…

Злая память песком оседала
В почках, сердце, перронах, вокзалах.

И не вытравить профиль наколок
Даже в будущем, лет через сорок.

* * *

Рожает собака на сене
Прилизанных смертью щенят.
Блатные щебечут на фене –
Черт знает, о чем говорят.
На вышке у «чурки»-солдата
В расплавленных жилах течет
Холодная кровь Герострата –
В руках у него пулемет.
Утопят щенков за забором.
Блатные собаку съедят.
В бараках уснут разговоры.
Задремлет на вышке солдат.
Луна над рекой и над лесом
Китайской личиной своей
Пустырь озарит с интересом…
Вот так и живем, ей же ей!

* * *

Литературные метели
Раскрепощённых наших дней
Ещё не всё сказали-спели
О малой родине моей.

В тридцатых был наброшен первый
На Коми край тугой аркан.
Колючей проволокой нервы
Покрыли хвойный его стан.

На перекрёстке-пересылке
Народных судеб и судеб
Рос в политической глубинке,
Ел привозной невкусный хлеб.

Мой заключённый Княж-Погост –
В народный рот суконный кляп,
России высланной, погост,
В колхозный коммунизм этап…

Фуфайка, кепка и кирза,
Глаз потерпевших бирюза…
Заборов, вышек – тяжкий крест –
И ныне, как грибов, окрест.

* * *

Глазом прожектор скользнул по «колючке»,
Лай расколол тишину.
Хочется, хочется, хочется случки
Сытому вдрызг кобелю.

Нары скрипучие, нары плакучие –
Мягок ребристый горбыль.
Спят на них, корчатся зэки вонючие –
Нашей истории пыль.

Видимо, снится им родина светлая,
Взгляд соколиный Вождя…
Где же шатаешься ты неприметная,
Сучка для мобкобеля?

Пёс изошёлся весь лаем и хрипами,
Людям мешает он спать.
Завтра займутся делами Великого…
Чёрт вашу за ногу мать!

Сосенки-ёлочки, кубики-полочки,
Брёвна терзает топор.
Стук этот всё ещё, словно иголочка,
В сердце сидит до сих пор.

Выйдет амнистия, выйдет родимая.
Скинутся все по рублю,
Купят овчарочку некобелимую
Сытому вдрызг кобелю.

Пусть насладится он ею, натешится…
С древа истории в крик
Память, как веточки, временем счешется…
Символ – усатый старик.

Ну а пока светотень по «колючке»,
Вой теребит тишину –
Хочется, хочется, хочется сучку
Сытому вдрызг кобелю.

* * *

Стране лес нужен, уголёк…
Вымь, матушка-река
Не широка, не глубока,
Но планам поперёк.
Решили, срочно нужен мост!
Из Воркуты в страну
Тот уголёк через войну
Потянет паровоз.
Взметнулся над рекою стяг.
Железный этот мост
Костями зэков и трудяг
Построил Княж-Погост.
С тех пор прошло не мало лет,
Сменился круг вещей –
В музеи спрятан пистолет,
Стрелявший в глаз людей.
Купаясь в детстве, видя мост –
Вагоны стук-постук –
Не знал, что бабушкин погост
Под сваями, вот тут…
Не паровоз, а тепловоз
Таскает уголёк…
Вымь, матушка-река,
И широка, и глубока –
Судьбы моей приток.

* * *

Там, где лес давно уже не рубят,
Где зимой мороз всему король,
Где еще живут в бараках люди –
Там и есть поселок Вожаель.

Он когда-то был «цветущим раем»
Из мужской и женской страшных зон.
Здесь полковник целый был хозяин,
Срок тянул писатель Лев Разгон.

Ездил я в заброшенные зоны.
Столько лет со сталинских времен
Утекло… Меняются законы –
Памяти лишь срок не отменен.

Вот она страны великой драма,
Где еще колючка на столбах.
Родилась тут в женской зоне мама
И взросла на зэковских хлебах.

Со столба подгнившего локалки
Той колючки ржавый злой кусок
Я отрезал, намотал на палку,
В сейфе спрятал и закрыл замок.

ТАМ, ГДЕ РЫБА ПЛЕЩЕТСЯ В ОЗЁРАХ…

* * *

Там, где рыба плещется в озёрах,
В реках утки выведут утят,
Там, на нашей родины просторах,
Нас природой вряд ли удивят.

Ведь она красивая, живая,
Просто так живёт у нас в душе.
Это всё – республика родная,
Пусть в стихах и пусть в карандаше.

Восхищаться мы не перестанем
Нашим краем серебристых вод,
И благодарит его заранее
Солнца восхищённого восход.

* * *

Лыжня, как скальпель, режет поле.
В силке глухарь увяз и плачет.
А я сбежал в тайгу на волю -
На путик предков… не на дачу.

В избушке плавятся в буржуйке
Седые пряди на полешках.
Дымок над крышей вьется струйкой,
Как над берлогой, где спит леший.

Ружье забытое ютится
В углу у полок с провиантом…
Ночь, тишина, и мне не спится –
Вяжу шальную строчку бантом.

Когда еще на воле буду
От фешенебельного плена?
За сорок верст сбежал оттуда,
Там ждет меня моя Елена.

Морозы растворились снегом.
Узоры на стекле поблёкли.
Буран-пройдоха – старый егерь -
В тайге макушки треплет ёлкам…

* * *

Дерева клонили головы на восток,
На восход стремились и облака.
С полноводной ленью течет река,
Сделав ветра свежего на глоток.

Берега ее бело тело мнут
Липкой похотью камышей.
Ну а чайки пессимистично лгут
И не ловят совсем мышей.

* * *

А возьмите хотя бы судьбу мотылька,
Что решил не лететь против ветра в огонь.
Вышел древний сохатый,
Шагнул с большака,
Наступил на бутылку пивка «Оболонь»…
Мотылек,
Попивая напиток… прилип
Всеми лапками к солоду пива того.
Под копытом сохатого тихо погиб…
От судьбы не уйдешь!
Ну а так ничего…

* * *

Листом прибило к берегу…
К тому ли, не к тому?
Волну несло по Тереку,
Мешала спать ему.

С волной бороться мало сил,
На берег не вползти…
По лужам ветерок носил –
Другого нет пути…

КЛЮКВА

Клюква в корзине и клюква на воле.
Клюква в ладони и клюква во рту.
Чавкают бродни по жиже зелёной.
Любишь по праву и эту, и ту.

Каждую ягодку с солнечным ликом
Либо в корзину кладёшь, либо в рот.
Это тебе не черника с брусникой.
Тут нужен к каждой особый подход.

Ноги устали, устали и руки,
Можно владеть лишь трудягою ртом.
Кислая ягода – сладостность муки.
Вкус, отдохнув, ты оценишь потом.

ПРОСТАЯ ИСТИНА

На подоконнике души
Стоял горшок цветочный.
Но что должно в нём прорасти,
Увы, не знал я точно.

Помог, поднявшись, ураган.
Все распахнулись окна.
Горшок упал к моим ногам
И раскололся об пол.

Была земля в горшке пуста…
Понять настало время –
Чтоб появился пик ростка,
Брось поначалу – семя.

ФОТОГРАФИЯ

Ты держала солнце на ладони,
Рдел закат над морем голубым.
Волны, словно цирковые кони,
Припадали ниц к стопам твоим.

Ветер платьем обнажал фигуру,
Волосы кудрявые трепал,
Исполняя чью-то партитуру
На клавиатуре ближних скал.

Чайка побороть его не смела,
Будто детский из газеты змей,
А позёмка по песку шипела,
Словно патефон, что песню спел.

Наводил я око объектива
На тебя, на солнце, на ладонь…
Рыжее, в конце концов, светило
Кануло в заморскую юдоль.

* * *

Под утро морозило сильно…
А ночью насыпало звезд.
Молодкой луна сексапильной
Ласкала макушки берез.

А ночью полярных сияний
В апреле, скажи, хоровод…
А ночью – час воспоминаний
За сердце и душу берет.

Вокруг голоса и созвучья
То шорох, то скрип, то шаги.
А ночью, проверено, лучше
Рождаются горе-стихи.

И грезится старому водка
И раны на сердце болят...
А тут и луна, что молодка,
И смотрится вдаль, не назад…

* * *

Порыв в природе.
Сердце, ум, душа
Ворчат и просыпаться не спешат.
И дятлом ненасытным целый день
Долбит по нервам наглая капель.
Сосулек строй.
Вот ту б сейчас лизнуть…
И вдруг познать исчезнувшую суть.
И воплотиться в лепесток зари.
И покатиться краешком земли.
А все капель…
Разбужен, как медведь.
Нога ступает на асфальта твердь.
И мысль приходит,
Что везде капель:
И в стуке каблуков,
Что вышли в дверь,
В мурлыканье кота,
В автобусных гудках,
В шуршащих семечках
У бабок на лотках…
В тебя влюбиться мне уже не лень.
А все капель, дурацкая капель.

* * *

Танцуют скопом комары.
Смола тускнеет на поленьях.
Река, наполненная ленью,
Блистает бликами зари.

В пыли дерутся воробьи,
Покой окрест не нарушая.
Бренчливо вёдрами качая,
Соседки по воду прошли…

* * *

Был ветер в шелесте листвы.
Была река чуть-чуть за лугом.
И берег, будто из халвы,
Был весь испахан лунным плугом.

Брели стога ночного сена
В туман, пищали комары.
Луна огромная присела
Передохнуть на валуны.

Да ветер шелестел листвою,
Река за лугом чуть текла.
Кусты ивовые гурьбою
Остановились у костра.

Всё было, ночь своё брала.
И кони травяным салатом
Уже насытились сполна.
Ты тоже в эту ночь была там…

* * *

За курьёю закат,
На курье тарахтенье моторки.
Рыбаки, нацепив на колючий
Крючок червяка,
Размечтались о красной,
Поди, да о чёрной икорке,
А уда из воды
Поднимает всего лишь ерша.

Оскудела курья,
Обеднели крикливые чайки.
Далеко уж не тот отпускной
Рыболовный кураж.

Не слыхать ввечеру во дворах
На селе балалайки,
Без неё и гармони не тот
На деревне пейзаж.

Говорили когда-то,
Сорога не рыба, ребята.
А теперь, не беда,
И подлещику рада душа.
Окуней, говорили,
Ловили когда-то с лопату,
А сейчас и сорога на жарку,
Как сиг, хороша.

* * *

В росу окунаю свои сапоги,
Стучат по штормовке иголки,
А день всею ношей своей впереди.
Густые красавицы ёлки.

Вода ключевая в глубоком ручье,
И мох, как рябая перина.
С великой надеждой сжимаю в руке
Большую пустую корзину.

В лесу голоса, кто кого потерял,
Кто просто взошёл на пригорок,
На тот, за которым украдкой стоял
Родившийся ночью маслёнок.

* * *

Первый снег улегся, словно пьяный,
Замело его деревьям в долы,
И бредут прохожие устало,
Плотно запахнув в пальто подолы.

Первый снег – утерянное чувство,
Поцелуя, ласки, приворота…
От чего на сердце грустно, грустно,
В депрессняк шагаю, как в болото.

Он лежит на девичьих ресницах,
Мне бы так прилечь, иль заблудиться…
Им размыты голоса и лица,
А в мозгу причуда – застрелиться?

Первый снег улегся, будто пьяный,
Отдохнуть и словно дым растаять,
Улица под ним лежит шалавой,
И над «и» все точки не расставить…

* * *

Потемки странные души,
Покой презрев, ползут наружу,
И заточив карандаши,
Строкой выстуживают душу.

Но друга верная рука
Подаст ружье, и на охоту
Мы вырвемся из городка,
Который мне забыть охота.

Возьмем с собою сыновей.
Нам в хвастовство их юность, удаль.
И настреляем глухарей
На сервированное блюдо.

И зарубцуется душа.
Сомкнется жерло подсознанья.
Мы водки выпьем не спеша,
Да и забудем о страданьях.

* * *

Кисеёю дождь повис за окном.
Он мурашками бежит по стеклу.
Небо выцветшим квадратным пятном
Серой тени возлежит на полу.

Зонтик медленно берешь со стола.
Открываешь дверь входную ключом.
Вот и все… Ты, в самом деле, ушла.
А с зонтом тебе и дождь нипочем…

* * *

Лодочка качелей в голом, светлом парке
Медленно качала тишину и ветер.
В сточных волнах лужи
лист кружил байдаркой,
Сбросившей поклажу и гребца в берете.
Юная мамаша пред собой толкала
Крейсер для двойняшек в бежевый горох.
И большое солнце среднего накала
Грело небо, словно люстра потолок…

* * *

Изгиб реки, укутавшейся в снег.
Вдали сосновый бор в опушке снега.
Смотрю, и теплит душу мою нега.
И затихает мыслей скорый бег.

Теперь я понимаю почему
Перо в деревне тянется к бумаге.
Везут на дровнях сено по селу,
За ним пурга таит себя в овраге.

Над избами дымок струится в небо.
Там перекрестья самолетных струй.
Смотрю, и тешит мою душу нега,
И шепчется любимой: «Не горюй…»

Лохматый пес на бронзовой цепи
Хранит покой хозяйского удела.
Во мне еще так много всего спит,
И сделал я лишь половину дела.

Вдруг мир взорвался звуком в тишине,
Куда-то трактор потащил телегу,
Смотрю, и тешит мою душу нега,
И в очередь толпятся строфы мне…

* * *

Капля весенней капели…
В горечь набухшие почки…
Птичьих пиров канители…
Стихотворения строчки…

Пущенный детской рукою
Парусник по ручейку…
Проткнутая запятою
Мысль: «Может, выпить чайку…»

Окна в бревенчатой хате,
В красный горох занавесь…
Радио вновь о зарплате
Тянет тягучую песнь…

Стройные ножки в две пары
Цок-пере-цок мимо луж…
Три перебора гитарных…
Молча жиреющий муж…

Миска кошачьего смаку…
Дверь отворённая в ночь…
Мирно за стенкой во мраке
Спит непохожая дочь…

Шепчет природа о тайном…
Кто-то порожек скребёт…
Выйди же, милая Таня,
Я это, мартовский кот…

* * *

Заснежило, запуржило за окном.
Засосулилась под крышей волчья пасть.
По сугробам письмена валят валом.
Философию весны сжигает страсть.

Куролесица сердец, идей и глаз.
Хлопотушки вверх овчиной на мороз.
Самогонку разливают прозапас…
Если память не замучает склероз,

То запомню эту вспыхнувшую ночь,
В подсознанье уложу на пуховик.
Я всегда примчусь на твой призывный крик.
Я всегда смогу хоть чем-нибудь помочь.

* * *

Деревья укутались в иней.
В сугробах, как в валенках, ноги.
Не видел я леса красивей,
Чем ачимский лес у дороги.
Скучаю по родине…
Ачим –
Родимая мамы сторонка.
Рождаемся, горестно плачем,
Но слёзы на пользу ребёнку.
Был первый маслёнок
                мной найден
В лесу том на ачимском тракте.
Как вкусно мы ели оладьи
На отдыхе…
Помню, вёз трактор
Домой из осеннего леса…
А нынче зима.
Я приехал.
И родины воздух чудесен,
И память для сердца утеха.

* * *

Ещё вчера бурлила речка,
Катясь стремительно в низину,
Вчера ещё затеплил свечку
И уголь положил в корзину.

Сегодня же все льдом подёрнул
Мороз играющие струи,
И иней засверкал по дёрну,
Украсив струпья нищей руи.

Стою босой я на пороге,
Смотрю на речку, луг и небо,
Сегодня дальняя дорога
Мне предстоит туда, где не был.

Стал мир хрустальным, жалко выйти
На эти травы, звонок ветер.
Зима и лето нынче квиты,
Осенний вечер будет светел.

Свеча потухла, мой котёнок
В корзине с углем извалялся.
А утром солнышко спросонок,
И вновь капель. А я-то клялся.

Что, мол, зима в права вступила.
Ледок на речке хрустнул гулко.
Зима ещё земле не сшила
Кожух снегов для переулков.

Да я и сам, ленясь простуды,
Так и не сделал шаг на волю.
Не уходя из неоткуда,
В нигде свою скрывая долю.

ОТПУСТИ МОЮ ДУШУ...

* * *

Когда поют девчонки про любовь,
Когда заходит солнце за пригорок,
Когда ещё далёк-далёк Покров,
А урожай ни сладок и не горек, -
Распахнуты заставенки души,
Растворены речным потокам шлюзы,
Заточены под нож карандаши,
Шипит иголка на пластинке блюза…
Так чай с морошкой золотисто чист,
Как будто промысел младенца.
Дорога словно шелковистый плис
Утоптана и пятками и сердцем.
Тихонько вянет розовый букет,
И бабушка сказит под свою прялку…
А сын растёт и меньше ест конфет,
Любимая устала от подарков.
Когда ещё далёк-далёк Покров,
А урожай ни сладок и не горек, -
Тогда поют девчонки про любовь,
И солнышко заходит за пригорок…

* * *

Когда враги теснят ряды, в них легче попадать.
Когда заря ещё под горн не пляшет,
В окопах тёплой каши с бойцами похлебать…
Ведь всё равно победы будут нашими!

Мы все однополчане не выживших полков,
Однополчане за чертой заката.
За той чертой всё больше наших мужиков…
Мы скоро тоже будем там, ребята.

На облаках пушистых присядем у костра,
Потравим байки о былых дозорах…
Как долго помиралося, как жизнь была быстра,
Ну и чуть-чуть о бабах в разговорах.

Одну цигарку пыхнем на колхоз,
Патроны посчитаем в магазинах…
Любимая, не надо стылых слёз,
В полку живые есть ещё мужчины.

* * *

Не хочу долежать до времён, где кресты на дрова,
Где опять подорвут православные храмы Отчизны.
Пусть взовьётся над Вымью-рекою по ветру зола,
Что останется вам от моей состоявшейся жизни.

Пусть летит над водой, над сиренью,
над стылым посёлком,
Растворяясь в молекулах родины малой моей.
Не хотелось бы мне, чтобы рыскали горные волки
И в зинданах держали бы внуков моих сыновей.

И пока я живу, мои руки удержат «Макара».
И пока я дышу, пусть страшится меня вороньё.
Пусть обломится подлое жало любого кинжала
О гранёное войнами глупое сердце моё…

* * *

От повседневности январской этой ночи,
От тех восторгов пущенных петард,
От всхлипов вьюги странной, неурочной,
От мыслей, вечно тянущих назад,
Не потеряй рассудка в одночасье.
Ту нить, что держит тело на плаву
Среди гонимых по ветру несчастий,
Подснежников завяленных в снегу.
Живу как будто в стылом зазеркалье,
Унылая тропа ведёт межой
В потоке вьюжных сумерек авральных…
Я не хочу увидеться с тобой!
В дневник страничке доверяю бредни,
Чтобы завязли в горле бытия.
А вы меня гнетущие соседи,
Наверно, живы до сих пор не зря!
Повсюду песен роковая спетость,
Как будто в бане хлещется в лицо.
И я, как будто не совсем одетый,
Гоним к Голгофе стаей подлецов…

* * *

Отвлекись, дорогая, от мыслей,
Посмотри на дожди сквозь окно.
В них ни пакости и не корысти,
Им, на нашу беду, всё равно.

Золотятся листвою дорожки.
Почернели душой тополя…
Ты надела чужие серёжки,
Ведь тебе подарил их не я!

За окном самой грустной погоде
Вскоре точно наступит конец,
Постоянства не терпит природа,
Как не знает покоя юнец…

* * *

Отпусти мою душу и мой разум на волю.
От любви до болезни, наверное, шаг.
Я, как загнанный конь, по стернистому полю
Соберу кобылицами полный аншлаг.
На ветру обсушу я пегасовы крылья,
Замахнусь на полёт стихотворной строки.
Твои волосы всё ещё пахнут полынью,
И горчит моей памятью влажность руки…

ПИРОЖКИ

1.
для русской бабы счастье в бутике
за полцены купила у китайцев
какая жизнь такие и проблемы
затылок почесал и вышел вон
2.
на площади полсотни голубей
клевали просо и другие злаки
проклятым янки не сломить рассею
коль мини-элеватор голубь мира
3.
над унитазом думищу размыслил
вокруг него рисуя иероглиф
как ловко бабы писают в него
и прямо в цель заразы попадают
4.
чем думал-то ядрёный хулиган
стуча ботинком по америкосам
учёным нынче голову ломать
как борщевик переработать в водку
5.
в европушке анклавят шариат
согрели на груди гадючьи яйца
а от москвы до самых до окраин
и мы едим шашлык да из свининки

6.
таксисту зайцу свыше был завет
чтоб мех всегда был цвета межсезонья
а я как был автобусным пижоном
так и не мою пятки круглый год
7.
над белым домом тёмненький обама
развесил грозовые свои ушки
ну а у нас на родине ракеты
из космоса плюют в останки шатлов
8.
поймали водолазы диверсанта
подмышки мылил с вдв в фонтане
на заднице татуировка джоли
с губищами анального прохода

ПАРОДИИ

БАБНИК

«Я врачиху мечтал полюбить –
Не из прихоти и не от скуки…»
Юрий Ионов

Я доярку мечтал полюбить –
Не из похоти и не от скуки,
Чтобы бабником ярым прослыть
В нашей провинциальной округе.

Да не вышло… К училке пошел
С намереньем серьезным и веским –
Полюбить бы, мечтал… Но облом –
Та училка не стала невестой.

О бухгалтерше как-то мечтал,
Подарил ей однажды бюстгальтер.
И теперь вот под глазом фингал –
У бухгалтерш паршивый характер.

Я к врачихе подъехать решил,
Ухватился за юбку руками,
Но пощечину вмиг отхватил.
Мое сердце разбилось о камень.

Не везет мне на баб, как тут быть?
Я – поэт и рифмую от скуки…
Я решил на вас, бабы, забить,
Чтоб вы взяли меня на поруки!

БЕССМЫСЛИЦА

«И – тишина. Лишь в норах где-то
Грызут свои запасы мыши.
Жизнь остановлена до лета.
И смысла я в зиме не вижу».
Владимир Цивунин

Не вижу смысла в дне осеннем,
Весна прельстить меня не сможет.
А мыши с дьявольским усердьем
Свои запасы в норах гложут.

Уеду в Африку, там лето –
Одно сплошное время года.
Люблю его, ведь мне – поэту,
Плевать на выдумки природы.

Мой слог рифмованный, что дышло.
Пусть давятся запасом мыши.
Пишу стихи, смотрю, что вышло…
Но смысла я в зиме не вижу!

ТУАЛЕТНЫЕ СТИХИ

«Заброшены пашни, пусты деревеньки…
Зато мы живем в городах и ходим
По малой нужде за большие деньги!»
Олег Чупров

Поеду за рифмой домой в деревеньку,
Ох, город проклятый, достал!
Сквозь пальцы в клозет утекли мои деньги,
А я их горбом наживал…

Бывало, присядешь за стогом у речки
По крупной нужде ввечеру,
И пишешь стихи про любовь да про деньги,
Ей богу, бесплатно, не вру!

А можно на пашню пойти, покуримши,
Там малую справить нужду.
И тоже бесплатно. Не веришь? Поди ж ты…
Ей богу, товарищ, не вру!

Живешь в своем городе, счастья не знаешь,
Все платишь за свой экскремент.
Чего ж в деревеньку к нам не приезжаешь,
Столично-сермяжный поэт?

НА ЛУГУ

«По травам, но витая в облаках,
Шла женщина с ромашками в руках!
Корова промычала вслед неясно:
«Как все же человеком быть прекрасно!..»
Олег Чупров

По травам, но витая в облаках,
Коза брела с пионами в зубах.
Вослед ей женщина подумала неясно:
«О, как козою, видно, быть ужасно…»

По травам, но витая в облаках,
Овечка шла с гвоздиками в зубах.
Вослед ей женщина подумала неясно:
«О, как овцою быть, наверное, ужасно…»

По тем же травам, будто в облаках,
Корова шла с букетом роз в зубах.
И та же женщина подумала неясно:
«О, как коровой, Боже, быть прекрасно!»

Поэт же, эту сценку наблюдая
Сквозь щели одряхлевшего сарая
И пожиная рифмы урожай,
Себя, поди, бычком воображал…

САПОГИ

«Я горел и стонал,
Когда тело и дух
На костер возлагал
Меж колен твоих двух».
Константин Молодкин

Комариный был зуд
И бутылка вина –
Этой ночью мы были
Вдвоем у костра…

Постепенно хмелел
От вина и любви,
Я чего-то хотел,
Что-то зрело в крови.

А когда уж совсем
Поплыла голова,
Стал колени считать.
Их, наверное… два.

Но троилось в глазах,
Насчитав целых шесть,
Я уснул у костра,
Не сумев с тебя слезть.

Я горел и стонал
Меж поленьев в костре,
Ведь мои сапоги
Были дороги мне…

Этот запах резины,
Сгоревшей в огне,
Никогда, никогда
Не забудется мне.

ХРУМ-ХРУМ

«В кочне капусты –
Древо мирозданья…»
Андрей Расторгуев

«В моркве моркови –
Древо мирозданья…» –
То ведал заяц,
Хрумкая морковь.

О крови волк мечтал.
Он затаил дыханье…
И пролилась на грядку
Зайца кровь!

Остались кости…
«Древо – позвоночник…» –
Поведал, уркнув пузом,
Сытый волк.

…Поэт капустки
Схрумкал этой ночью,
Не в кочане –
В кочне он ведал толк!

ГРУЗДИ

«…Крепкие, увесистые грузди!
Могут грибника свести с ума».
Александр Некрасов
(перевод с коми А. Алшутова)

В лес я не хожу ни в зной, ни в стужу,
На зиму грибов я не солю.
Обхожу и горы я, и лужи,
И детишкам делать так велю.

Грибников завижу, оббегаю,
Жмурюсь, если рядом прохожу.
Живы как они еще? Не знаю.
Я своею жизнью дорожу!

Я смотрю на их геройства с грустью.
И во сне в тайгу не забреду.
Вдруг дадут увесистым мне груздем
По макушке… и с ума сойду…

ПРО ШЕИ

«Учить детей совсем я не умею,
Лишь злюсь, когда они ломают шею…
О, дай мне душу женскую, Мария,
Чтобы я смог, как глупая мамаша,
Одну лишь жалость детям подарить,
Когда их жизнь за что-нибудь накажет…»
Владимир Цивунин

О, дай мне душу женскую, Сантана,
Я весь как ты, о, глупая мамаша.
Попутал черт Марию с Марианной,
Сгорела на плите в кастрюле каша.

О, если, дети, хрустнут ваши шеи,
Когда вас жизнь за что-нибудь накажет,
Мужик я – пожалеть вас не сумею,
По головам, поникшим, не поглажу.

Запутавшись в сюжетах мыльных опер,
Я душу свою женскую взлелею
И, как Маресьев, кину себя в штопор
И тоже, как и вы, сломаю шею…

Но я поэт, и, сей конец предвидя
Оставлю эти строки для потомков,
Они меня, я знаю, не обидят,
А извлекут их к солнцу из обломков!

СОННОЕ ЦАРСТВО

«Снег над Печорой,
как дым над Печорой,
клубится.
Снег над Печорой,
как вызов Печоре, как смех.
Всплыл самолет.
И уставшему летчику снится,
Будто бы он разбросал над
Печорою снег»
Ефим Бершин

Снег над вокзалом,
Как дым над Печорой клубится,
Снег над вокзалом,
Как вызов Печоре, как смех.
Прет тепловоз, машинисту усталому снится,
Будто бы он разбросал над Печорою снег…
Над таксопарком

Тот снег белым дымом клубится.
Снег над Печорой,
как будто над дворником смех.
Катит такси, в нем таксисту усталому снится,
Будто бы он разбросал над Печорою снег…

Снег и над пристанью,
Как ошалелый, клубится.
Снег над Печорою словно бы клоунский смех.
Катер плывет, капитану усталому снится,
Будто бы он разбросал над Печорою снег…

Снег над квартирой,
Где сел над стихами трудиться
Очень усталый поэт…
Да какой уж тут смех?!
Пишет, и в этот момент ему, видимо, снится,
Будто бы он над Печорой разбрасывал снег…

ДИНОЗАВРИК

«Мурашки бегали по коже,
Кружился ангел в небесах,
И динозаврик сонный ожил,
Запутываясь в волосах…»
Евгений Козлов

В пустыне солнечной негоже,
Спросонья мыкаться в песках.
Там верблюжонок сонный ожил…
Запутываясь в волосах!
В тайге дремучей жутко все же,
Там сосны, будто паруса.
Весною сонный мишка ожил…
Запутываясь в волосах!
Тюлень-засоня, видно, тоже,
Увидев грусть в моих глазах,
Неотвратимо как-то ожил…
Запутываясь в волосах!
На свою заспанную рожу
Смотрю, стою в одних трусах.
Мой динозаврик сонный ожил!
Об этом напишу в стихах…
Мурашки бегали по коже…
«Плейбой» кружился в небесах…
И динозаврик мой до дрожи
Запутывался в волосах!

ВОЛОСЯНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

А снега столько выпало,
Что не печаль – тоска!
Ах, сколько же насыпало
На плечи мне снежка?
Александр СУВОРОВ

Ах, перхоть доставучая
Всё сыплется – беда!
Сугробами могучими
На плечи мне всегда.

И всяких «хэдэншолдерсов»
Изведал силу я,
Намыливалась с бодростью
Головушка моя.

Но перхоть приставучая
Всё сыпалась – тоска!
Снежинками, и кучами,
И тоннами снежка.

Насыпалась на книжицу,
Просыпалась в стихи.
Обида ль в этом видится,
На тайные грехи…

Но прожил жизнь полезную,
Стихи писать посмел.
И перхоть, как отрезало –
С годами облысел!

ЛОШАДИНАЯ ДОЗА

Словно конь прядёт ушами – осень
Холод пьёт.
Это нас с тобой, как листья, носит,
О земь бьёт.
(Осенние мотивы)
Валерий ТУРКИН

Осень – старая кобыла
Водку пьёт…
И ушами та кобыла
Так прядёт,

И меня поэта носит,
Словно лист…
Ведь о земь с размаху бросит
Пародист!

Я ж поэт, весна и осень –
Психоцикл…
Словоблудить руки просят –
Это жизнь.

Осень – пусть она и баба –
Это ж конь.
У неё и хрен неслабый
Лёг в ладонь.

Мы поэты-онанисты
Холод пьём
И словами, словно листьями,
О земь бьём!

КОНТРОФАКТНОЕ ЛИХО

Хлебнув неведомого лиха,
По миру дольнему брести…
Сергей ЖУРАВЛЁВ

Хлебнув лихого «контрофакта»,
По миру дольнему брести,
Убив потенцию, по факту,
Покой вселенский обрести.

И сразу стал я толстокожий,
Друзей наветы обретя,
С раздутою и жёлтой рожей,
Как будто бич или дитя.

В бутылки льют не спирт – резину
В подвалах, Господи, прости.
А мужики-то керосинят,
И я давно на том пути!

Мою страдающую печень
И желчный, в общем-то, пузырь,
«Нарзан» шипучий не излечит,
Поможет только… нашатырь.

Вот так глотнешь, какого лиха -
Нетленный выродится стих -
Да и начнёшь безвольно, тихо
По миру дольнему брести…

ЖИРНАЯ ЛУНА

Ночь июльская. Истома.
Раздобревшая луна
Рыжей кошкою бездомной
Развалилась у окна.
(Преддверие)
Валерий ТУРКИН

Кошкой жирною бездомной
Развалилась у окна
В ночь июльскую истомой
Раздобревшая луна.

Жир стекал по подбородку
С лиры капал на паркет…
Рифмы, разбавляя водкой,
Вдруг почувствовал поэт:

От бездомности жиреет,
Пухнет словно от котлет,
Он стихи писать «умеет»,
У него ведь счастья – нет!

В полнолунье, как лукошко,
Мир палаты номер шесть…
Ты хоть раз бездомным кошкам
Выносил во двор поесть?

Не дождутся, сдохнут скоро…
Исхудавшая луна.
Ночь июльская. Истома.
Да решётки вдоль окна…

ГЕЙ-ОЛЕНИ

Ещё оленям крикну: - Гей!..
Где вездеходом ёрник рван,
Где тридцать лет взрослеет ягель,
Сначала – шрам, потом – проран.
(Вездеход в тундре)
Виктор ДЕМИДОВ

Ещё оленю крикну: - Гей!..
Бежит пусть от душевных ран.
И хоть старей, хоть молодей,
Стихи поэта, как проран.

Мой стих, увы, как ягель рван…
Проблемы с компасом, олень?
Ориентир ты потерял,
Когда откликнулся на «гей».

В оленьем стаде есть изъян,
И поголовье не растёт.
Давно ли мох копытом рван?
На самок разве взор падёт…

В порыве страсти – не за ней
Бежит расстроенный олень,
А за поэтом наших дней,
Что в морду крикнул ему: – Гей!..

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПЕРХОТЬ ЗАЧЕСАЛАСЬ В ГОЛОВЕ…

В электрической перхоти
Потолок и стена…
Как во сне, словно нехотя,
Танцевала Она.
(На дискотеке. Галине К.)
Валерий ТУРКИН

В электрической перхоти
Вся моя голова…
В электрической перхоти
Потолок и слова…

Лучше б был я электриком
Быть пиитом судьба…
Электрическим веником
Перхоть чищу со лба…

Пусть вальсирует пьяная,
Как во сне нехотя`
Всё ж электриком стану я,
Слажу строчки, пыхтя!

В электрической перхоти
Мир как будто дурдом.
Санитары там нехотя
Колют в вену укол…

Не дождёшься, Галинушка,
Ты меня мужика...
Я поэт – выше плинтуса,
Копи перхоть пока!

ИНТЕР-ЯЗЫК

Коми язык, в нём трепет лесов
Различим постоянно мной.
Всплывает он хором на сто голосов
Над Вычегды синей волной.
На нём для меня поют соловьи,
Не знавшие зимний снег…
Александр Некрасов

Однажды по коми запел соловей,
От роду не знавший снег…
Запел он среди Елисейских полей –
Надеялся на успех.

Не понял никто средь других голосов,
Что пел соловей о тайге,
О Вычегде синей… О, трепет лесов,
О, синие воды в реке.

Кто ведал, что птаха по коми поёт…
А, может быть, и на иврите
Среди Елисейских полей полиглот
Щебечет об острове Крите?

Природой дан песенный дар соловью.
Я слышу в его тенорке,
Поёт обо всём, но фью-фью да фью-фью.
Поёт на… своём языке.

БАСНИ

ИШАК И ЛОСЬ

Однажды новый русский Лось
Ходил общаться в церковь с Богом,
Просил деньжат, чтоб не пришлось
Окончить жизнь свою убого.
На паперти сидел Ишак,
Тянул за подаянием копыто –
Лентяй, пьянчуга и дурак,
Прищурив левый глаз подбитый.
Лось с кондачка, презрев позор,
Дал Ишаку полсотни баксов.
И между ними разговор
Вдруг сам собою завязался.
- Ведь ты же конь, и я же конь, -
Сказал Ишак, считая деньги.
Пожал плечами Лось:
- Позволь, я-то богат, а ты-то бедный…
Рога даны… - боднулся Лось, -
Большие, острые такие,
Чтоб даровое мне лилось,
Что заработали другие!
- Тебе ж копыта, чтоб просить…
И Лось пошел себе к машине.
Ишак вскочил, ему спешить
За поллитровкой к магазину…
А Конь по полю плуг тащил,
Как будет, есть и было встарь,
Работал не жалея сил –
Вот в этом басни сей мораль!

СУСЛИК И КАРМАН

Вышел Суслик из тумана,
Вынул гвоздик из кармана…
Как-то Суслик из тумана
Вынул дачу из кармана…
И оттуда ж Суслик, блин,
Вынул целый магазин…
Нынче Суслик из тумана
Снова тянет из кармана
Толь бокситы из Тимана,
Нефть ли, газ ли из кармана,
Потрезвяне или спьяну
Уголь тянет из карману…

Вот мораль:
А в ней вопрос.
Сложен он.
А может прост?
Что же это за туман,
Чей же рядом с ним карман,
И еще загадка в том,
Этот Суслик, это кто?

ВОРОНА И ЛИСИЦА
(басня на новый лад)

Ворона сидела на ветке,
И в клюве держала сырок.
Лиса пробегала:
- Соседка,
Услышать бы твой голосок.
Наверно, он сладок и тонок,
Как ропот речушки в лесу…
Ворона вскаркнула спросонок,
И сыр полетел на Лису,
Шарахнул ее по макушке.
…Плутовка концы отдала.
- Ну, это же надо, подружки, -
Сказала Ворона, - Дела-а…
Мораль:
Свежо предание,
Да качество сырка
Не сохранишь ты на века!

НОВАЯ ЛИСА

Не покладая лисьих лап
Лиса трудилась натощак.
И не за совесть, не за страх
У ресторанов в нумерах,
Свой получала гонорар –
На ней зверье спускало пар.
Будь-то Барсук, или Хомяк…
У всех с Лисой сплошной ништяк.
От лисьей, в общем, красоты
Жасмином прет за полверсты.
Презервативов подсобрав,
Отмыв, открыла на паях
Свой бизнес – много нынче прав,
Срубая деньги на “шарах”.

Надует “шариков” с полста,
И чистогану, как с куста.
Лисе теперь не до красы,
Стал честным бизнес у Лисы.

Мораль:
В России грязных денег нет,
У нас цвет грязи – лучший цвет…

ПТИЦА-СЕКРЕТАРЬ

На пороге у пещеры Льва
Появилась скромная Сова.
И недавно просто божья тварь,
Стала птаха Птицей-Секретарь.
С тех-то пор просителей волна
Схлынула
От врат пещеры Льва.

Мораль:
На ровном месте так-то
Вскочит прыщ,
И Слон переступить его не тщись.

ОСЕЛ И БЫК

Копытом щупая дорогу,
По мостовой российской брел,
Переставляя еле ноги,
Упрямый, старенький Осел.
Он брел на Запад трескать бутерброды.
Вздымались шелудивые бока.
Он шел и видел виски, а не воду,
Но встретил пограничника Быка.
Не разойтись на узенькой дороге,
Кому-то здесь придется умереть…
Вот Бык уже своим могучим рогом
Нацелился Осла под зад поддеть.
Но вдруг Осел взревел, как истребитель,
Бык испугался и сбежал в овес.
Осел, в великой схватке победитель,
Облезлый хвост на Запад все же снес.

Мораль такая в басне сей сермяжной:
Коли Осел к кормушке устремлен,
То никакая бычья сила вражья
Его с дороги этой не свернет!

ДВА ВЕТРА

Старый ветер Дуй-Валяй
Учит молодого:
- Ты, - трубит, - запоминай,
Преподам такое!
Я могу с разбега лбом
Ель свалить могучую,
Прошуметь над кручею…
Ты учись у старика,
Как свалить в пути быка,
Как волну швырять на берег,
Как протискиваться в щели,
Крылья мельницы крутить
И под парусом ходить…

Слушал молодец могучий
Ветер,
Голову склонив…
Полетел он к тем качелям,
Где влюблённые сидели,
И теперь качает их…

Мораль:
Хоть силён он и красив,
Но ленив, ленив, ленив!

КОМАР В ПАЛАТКЕ

Товарищ спит, и дела нет ему,
Что я никак не отойду ко сну,
И что никак не справлюсь с Комаром,
Который лезет в душу напролом.
Он душу мою писком бередит
И укусить коварно норовит.
Потом сказал товарищ, что не спал,
А ждал, когда куснёт меня комар,
Чтоб повод был, проснувшись по утру,
Влепить за то по шее Комару.

Мораль:
Пропел Комар:
- А друг твой, брат, того…
И в нос ужалил друга моего.

ПЕРЕВОДЫ

С коми
Иван СИМАКОВ
(Сим-Вань)

ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ
(1935 год)

* * *

Митра Миша в Красноборе
По бутылкам счетовод.
Коль ушанка на заборе,
Значит, снова водку пьет.

Как напьется, ходит-бродит
По селу, что тот петух…
Упадет где в огороде –
Знать, набрался оплеух!

УСЫ

Председатель райсоюза,
Что в Усть-Цильме –
Борода, усы, фамилия Васильев –
Человек оригинальный и простой,
Замечателен он черточкой одной:
Если у него дела на “ять”,
То усы, как у Буденного, торчать,
Если ж критикует кто огульно,
Вниз висят, как у Тараса Бульбы…
Вот такой живет у нас
В Усть-Цильме
Человек с фамилией Васильев.

КЕЛЬЧИЮРСКИЕ МАСТЕРА

1.
Сто печек в год кладет наш Микулай,
Хоть русскую, а хоть голландку с горкой,
У самого же дома, ай-ай-ай,
Печь на семи висит гнилых подпорках.

2.
Много жен за жизнь сменил
Сельский наш судья Трофим.
Его детки где-то бродят,
Он растит чужих отродий.

3.
Шуршит рубанком острым Константин.
Столы и стулья людям на века…
Но водится за ним грешок один –
Сам кушает пока что с верстака!

4.
Решета Терентий гнет
И Параськам продает.
Сам без… решета живет,
Не муку, овес жует.

5.
Сын Максима Василей
По телегам мастер.
Сделал их деревне всей…
Ездит на салазках.

6.
У Евлампия руки в золоте,
Деревенский он золотарь.
По селу во всех дырках сколото,
У него из дерьма – алтарь…

7.
Год “охотятся” в сельпо
Братья Криводевичьи,
Заготовили зато
Четыре лапки беличьи.

8.
Григорий вон точает сапоги,
Нет мягче и удобней тех сапог.
Себе же сшить ботинки не с руки,
Он тапок рваных не снимает с ног.

9.
Соседка моя девица-колхозница
Не то, что тот угрюмый Еремей,
Танцует и смеется, словно звонница,
А заработала лишь девять трудодней.

Альберт ВАНЕЕВ

ЖИВАЯ ВОДА

Дорога народу коми, словно мать,
Синева у речки Мозын Пармы милой.
Воздух тут родной, его вдыхать,
Словно разговаривать с любимой.

В речке этой вкусная вода,
Вместе с нею радость мне и горе.
Если и уедешь ты куда,
Удору в глазах своих не скроешь…

Годы, что спешат, не изменяют
Той великой к родине любви.
Душу, ум и сердце омывают
Родники из удорской земли.

Матерью зову я Парму коми,
Жизнь тут не угаснет никогда.
Даже, если ты смертельно болен,
Мозынская вылечит вода!

Владимир ТИМИН

* * *

Сыктывкар – моя красивая столица,
Небо голубое над тобой.
Вижу горожан родные лица –
Город мой, зову тебя судьбой.

Спать ложусь, желаю: «Доброй ночи!»,
Пусть, когда родится новый день,
Жизнь чуть-чуть становится короче,
А любовь к тебе ещё сильней.

Если отправляюсь я в дорогу,
Знаю, что меня назад ты ждёшь.
Возвращаюсь к милому порогу –
Города прекрасней не найдёшь!

МАМЕ

Когда ты в руки зеркальце брала,
И горько глядя в светлый его омут,
Смотрелась…
Не обманешь зеркала:
Тяжёлой жизнью облик твой подёрнут.
Тогда я ничего не говорил…
Тебе бы стало горше во сто крат.
Твой сын
Тебе б полжизни подарил!
Ведь я в твоих морщинах виноват.

СТЕФАНОВСКОЙ ПЛОЩАДИ

Коми земля – один большой лагерь,
Пристань для пришлых людей.
С тундры, как кожу, колёсами ягель…
Бойся в тайге ты людей, не зверей.

Край мой Лубянкой зовут, Магаданом,
Пугалом стал для страны.
Край мой наполнился злом и обманом.
Реки все стали больны.

Раньше мы, коми, замков-то не знали –
Не было вышек и зон…
Бедный народ мой за что наказали?
Все лагеря нужно – вон!

Выйду к Стефановской площади, встану
И закричу, что есть сил:
«Власть, обратись-ка ты в мыслях к Стефану,
Прежнюю жизнь нам верни!»

ПЕТРОВАН

У соседа моего –
Хата его с краю,
Нынче у него улов!
Нюхаю, вздыхаю.

Варит вкусную уху,
Запах носу сладок.
Заглянул в окно к нему,
Лучше б и не надо!

- Ждёшь гостей ты, Петрован? –
Я спросил соседа.
Он ворчит, снимая чан:
- Не дают обедать…

Если гости забредут,
В этом доме точно
В жирную уху нальют
Ковш воды проточной.

* * *

Если в жизни не испил ты горя
Чашу, отведённую, до дна,
Страха не пригубил коридоры –
Свыше тебе радость не дана.

Не изведал, что такое голод –
Сытости не будет никогда.
А не испытал колючий холод,
Не поймёшь и женского тепла.

* * *

Хвост колечком, умные глаза,
Да мордашка будто бы с улыбкой…
А вокруг тебя базар-вокзал –
Вой собачьей свадьбы злобный, липкий.

Рядом беспородные хмыри
В драных шкурах, с вислыми ушами,
Всей собачьей свадьбы короли,
Лапают тебя да и кусают…

Боровую дичь тебе б гонять,
Оглашая парму звонким лаем,
Глухаря бы на крыло поднять…
Где же твой, красавица, хозяин?

Кто же тебя бросил на асфальт?
В городскую грязь, родная лайка?
Мне такого дурня не понять,
А тебя, дурашка, просто жалко…

Михаил ЕЛЬКИН

МОЛИТВА

Пусть полюблю и пусть сгорю в любви,
Сопротивляться этому не буду,
От плача журавлей не сохрани,
Я с ними поздней осенью забудусь.

Когда мой друг окажется в беде,
Дай бог, быть рядом, не дождавшись зова.
И если родину покинуть выйдет мне –
В прощальной песне радости ни слова…

Душа, не зарься на добро друзей
И не поганься завистью спесивой.
Всё светлое живи, живи во мне,
А зло в себе убить дай, боже, силы…

* * *

Не долго дождик утренний гостил,
И никого в селе не потревожив,
По огородам и дворам ходил,
На озорного малыша похожий.

Улепетнул… И снова тишина.
Село, как будто девка после бани.
Небес голубоглазых вышина
Стоит на крышах мытыми ногами.

Как молоко парное горожан,
Пьянит исповедально чистый воздух…
Я нынче дома, отпуск – не обман,
И знать об этом – самый лучший отдых.

О ЛЕГЕНДАХ

Был смелым прадед мой –
Охотник ловкий,
Всегда с добычей
К людям выходил.
Живут легенды до сих пор в народе,
Как он тайгу хранил,
Берёг, любил.
За это я ему упал бы в ноги…

А нынче рубят лес,
Лишь шум стоит.
В тайге уже не тропки,
А дороги,
Пеньки, овраги…
И душа болит.
Где прадед мой охотился –
Пустыня.
Болота высохли,
И в реках рыбы нет…
Что я оставлю дочери и сыну,
О чём
Они узнают из легенд?

СЕГОДНЯ

«С того берега крутого
Заливается гармошка…»
Геннадий Юшков

Хоть всю светлую ночь
По деревне броди,
Летний воздух пьянит,
Словно брага,
Но девчоночьих
Песен земля не родит,
И гармошка молчит,
Бедолага.

Где же ночи вы светлые,
С песнею в пляс,
Неужели
Скупил вас старьевщик?
Выпит весь нашим временем
Дедовский квас…
Есть асфальт,
Да пылится гармошка.

Выйду вечером
В рощу знакомую мне,
Не спрошу,
Как бывало, кукушку:
«Сколько жить мне
Осталось на этой земле?»
Не подумайте,
Правды не трушу.

Вдруг ответит
Молчанием мне гробовым
Эта роща,
Любимая с детства –
И не значит,
Что завтра не быть мне живым –
В ней не бьётся…
Кукушечье сердце.

ДРУЖБА

В мае вдруг да за окном – ледяная крошка.
И окрасится земля снова с зимний цвет.
Вечер серый, как весной в погребе картошка,
И за плотным слоем туч прячется рассвет.

Но природу не смутить, ветер –
странник грешный,
С неба сдёрнет одеяло серых, вялых туч,
И откроется просвет взору безмятежный,
Яркосиний небосвод, солнца светлый луч…

Так и мы порой, когда ссоримся с тобою,
Сыплем щедро
ледяной крошкой бранных слов,
Но не гаснет дружбы свет,
скрытый мишурою,
Словно небо за туман наших двух голов.

Анжелика ЕЛФИМОВА

* * *

День весенний потянулся,
словно кот,
Редким солнцем
во всю пасть свою зевнул.
Ох, и трудно просыпаться
каждый год
После долгой зимней спячки,
караул…
А на лужах, словно кожа,
тонкий лед,
Вот-вот лопнет
от дыхания весны.
Скоро норку процарапает тот кот
В посеревшей,
рыхлой пазухе зимы.

* * *

Снова, снова в родном селе…
Но в чужие дворы бреду.
Под ногами скрипит снег.
Тянут душу следы в беду.

Мамин домик совсем осел,
Затерялся в седой зиме,
Без нее опустел, ослеп,
И, как будто, не рад мне.

Две охапки у крестной дров
Я займу, чтоб его согреть.
Чтобы дымом на мой кров
Небо павшее подпереть.

Окна, словно глаза в ночи,
Загорятся моим теплом.
Чайник, паром кипя, кричит.
От болезни очнулся дом.

С его сердца закапал лед…
Но тоске не уснуть и в ночь.
Дом вздыхает, скрипит, зовет –
Молча плакать на печь дочь…

* * *

Одна в зиме стоять останусь,
Иль в старости с тобой умру?
В глазах твоих стоит усталость…
Скажи, что от меня –
пойму.

Откуда ты пришел, не знаю.
Не ведаю – куда уйдешь.
Ты растранжирил жизней стаю,
Да и мою транжиришь…
Что ж…

В глазах твоих стоит усталость…
Пришлась ли к твоему двору?
Я в них, наверное, останусь…
А может сгину на ветру!

* * *

Слишком короткая жизнь.
Да и любовь коротка…
Ты мне в могиле приснись,
Словно глоток молока.

Может, раскаюсь в грехах?
Жизнь - непутевая вещь -
И с молотка, но в стихах,
Рви меня, я еще здесь…

* * *

Ты не верь моим глазам,
Да и мне не верь.
Завтра тесно станет нам.
И захлопну дверь.

Я сбегу в чужую даль,
Где блестят глаза.
Сердце ты не оголяй,
Верить мне нельзя.

Просто рядом полежи…
Боль отгоним прочь.
Пусть подольше, разреши,
Длится эта ночь…

* * *

В мае выйдет бабушка на тракт,
Даст глазам на воле отдохнуть.
Знает она шахту и барак,
И война ей не дает уснуть…

Только с каждым годом тяжелей
Выбираться ей на тот большак
И встречать с войны трех сыновей…
И старик-то помер, вот лешак…

Николай ТЮРНИН

ПАМЯТИ МАМЫ

Александре Иосифовне Тюрниной,
матери шестерых сыновей

Ты себя никак не берегла,
С зорькой ранней поутру вставала
За день переделать все дела,
Дорогая и родная мама.

Приучать стремилась нас к добру,
Никакой работы не боялась.
Коми-мать, вставая по утру,
Ты на ферму, в поле отправлялась…

Есть у коми женщин норов свой:
На работе быть строптиво-сильной,
А, придя усталою домой,
Кроткой стать для мужа, тихой, милой…

Жизни ты дала своим сынам.
На крыло мы поднялись, взрослея.
Указала тропку счастья нам,
Искру сердца, душу не жалея.

По пути, что проторен тобой,
Сыновьям шагать десятилетья.
И живет в нас все твое добро,
Чтобы злом в пути не заболеть нам.

Отдаю тебе земной поклон
За талант, что в душу мне вложила
Стих к тебе любовью напоен,
Той же сильной, что ты нас любила…

* * *

…Из чего твоя песня,
Рябина, рябина?
Из журавлиного клина,
Песня, рябина.
Виктор Кушманов

Ты в далёких краях
Колоски собираешь стихов…
Оглянусь, по плечу
Не похлопаешь сильной ладонью.
Журавли, что с тобой
Провожали порою в Покров,
Улетают опять
За туманы над Пармой и болью.

Прилетят они снова
На землю родную свою,
Там, где Вычегда
С Сысолой крепко

Сплелись в одну тропку.
Ты ушёл далеко,
И тебе я уж не подпою,
Не порежем под водочку
Мы на газете селёдку.

Здесь стихи твои помнят,
Поёт на них песни народ,
И рябина цветёт по весне,
Будто ты ещё рядом.
Ты любил на девчонок смотреть,
Когда те в хоровод,
Как берёзки по осени
Принаряжались в наряды…

Журавли, что с тобой
Провожали порою в Покров,
Улетают опять за туманы
Над Пармой и болью.
Ты в далёких краях
Колоски собираешь стихов…
Оглянусь, по плечу
Не похлопаешь сильной ладонью.

ЧЕРЁМУХЕ

За окном дождь плачет проливной,
Скоро отпечалит сердце осень.
Поделись черёмуха со мной
Грустью, я тебя жалею очень.

Не тужи, придёт она – весна…
Снова станешь чьей-нибудь невестой.
Белой кипени цветов, листва
Вновь подарит радостную песню.

Спрячь ты нестерпимую тоску,
И хотя зима холодной будет,
Не переродишься ты в доску,
Красоте порадуются люди…

Поделись, черёмуха, со мной
Грустью, я тебя жалею очень.
За окном дождь плачет проливной,
Скоро отпечалит сердце осень.

РЯБИНЕ

У села берёзовую рощу
Разорвал рябиновый огонь.
В кумаче, как девушка, не ропщет…
Дождь с небес ложится на ладонь.

Скоро она скинет одеянье,
Потускнеет, сгинет красота.
Но приду я снова на свиданье,
И начнём мы с чистого листа.

Боже, дай мне встретиться с ней снова,
Жизни дай большой и ей, и мне,
Пусть в стихах родится моё слово,
А рябине счастья по весне.

В кумаче, как девушка, не ропщет…
Дождь с небес ложится на ладонь.
У села берёзовую рощу
Разорвал рябиновый огонь.

С венгерского
Иштван БАЛОГ

* * *

Я могу быть
Счастливым
Только с тобой,
С той единственной,
Только той,
Для кого-то моей,
Для кого-то ничьей…
И несчастным –
Коль скажешь:
«Нет!»
Я могу быть счастливым…
Я могу быть несчастным…

* * *

Если бы я окружил тебя
Всеми словами, что знаю,
Словно шатром балагана,
Если бы даже стихами,
Строчками, вязью чугунной

Я бы тебя окружил,
Словно дендрарий забором,
Ты б все равно не менялась:
В центре осталась собою,
Вяло слова б мои пали –
В центре сияла бы ты.

ТАНЕЦ НА КАНАТЕ

Внизу течет река боязни,
Над головой моей секира.
С судьбою ссориться напрасно,
Держа в руках перо и лиру,
Ступаю танец по канату
Моей судьбы, хранимый Богом.
Клянет тщедушную зарплату
Душа под клоунскою тогой.
В ее глуби парят высоты…
Канату верю, как судьбе.
Внизу реки несутся воды.
А я все грежу о тебе…

С удмуртского
Василий ВАНЮШЕВ

* * *

Мои мысли – второе дыханье моё.
Я не странник похода в бездумье.
Вместе с вами отстреливаю вороньё,
А бывает, сижу на двух стульях.
Я царевич – спасаю любовь из огня.
Я ленивая поступь тумана –
И несут мои мысли по жизни меня
В край испытанных грёз и обманов.
Почему же сегодня к реке привели
Сонным утром в ивовую крепость?
Все надежды водою мои утекли
До низовий – такая нелепость…

* * *

Где б я ни был – я нигде не одинок,
Над моею головой всегда есть небо.
Синева сочится между строк,
Падая на землю белым снегом.

С неба миллиарды близких звёзд
Мне мигают, где бы я там не был,
Облака, как кони меж берёз,
Меряют шагами моё небо.

У всего, что рядом, есть душа,
Есть своё предназначенье тоже –
И, величье неба вороша,
Я всегда твоим хочу быть, боже…

ЛАСТОЧКИ

Ласточки вернутся вслед за громом,
Чувствуя, что стала ночь тепла,
В нашу жизнь внеся свой шустрый норов,
В небо сотни росчерков пера.
И на глади озера рисуют,
Окуная крылья в синеву,
Словно небо стать водой рискует –
Облака плывут себе по дну…
Улетят они уже с птенцами
В даль на юг – привычку не сломать.
Ну а мы холодными ночами
Будем их, печалясь, вспоминать.

* * *

Девушки, любите милых сердцу –
Ниточка любви вас свяжет вместе.
В той любви и сахару, и перца,
Не скупитесь, целый пуд отвесьте.

Ну а вам, парням, любить любимых
Тоже крепко-крепко и навечно.
И любовь вас выведет в мужчины,
И не страшен будет ветер встречный.

Мать, люби рождённого тобою.
Ты, дитя, люби свои истоки…
Лишь бы недруг с чёрною душою
Вашу жизнь ехидно не испортил…

* * *

На полях потрескалась земля.
Небо льёт жару. Дождя ни капли.
Яблоня – страдалица моя,
Копит силы для грядущих яблок.

И хоть солнце жарит невтерпёж,
Ветви на ветру её твердеют,
Соки жизни в ней не надорвёшь –
Яблоки когда-нибудь созреют.

Труженик земли сажает хлеб.
Нет зарплаты, дети голодают…
Над Москвой вдали двуглавый герб
На Россию смотрит не мигая.

Хоть душа крестьянина ревёт,
Как оставит без семян он поле?
Будущий без урожая год
Для грядущей жизни – смерть и горе.

Ну а ты, поэт, зачем творишь?
За стихи тебе даруют хлеба?
За свои труды получишь шиш,
Или вволю солнечного неба.

Ты на что надеешься, мой друг,
Несмотря на горечь и невзгоды?
Голос – по сухому полю плуг –
Как набат звучит ещё в народе…

* * *

Лилия, цветок моей надежды,
Нежная, красивая моя,
Ветер истрепал твои одежды,
И в глазах былого нет огня.

Съёжилось под ветром твоё тело.
Голос твой со временем увял.
Тучи по вечернему, несмело
Орошают влагой наш причал.

Но, ты знаешь, ветер сгинет к югу,
Утром луч блеснёт над головой –
Стоит нам в глаза взглянуть друг другу,
Молодеем снова мы с тобой.

Вечер наш ещё в пути, далече…
Ты волшебный мир мой, мой цветок,
Разожжем камин, затеплим свечи,
И вина глотнём ещё глоток!

* * *

Приклоняя на твои колени голову,
Я вздохну.
И чего только нет
В этом вздохе глубоком.
От извилистой жизни своей
На коленях твоих отдохну,
Горе пусть растворится
Во вздохе моём одиноко.

Может быть, всё равно тебе,
Что я смертельно устал,
На коленях твоих голова моя,
Словно котёнок.
Мои волосы ветер
Ладоней твоих растрепал –
В них тепло и прохлада,
И забытого детства осколок.

Но я верю и знаю.
Что жизнь моя – сущность твоя.
Ты впитала её,
Словно губка морские прибои.
Я лежу на коленях,
Дыханье своё затая,
Но дыханье моё ты,
Вдыхаешь с моею любовью.

В этой комнате наше дыханье
Слилось в один миг
Нашей жизни – такой скоротечной,
Такой неуёмной.
На коленях твоих я
Сейчас запоздало постиг,
Что скитался не зря,
Коль пришёл наконец снова к дому.

Боль моя отзовётся когда-нибудь
В сердце твоём,
Это время наступит,
Колени твои опустеют…
Но мы знаем, что мы во Вселенной
Навечно вдвоём
Звёздной россыпью где-нибудь…
Где-нибудь у Водолея…

ЮНОСТЬ: ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ XX ВЕКА

* * *

А в душе моей возникла межа
Между светом и заносчивой мглой.
Будто море растеклось от ножа.
Сердце съёжилося, лопнув струной.

У поломанной гитары любовь,
Так тиха, как жаворонок во ржи.
Всплыли в памяти: словцо «карамболь»
И церковных теремов витражи.

Сын Данило возводил на века
Эти стены, что впитали меня.
Служба идет – свеча и рука…
На душе светлым-светло от тебя!

* * *

Твой поцелуй сродни пощёчине.
А вот пощёчина сладка.
Так подорожник у обочины
Увы, подобие цветка.

Сквозь пальцы выскользнет медузою
Твоя ладошка из моей.
Не свяжет жизнь святыми узами –
Судьба перекати-полей…

По ветру катимся и катимся,
Губами собирая пыль.
В календаре сегодня пятница.
А дальше лужа и ковыль…

Остановлюсь у подорожника.
Не то. Подобие цветка.
Сапог не сыщешь у сапожника,
Наверняка, наверняка…

* * *

Грудь поэта теснилась неловко –
Эшафотного бремени шаг –
Перехвачена галстуком глотка.
В ней застрял порыжелый пятак.

Утро сонно в асфальтобетоне,
В горожалом пуху тополей
Из-под крыши глотнуло пижона
На простор городских площадей.

По библейским, нетленным сказаньям,
По пути, что наметил Иисус,
Зачиналось во мне мирозданье,
И входил во мне дьявол во вкус.

По асфальту бреду проторенно,
Сердце, словно в оковах вины.
Я такой же, как сотни влюблённых,
Не чураюсь холщовой сумы…

* * *

Усопшая дневная канитель…
Не отмахнёшься от ударов под дых.
Пригрезится во сне прошедший день
С веснушками на выщербленной морде.

Как будто капли первого дождя
Упали на подтаявшую лужу.
Без прошлого прожить никак нельзя,
Хотя не каждый эпизод и нужен.

Пригрезится во сне вчерашний день –
Не отмахнёшься от ударов подлых…
Усопшая дневная канитель
С ухмылкою на выщербленной морде…

* * *

День ангела девчонки милой.
Летит голубкой сизокрылой,
Как мотылёк, на огонёк –
Двадцатый выдался годок.

У нас ввели талон на водку.
В Канаде снег, и денег нет…
С ней рядышком спешит брюнет
С демопассановской походкой.

Он ей сейчас нальёт вина.
В глазах, потерянных, вина
За гениального Петрарку,

Который сочинил сонет,
За всё про всё на белый свет,
И ввёл любимую под арку…

* * *

Напрасно тешу себя мыслью,
Напрасно жду и жду тебя…
Готов своей поклясться жизнью,
Что погибаю без тебя!

Бушует ветер, бьётся прядка
Твоих не суженых волос.
С другим ты делаешь зарядку
И беспричинно, для порядку,
Другому делаешь разнос.

Однажды подукрал любовьку –
И на всю жизнь тяжёлый крест.
Отныне пресную морковку
Жевать.
А кто её не ест?

Бушует неуёмный ветер –
Всей нашей жизни перекос.
Не от меня родятся дети…
А это, кажется, всерьёз.

НА СОВЕТСКО-БОЛГАРСКОЙ СВАДЬБЕ

Пожмите, молодые, нежно руки,
За вас сегодня поднимаю тост.
За вас на вилку наколю севрюги
И откушу у куропатки хвост.
За вас съем сорок восемь бутербродов
И с чёрною, и с красною икрой.
За воссоединение народов
Съем балыка и всячины другой.
Коопколбаски скушаю полпалки,
Салатику тарелочек пяток,
Чтоб только вы прошли по жизни гладко,
Чтоб без границ на Запад и Восток,
Чтоб вас любовь рогами не снабдила –
Пожалуй, съем оленинки кусок.
И сёмги.

Говорят, в ней божья сила.
И водки выпью на талон – глоток.
Я, в общем-то, обжорством не страдаю,
Ведь я простой советский имярек.
От свадьбы и до свадьбы голодаю.
Наемся, и не страшно умереть…

* * *

«Его стихи страдают мелкотемьем,
И не витийствует строка.
Он понаслышке пишет о поленьях,
Хоть впору бы о поколеньях…
Намять пора ему бока».

«Слова берёт, что не достойны
Величия или пинка.
Мы рифмой тоже не довольные –
Ей порознь с радиоволнами.
А резюме: намять бока!»

«Нет классики и нет модерна
В его поношенных стихах.
Модерном, правда, пахнет слово «стерва»
В строке классического перла –
Достоин, чтоб намять бока!»…

Скажите, люди, волки, братья,
К чему Петрарка на века?
Демагогирую опять я…
Сожму вас всех в своих объятьях
И вот тогда намну бока.

Скажите, люди, братья, волки,
Ответьте мне наверняка.
Зачем два глаза у двустволки?
Вокруг сгущаются потёмки…
Шагать бы нам в руке рука,

В руке рука, в руке рука.
И никому не мять бока!

ДЕРЕВЕНСКИЕ РАДОСТИ

По деревне пыль столбом,
То от клуба до «сельпо»
Надрывает мотоглотку.
Молодёжь летит за водкой.

В клубе нынче дискотека –
Танцы под магнитофон.
Диск-жокей, одна потеха,
Продал на вино талон.

Грустный диск-жокей-завклуб,
Алкоголь ему не люб.
На село б сухой закон…
Только жаль, не властен он.

Проложить асфальт не властен…
Но в асфальте разве счастье?
Не стояла б пыль столбом,
Провели бы телефон…

Скачем мы на лошадях,
А девчонки наши: «Ах!»
Едем мы на мотоциклах,
Бабки у заборов цыкать.

Мол, займитесь лучше делом.
Нам же дело не приспело…
Сколько всяких гадостей –
Деревенских радостей.

* * *

Всё сижу, сижу за столиком,
Пишу.
Свечерело.
Никого не укушу.

А на крыше ворковнули
Голубя.
Из рогатки полоснули,
Их губя.

Убежали от возмездья
Сорванцы,
Каждый маленькая бестия.
Стервецы…

Я смотрю на пару сизых
Под коньком –
Мне бы сохранить им жизни,
А потом…

Одинокий одиночка
Одинок.
Ох, и ночка – проволочка.
Не пора ли ставить точку?
Ночка – волк.

* * *

Быть может, для души младой
Сие банально покаянье –
Звезду, схвативши пятернёй,
Не оскудил я мирозданья.

В руках блеснула пустота…
На чёрта чёрту суета?

- Был знак…
Упал метеорит! –
Мне кучка пепла говорит.

РИФМЫ

Опали лепестки у нежной белой розы,
И ждёшь ты иль не ждёшь,
                близки уже морозы.
Ты подряхлевший, старый человек
И доживёшь спокойно долгий век…
Но помню я, ты волновала кровь,
О, роза белая, ты… смерть, а не любовь!

Подняли, на снегу цвет алой розы…
Быстрей… простыть не мудрено… морозы…
Смертельно ранен пулей человек,
Своим умом терзавший странный век.
Застыла на снегу живая кровь…
Так умерла великая любовь!

Как удивляемся, когда мы видим розы
В руках кого-либо в морозы.
Вот так же старый человек,
Пусть он почти свой прожил век,
Пусть поостыла в теле кровь,
Всё помнит первую любовь!

* * *

Я звоню по телефону,
А тебя всё нет и нет,
Ни с подругами, ни дома.
Безответен абонент.

Долго ты ещё по жизни
Будешь там ходить одна?
Надоел телефонистке
Мой вопрос: «Ну, как дела?»

Долго ты ещё не будешь
Брать билет на самолёт?
Вдруг возьмёшь да и забудешь,
Где любимый твой живёт.

Улетишь туда, где просто
Ждать тебя я не готов…
Убегает в даль полоска
Промежуточных гудков.

* * *

Просто случилось что-то,
Что-то произошло.
Переменилось что-то,
Что-то ушло.
Как-то тебя обидел,
И совершилось зло.
Взял, да и не увидел.
Вот оно и ушло.
Сразу переменились
Взгляды и все слова.
Бились да и разбились.
Кружится голова.
Было, как будто не было.
Где же найти теперь
С солнечным нежным трепетом
Этот наш первый день?

НА ДОРОГЕ

Руки медленно гладят баранку.
Смотришь нежно:
- Садись же, садись.
Позабудь ты во мне хулиганку.

Впереди ещё целая жизнь.
Я всех прочих забуду и брошу.
Только ты будешь рядом сидеть.
Я хорошая, луг уже скошен.
Начинаю, наверно, стареть…
- «Мерин» вишь, у тебя голубой,
Только мне не по жизни с тобой…

СЫСОЛА В РАЗЛИВ

Берёзы и ели
В воде по колени.
Рябины по пояс в воде.
Верхушки кустов,
Словно головы пленных.
Мост – щепка в седой бороде.

Вода затопила
Луга заливные,
И людям не до красоты,
Потом
Ещё будут цветы полевые.
По Сысоле гонят плоты.

УТРО

Лилька сладко зевнула,
Посмотрев на окно,
И с кровати вспорхнула.
Всё окно замело.
Полетела вприпрыжку
От постели к окну…
Спал спокойно мальчишка,
Снилась мама ему.
Раскидал по подушке
Он румянец лица.
Рассказать бы подружкам
Обо всём до конца…
А в кармане мальчишки,
В голубом пиджаке
Об Онегине книжка
На родном языке…

* * *

Ты, словно на голову снег,
Который за окном лежит.
Ты, будто ночью человек,
Что молча за углом стоит.

Ты – ропот тающей слезы
На призрачной щеке окна.
Из сказки детской, из мечты
Ты на крыльцо моё взошла.

В НОЧНОМ ПАРКЕ

Аллеи разбежались коридорами.
А тучи небосклон заволокли,
Ползут они по небу, словно вороны,
Поднявшиеся сытые с земли.

Срывают звёзды и, сшибаясь крыльями,
Роняют их, как будто семена.
Дождём причешет в парке травы пыльные,
Дождинки лягут каплями с крыла…

А утром всё, как после реставрации,
Вновь заблестит и краски обретёт.
Кого-то повезут в реанимацию,
А кто-то самый первый раз шагнёт.

* * *

Напротив Ярославского вокзала
У всех перронов шум и толчея,
Вагонов, ждущих, длинные кварталы,
И ветерка осеннего струя.
И вдруг –
Плечом к плечу и носом к носу
Столкнулся с тем, с которым много лет,
Как уж не шёл устало с сенокоса,
И не встречал за удочкой рассвет.
Сначала обнялись.
За разговором
Я не заметил, как и час прошёл.
Состав остановился у перрона,
И сразу стал намного ближе дом.

ГОРИЗОНТ

Горизонт – на пути рубеж.
Хлеба ломтик себе отрежь.

По сосульке сбежит весной
Неба махонький домострой.

Под ботинками цвета беж
Заскрипит небольшой рубеж.

Распахнув под сосулькой зонт –
Знаю, это не горизонт.

ТОПОЛЬ

Тополь стал бригантиной без паруса.
Снял с него золотое убранство
Ветер осенью ярус за ярусом.
Старый тополь – летучий голландец.

Он поплыл, закачался по мороси,
Задевая заборы бортом.
Лист последний резвится на скорости
Флибустьерским флажком.

В САМОЛЁТЕ

Я на ноги смотрю стюардессе –
Мне б запить бутерброд лимонадом.
Тянут вниз заземлённые стрессы…
Не сорвёшься – что правда, то правда!

Под ногами, как в дырке нуля,
Облака строят дымные замки
И клубятся вокруг корабля
Пышногрудые, словно доярки.

Облака никому не должны.
Эта мысль – полувздох, полуправда…
Небу мы ни на грош не важны –
Вот такая досада.

* * *

Стихи им,
Словно мыло по утрам.
Им как закуска мой последний стих.
В гостинице читаю шоферам,
Которые на отдыхе –
О них.
Воспой колёса,
Крутизну дорог.
Займи минутку
Между двух тостов.
Задумаются над асфальтом строк,
Прямой стрелой
Пробивших хмарь лесов.
Взаутреню дорогу разбудив,
Автоколонна снова двинет в путь.
Моторы заведут свой лейтмотив.
Желаю за баранкой не уснуть!

НА РЫБАЛКЕ

Мне за удочкой встретилось утро.
Над рекою туман, словно плед.
У природы всё просто и мудро –
Ночь ушла, на пороге рассвет.

Бирюза в вышине для поэтов.
Для влюблённых вокруг тишина.
И на том берегу и на этом
Сохранилась в окопах она.

Пробуй жаворонок крыло.
Пусть шуршит в камышах ветерок.
Дед когда-то ушёл на войну,
За вот эту мою тишину.

БОТИНКИ

Лежу на берегу,
В зубах травинка.
Спиной тепло земли в себя вбираю.
Меж одуванчиков стоят мои ботинки.
Со мной они лениво отдыхают.

Им приходилось, лихо скособочась,
Интимно прикасаться к босоножкам,
К таким изящным и таким высоким,
Когда хозяин наступал на ножки.

Вас за шнурки и на плечо,
Шагаю.
Вы отдыхайте, коль уж отдыхаю.

РЕКЛАМНОЕ

Сяду в лодку, тобой занедужив,
Захворавши любовью к тебе.
Лодка двинется по воде,
Скрипнут гнутые стержни уключин.

Где живёшь ты в людском океане?
Голос мой тянет руки к тебе.
Выгребаю вперёд по волне,
Налегая на вёсла признаний.

И совсем, ты поверь мне, некстати,
В борт волною лихой захлестнув,
Быстроходный, напористый вдруг
Обогнал мой челнок чей-то катер…

Понял я, чтобы делать всё в срок:
Покупайте мотор – «Ветерок»!

КУПАНИЕ

Воду утюжит, шалит ветерок,
Всплески заката она отражает.
Скинуть рубашку свою на песок –
Лучшим из наслаждений бывает.

В реку бултых!
А она, словно плед,
Сразу окутала и приласкала,
Смыв с меня пыль за день встреченных бед,
Злости, обид будто и не бывало.

На берегу у сухого песка
Вверх тянет ветви ивовый кустарник.
Каждый листок, словно кончик штыка.
Ветер в верхушках – огонь и пожарный…

* * *

Тусклое небо грешно непогодою.
Цвета мышиного стены домов.
Тучи вчерашние над огородами.
Серый асфальт мокрых дорог.

Блёклая улица в крапинках капелек.
Жухлые листья за мутным окном.
День этот тем только и привлекателен –
Мы вдвоём.

ВЕСНА

У обочины дороги
Прошлогодняя трава –
Где и вытоптать-то могут –
Мать-и-мачеха цвела.

На кустах рождались листья.
Делал на берег набег
В луже парусник из «Плиски»,
Смятой пачки сигарет…

* * *

Старая, тенистая аллея
В парке городском уводит вглубь.
Покосилась ветхая скамейка.
Помнишь, мы с тобой сидели тут?

Тихо говорили, улыбались,
Поверяя юные мечты.
Чёртики в глазах твоих метались,
И себя ещё не знала ты.

ПИСЬМО

Где же ты, товарищ мой и брат,
Может, угодил ты в медсанбат?
Возвратилось с росчерком письмо,
Значит, до тех мест оно дошло.

Много там у вас военных тайн,
Скоро все покинете Афган.
Ты не пишешь писем, почему?
Думаю, сижу, и не пойму.

Ты просил, и я исполнил долг –
Девушку твою от всех сберёг.
Только ты прости меня, солдат,
Первый день, как я на ней женат…

МАТЕРИ

Зябкие блики несчастья
Рождает во мне темнота.
Свеча предо мной,
Как извечная мера добра.
Согреешь ты руку
О слабенький этот огонь,
И сила вливается в мускулы
Через ладонь.
Так ты, моя славная,
Делаешь взгляд мой добрей.
От горя меня бережёшь,
А виски всё белей.
И день ото дня
Тает больше и больше свеча.
К тебе вызываю всё чаще и чаще
Врача…
Боюсь темноты,
Но я знаю, она мне дана,
Чтоб сам для кого-нибудь стал
Этой мерой добра.

ИКОНЫ

Стёрлись краски и поблёкли доски.
За собором дровяной сарай.
Рядышком с церковною сторожкой,
Много дров – любые выбирай.

Русичи, Андрей Рублёв в опале!
Тут лежат иконы, как дрова.
Ясноликий «Спас», «Апостол Павел»…
Ваша святость – наша седина.

Но судьба коварная смиренна –
Пусть не тронет их святой огонь…
Красота вернулась, постепенно
Кисточка смахнула пыль времён.

Рок судьбы великого начала –
В монастырских тёмных кладовых
Жизнь они кончали величаво,
Где, как рухлядь, схоронили их.

Мир подвластен, вероятно, богу –
Богу человеческих сердец.
Лики, выражавшие тревогу,
Улыбнулись людям наконец.

* * *

На ветку берёзы присела синица,
Нахохлилась, крутит головкой своей.
Вот-вот разольётся, вот-вот разразится
Весеннею трелью – почти соловей.

Но капля, в себе отразившая вечность,
Роняет сверкнувшую душу свою
На ветку, с которой вспорхнула беспечно
Синичка-певичка – сейчас, мол, спою…

Рождает природа весны партитуру…
Неброская песня России моей
Затронет души неокрепшие струны,
И в ней запоёт о весне соловей.

* * *

Пробудилось дерзкое ярило.
Недопонимания туман
Всю страну, как сковородку жиром,
Хватко и сонливо заливал.

Солнцу не стоять на пьедестале
Между пьедесталов, бывших плах,
В парково-российском перегаре –
Поднялось в заоблачных брегах.

Вслед за ним попросыпались люди,
Отоспав положенный им срок.
И заря свои хмельные груди
Оголила спьяну на часок…

* * *

Лежит твоя рука в моей ладони…
В глазах нетронутость души.
С пластинки несутся Высоцкого кони.
В стаканчике карандаши.
Вокруг, всё, как было,
Как будет, не знаю,
С твоим появлением здесь.
Косичку тебе ввечеру заплетаю –
Предночий тех будет не счесть.
Мой письменный стол
Загрустил без работы.
Машинка давно не стучит.
Лист чистой бумаги коробится:
- Кто ты?
Но сердце твоё всё молчит.
Я каждый твой пальчик душой обогрею,
На многое хватит души.
Несутся Володины кони, робеют
В стаканчике карандаши.
Сегодня их снова не трону.
Не трону.
Бумага пусть будет чиста.
Косичку твою уложу я в корону
И вновь отрекусь от Христа.

ДЕНЬ ПРИЗЫВА

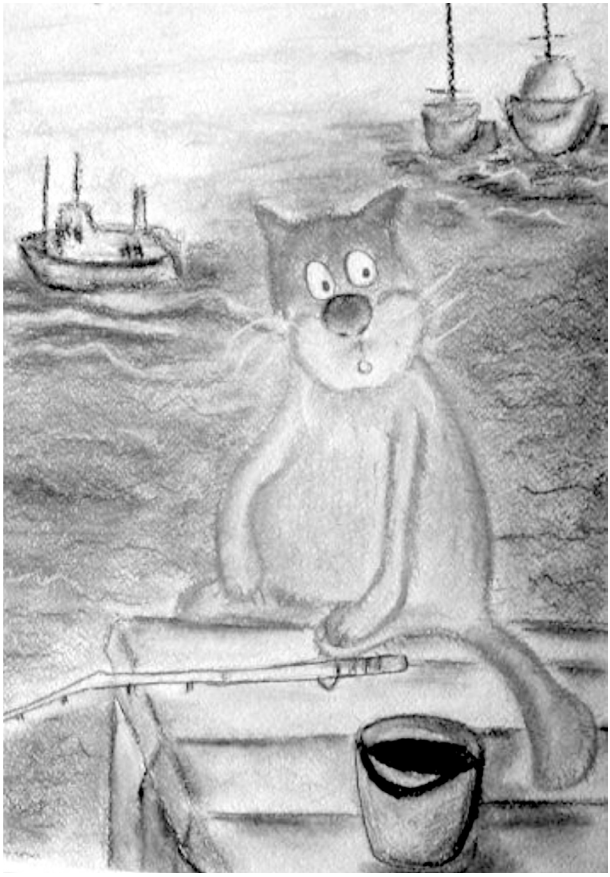
Летела бабочка.
Накрыла туча тенью, как сачком.
Военный комиссар сказал:
- Прохладно…
Пролился дождь, как будто военком
Смахнул со лба свой пот рукой парадной.
Упали капли на его погон,
Прибавив звёздочек водой, а не латунью.
Две радуги подобострастно шеи гнули,
А воробей “чирикнул” под балкон.
Толпа бритоголовых пацанов –
Суха под рюкзаками их земля.
Пилоток у страны для тех голов
Достаточно.
Один из них был я.

ТУМАН

Туман и кони – утро росное.
Земля взопрела поутру.
Зачался день…
Пиджак со звёздами
Стране теперь не ко двору.
Стреноженные кони гривами
Касаются самой Земли.
Россия…
Сыч…
Сюда ли, мимо ли?
Какие ветры занесли?
Пора отныне сенокосная.
Туман – парное молоко,
В опаве, обойдённой грозами,
Обрёл покой.

ТЫ МУЖЧИНА

Я пишу тебе, мама,
О буднях солдатских своих.
Я пишу, как легко мне
Даётся и то, и другое.
Я пишу, что привык,
Поделив котелок на двоих,
Укрываться шинелью – открытое поле.
Сапоги тяжелы, но не так.
Я пишу, что привалы – длиннющи.
Завалить все мишени – пустяк!
Что служить мне всё легче и лучше.
Что мы весело, мирно живём.
Не волнуйся, родная, за сына.
А в письме долгожданном твоём
Я читаю: «Крепись, ты – мужчина…»



СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ВЕСНА
В городе снова размякли дороги.
В городе снова весна на порогах.
В городе снова закапало с крыш.
Прыгает в луже счастливый малыш.
Мама «счастливая» рядом у лужи,
Брызги вокруг головы её кружат…

ЖАДНЫЙ КРОКОДИЛ
В знойной Африке жара
Начинается с утра.
Звери все к реке бегут,
До полудня воду пьют.
Два зелёных крокодила
Пили вёдрами из Нила.
- Хватит, - первый крокодил,
Отдышавшись, пробасил.
- Я, - сказал ему другой, -
Выпью реку всю, постой…
И как снова зачерпнёт!
Пухнет у него живот.
Звери просят крокодила:
- Ты не пей, есть тина в Ниле.
Слон, смущаясь, говорит:
- Наживёшь себе гастрит,
Обезьяны причитают,
Больше всех переживают:
- Детки будут без воды,
Кабы не было беды.
Крокодил не понимает,
Воду пить не прекращает.
Только реку не допил,
Лопнул жадный крокодил!

В ЛЕСУ
Близко лес стоит от нас –
Делай на зиму запас!
Мы грибы сегодня с мамой
Возле дачи собираем.
Я в ведёрко синее,
Мамочка в корзину.
Прыг с тропинки в лужицу
От меня лягушка,
Шмель ленивый кружится,
Счёт ведёт кукушка,

Солнечные зайчики
Прыгают и тухнут,
Сыплют одуванчики
На лужайку пух свой.
Вот и первых два гриба,
Великан и кроха,
Шляпка у него пока,
Как зерно гороха.
Мы присядем рядом –
Резать их не надо.
Это мама с дочкой.
Пусть растут грибочки!

В ЗООПАРКЕ

В зоопарке птицы, звери
От жары все разомлели.
Заскучали зебры, тигры,
Пеликаны, волки, выдры,
Белый северный медведь
Перестал совсем реветь.
Он залез по шею в воду
И сидит, ушами водит.
Обезьяны развалились
К солнцу животами,
И здороваться не стали
С нами попугаи.
Рядом с ними всем известно, -
Многолюднейшее место.
От чего и почему,
Знаете, ребята?
А ответ совсем простой.
С газированной водой
Рядом автоматы!

ЛЮСЯ

Вышла на прогулку Люся.
- Га-га-га… - за нею гуси.
Не за тем, чтоб ущипнуть
Девочку за юбочку,
Клюв тянули в трубочку.
Просто девочка в руках
Булочку держала.
Люся смелая была и не убежала.
Отломила:
- Ешьте, гуси!
Не пожадничала Люся.

Только глупая гусыня
Ничего не поняла.
Зашипела, распахнула
Два огромные крыла…
Ей сказали гуси:
- Шш-ша,
Стой и не волнуйся,
Люся – добрая душа,
Не шипи на Люсю.

«СМЕЛЫЙ»
За штурвалом я стою,
Резко дует ветер,
Свою песенку пою
Обо всём на свете.
Пусть корабль бросает ввысь,
Крепче, капитан держись!
Воробьи кружат над мачтой,
На крыльцо выходит прачка,
Скоро в группу мы зайдём.
А пока – борюсь с дождём!
…Та собака рыжая
Пусть не появляется!
Я собаки не боюсь,
Потому что мой корабль
«Смелый» называется.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
Походила, полежала,
Посмотрела телевизор,
Бабушке попомогала
И сходила в гости к Лизе,
Погуляла и поела,
Поиграла с куклой,
Поболтала, посидела
На крылечке с Любой…
Надоело отдыхать,
В садик хочется опять.

СТРОИТЕЛЬ
Мы сегодня строим дом –
Нужен дом для дачи.
Я заведую костром,
Костровой иначе.
И хоть строят папа, мама,
Тётя Шура, дед Илья,

Мне прохожие сказали,
Что на стройке
Главный – я.

ШУБКА
Потерял ежонок шубку.
Как же жить ему теперь?
Задремал он на минутку,
А проснулся – шубки нет.
Плачет маленький ежонок:
- Съест меня лисица…
Глазки трёт свои спросонок,
Может это снится?
- Филин ночью съест меня,
Цапнет за ногу змея,
Волка я боюсь теперь…
Но открыла мама дверь.
И несёт на ручках
Сыночке колючки:
- Ты, мой мальчик, должен знать,
Надо шубку выбивать!

НА МОРЕ
На Чёрное море приехали дети,
Оно всех морей голубее на свете.
Здесь в пене, как мячик,
Купается солнце,
И ветер солёный
Присел у оконца.
Хотите ли, дети,
Вернуться на Север,
Туда, где на скалах
Лишайник и клевер,
На Белое море
К снегам и штормам?
- Нет, - дети кричали мне, -
Холодно там…
Я через неделю об этом спросил.
Все дети ответили:
- Очень хотим.
Узнай, от чего
Очень любим его?
И камни, и тундра,
И Парма, и клевер –
Всё это наш Север,
Любимый наш Север.

В ДЕРЕВНЕ ЛЕТОМ

Научился наш Антоша
Плавать в быстрой речке.
Он теперь пловец хороший,
Не сидит на печке.
Здорово ему в деревне
Бегать и играть –
В догонялки только первый,
Деду не догнать.
Бабушке поможет утром
Покормить курей.
У овцы погладит кудри…
Всё ей веселей!

МАМИНО ЧУДО

Мама сотворила тортик
Из печенья и сметаны.
Вкусный он, со мной не спорьте,
Самый сладкий тортик мамин.
Мамин праздник я стихами
В эту пятницу отмечу,
А потом ещё цветами
У порога её встречу!
Маме я помог, старался,
Выложил я торт на блюдо.
Этот тортик назывался
По рецепту просто – «Чудо»!
Но пока писал мой папа
Эти десять строчек,
Хоть и был он в холод спрятан,
Я отъел кусочек…

КАРАНТИН

Бассейн закрыт на карантин,
Детей в нем не купают.
Бреду по улице один,
Куда и сам не знаю.
«По городу гуляет грипп» –
Плакатик на дверях гласит.
Вот ведь у нас какое дело –
Вода в бассейне заболела.

ГИРЯ

Поднялись мы с папой рано.
Музыка с телеэкрана.

Утром с ним по распорядку
Бодро делаем зарядку.
Две пластмассовых гантели
Поднимаю еле-еле.
Папа поднимает гирю:
Три-четыре, три-четыре…
Он устал ее тягать.
Вот бы мне ее поднять!
Взялся я за гирю споро,
Но не оторвать от пола.
- Слушай, папа, помоги-и…
Утром встал не с той ноги-и…
Потом бедного прошибло…
Гиря, видимо, прилипла…

МАЛЯР
Делал дяденька ремонт –
Красил пол он кистью.
На обед пошел.
И вот,
Взял ее я быстро.
Маме с папой помогу,
Дяденьке,
Докрашу.
Не узнают, как придут,
Все квартиру нашу.
Хорошо же я помазал
Стены, шкаф и потолок –
Дверь открыла мама,
Сразу
И упала на порог.

Я СМОТРЮ В ОКНО
На дворе лежит зима
Белым-белым снегом.
Но сегодня мне с утра
Запретили бегать.

Шесть мороженых я съел –
Это так ужасно…
В результате заболел,
Горло стало красным.
И на улицу меня не пустили
погулять.

Все ребята строить штабик
Побежали по двору.
На пруду гоняют шайбу.
Я стою –
        но не реву.

Пусть бегут,
            не буду плакать.
Я не плакса,
            видишь, папа?

Все смотрю, смотрю в окно…
Не заплачу все равно!

ПОМОЩНИК
Я посуду мою с мамой,
Подметаю в кухне пол,
Глажу сам свою пижаму,
Мусор выношу во двор.
Сам смываю грязь с руки
И стелю половики.
Завожу большой будильник,
Режу ломтиками сыр…
Я ведь знаю, в холодильник
Мама спрятала пломбир.

ВОРОБЬИ
На широкий подоконник
Сели утром воробьи
И давай зерно на дольки,
Принесенное, делить.
Не разделят воробьи
Маленькое зернышко,
Чив-чиввик да чив-чиввик,
Пух летит и перышки.
Мало зернышка двоим…
Я еще насыпал им.

Содержание

Н.Тюрнин. Тем его творчество и интересно 3
Волчьи песни будоражат душу 6

Я искупаю прошлое сегодня 7
Вот, начинаю привыкать к хорошему 7
Рождество Христово 8
Спешат календарные даты 8
Чтобы настроиться на поэтический лад 9
Синий, синий, синий снег 9
Продрогший служебный уазик 10
Когда душе покоя нет на острове судьба 10
Почему струится дождь 11
Материнское слово бывает отрадой рассудку 11
Господь плачет о каждом 12
Я не умею быть наркобароном 12
Не прозевать бы выход мне на сцену 12
Я повернулся и ушёл 13

Звёздный ветер 14
Люди, это звёздный ветер 14
Сеет мутно непогода 14
Затухает Воркута, затухает 14
Посидеть у океана 16
Приобрёл я как-то в магазине 16
Скользнуло солнечным лучом по нашим душам 17
Приехал друг, как бог с другой планеты 17
Мир сузился до уровня «общаги» 18
Я живу на пятом этаже 18
Млечный путь 19
Книга 19
На крыльцо под фонарь одинокий 19
Весенним солнечным лучом 20
Камень 21
Я помню эту мысль: «Не навреди…» 21
Круг звёздных галактик, где звёзды песчинки 22
По околесице прирученной дороги 22
Времена пошли нынче такие 23
А это было выше моих сил 23
Часы 24
Жребий 24
По зебре млечного пути 25
Я - желтый лист осеннего тумана 25
Везёт кому-то, пишут о природе 26
Язык национальный обрести 26
На театральных подмостках 27
Дождь 28
Поэт раздаривал стихи 29
Малиновый восход 29

Я отстраню руками 30
В тамбуре 30
Нищие 31
Сено, скошенное пахло арбузами 32
На кухне делают дела 32
Я родился в метельную ночь 33
Соберитесь, друзья 33
По Млечному Пути метелью звёздной 34
По площадям Сыктывкара 35
А мне не стать отрадою тебе 35
Потому что снег кружится над Россией 35
Мой столичный Сыктывкар 36

Откройте все окна и двери 37
Вдали от родины, страдая от чахотки 37
Напишу картину, некий образ 38
Взгляд с прищуром открытых и синих озер 38
Твои горы высоки и нетленны 39
Учитель 40
Уходят наши и не наши 40
«И сердца боль», и «несли меня кони» 41
На тропинке ветхой 42
Встретились поэт с поэтом 42
Гитара 43
В кресло поставил хозяин гитару 43
Светлые души поэтов 43
Не ищите меня, я ушел 44
Это дует не ветер 44
Откройте все двери и окна 46
Бочка спирта – лекарство для тела 46
Я хочу жить в Петербурге 47
Беда стучит в моё окно 47
Сорвал он сердце на бегу 48
Я хочу, чтоб звучали стихи 49
Сигарету он не докурил 49
Он всю жизнь радел за свою пайку 50
Как скоротечна и нелепа жизнь 50
Немые нимфы 51

Верлибры 53
В Сыктывкаре зима 54
Заштопать бы прорехи всех оскомин 54
Мы брели к твоим знакомым 55
И невдомек мне – не вечна жизнь 55
В пересчете на чашечки с кофе 55
Мне бы лечь над обрывом 56
Я не помню ни лица её 56
Всё не важно в этой жизни 57
Кончики пальцев – дрожь 57
Случилось то 57

По этому первому снегу 58
В автобусе душно и тесно 58
Арифметика 58

Посвящения близким и далёким 59
Позвонили с Чечни мне о том, что у них всё нормально 59
С другом мы давно соседи 60
Я ошибался, я вершил дорогу 60
Бабушка делает пирожки 60
В середине мая выпал снег 61
Гимн шахматистов 62
Я знаю, что ты где-то рядом 63
Остановка трамвая 64
Я понял только в этот новый год 65
Запутался ветер в еловом бору 65
Давай не будем судьбами меняться 66
Узнал мой друг про боль и сердце 66
Выпусти музыку из заскучавшей души 67

Горели рукописи в печке 68
Рифмы выжатый лимон 69
Горели рукописи в печке 69
А я в поэзии купался, словно в море 70
Тропа 70
Ворон ворону глаз не выклюет 71
Иногда я чую волчью хватку 71
Название станции 72
Я шёл на службу, снег пушился 73
Мне не везет ни в званиях, ни в деньгах 74
А врагам это только и нужно 75
От того, что ветер изменился 75
От скуки пишутся ль стихи? 76
Кто ведал философию огня? 76
Начну свои стихи со слова: «Господи…» 76
Дни ползут за днями 77
Стихи поэта дошлые 77
Когда поэт в пивной стихи читает 78
Сплетни прибрежной волны 78
Ох, какой мороз сегодня 79
Серели лужи на дороге 80

Нальчикский цикл 81
1. Чегемские водопады 81
2. Казачий оплот 81
3. Зоопарк 82
4. Санаторий «Нальчик» 83
5. Одиночество 84

На бруствере окопа талый снег 85
«Подснежник» 86

Как много собралось гвоздик 86
Жизнь прожить, не поле перейти 87
Нас поставила рядом 87
Там, где ранят автоматы с гор 88
Я был тогда, наверно, в Праге 112

Ладони снежные твои 113
Ладони снежные твои 114
Я все свои стихи сейчас кладу 114
Свет в окошке, ты растаешь 114
Ко мне приходит женщина во сне 115
На лекции 116
Имя – пустыня, той женщине, что 116
Из пустого испить? Сумей 116
Под Любу Успенскую 117
Воистину, не долговечно утро 117
Лопухами падал снег 118
За пыльным окном этот поезд оставил 118
Размахнулся божий отрок веслом 119
Я в последнем вагоне стоял 120
За железною оградой 121
Над горизонтом всплывшая звезда 121
Я не пришел, а ты меня ждала 121
Выжал из сердца капельку слова 122
За печаль мою прости, моя милая 122
Привет, привет, печальный мой лисенок 123
Вчера ты поменяла цвет волос 123
И было бы нашему сыну 124
Постель была, как поле боя 124
Моя любимая на море 125
Я смотрю на вешалку свою 125
Как язычник в тебе купался 125
Мои тапочки прикроватные 126
Эхнатон – Нефертити 126
Приходит чувство зрелое до взгляда 127
Я не стелю постель, бельё не глажу 127
Где-то в памяти моей 128
Ты – светлый очаг 128

Я ваш самый верный солдат 130
О, женщины 130
От улыбки твоей у меня на судьбе 130
Последний месяц осени 130
Оставь меня, я не хочу любви 131
Жена моя меня ругает 131
Пусть даже очень бурною весной 131
Новогодним букетом 132
Иду по улице, смотрю в глаза прохожим 133
Милая моя, мне без тебя 133
Зимний вечер окраинно тих 134

Долгожданная встреча 134
Ты мне не звонишь по телефону 135
На душе светлым-светло от тебя 135
Осторожно – маленький костер 135
Луна была в Деве 135
Я люблю в тебе каждую строчку 136
Я тебя выстрадал жизнью своею 137
Ты любила меня, как могла 137
Говорить банальности поэту 137
Ты на эту улицу пришла 138
За эти три минуты счастья 139
Дымок от свечи поднимался 139
Мне нравится такая красота 139
Отпускной роман 140
Не говорите мне о ней 140
Я ни на что не претендую 141

Хорошо я жил на свете 142
Хорошо я жил на свете 143
По утру парит Россия 143
Что останется после меня 144
Я в пьянке, в воровстве замечен не был 144
Илья Пророк с Андреем первозванным 144
Надуло ветрами воды на дороги 145
Но, однако, жив ещё мозгокрут-курилка! 145
А моё настроение в осень 145
По лесным перестукам колёс 146
Я сижу, как будто Моцарт 146
Размеренное дачное житьё 147
Судьба была разной, бывала и горькой 148
Место первого свидания 148
Некрасивая девушка Света 149
Интеллигентный человек? 149
Когда мороз стоял трескучий 149
Голова нужна не только думать 150
Задуши меня в объятьях 150
Россия, Россия 151
Старуха 151
Снова берет мандраж 152
Я хочу самим собой остаться 152
Хочу домой, и нет предела страсти 152

В порыве творчества 153
Веничком бы спину исхлестать 153
Туман почти что напугал 153
Когда сюжет души не посещает 153
От перекрестка к перекрестку 154
Народ в больнице вяло-грустный 154
Ветер выточил из камня человека 154
«В порыве творчества крылатая голубка…» 155

Верблюд 155
А я живу сегодня в Воргашоре 156
Спозаранку зацыганилось в душе 156
В преддверии Нового года 157
Пить водку в одиночестве не сложно 157
Искушало солнце пеною морскою 158
Поэты продаются за коньяк 158
По росе кошу я траву 158
Этот запах шашлыка 159

Лира лагерная стынет на ветру 160
Горела Вифлеемская звезда 160
Лира лагерная стынет на ветру 160
На стыках колеса вагона стучат 161
Дорога к храму 162
Как-то старый фуфель колотил понты 162
Стучали колеса телячьих вагонов 163
По треклятой статье полста восемь 164
Рожает собака на сене 164
Литературные метели 164
Глазом прожектор скользнул по «колючке» 165
Стране лес нужен, уголёк 166
Там, где лес давно уже не рубят 167

Там, где рыба плещется в озёрах 168
Там, где рыба плещется в озёрах 168
Лыжня, как скальпель, режет поле 168
Дерева клонили головы на восток 169
А возьмите хотя бы судьбу мотылька 169
Листом прибило к берегу 169
Клюква 169
Простая истина 170
Фотография 170
Под утро морозило сильно 171
Порыв в природе 171
Танцуют скопом комары 172
Был ветер в шелесте листвы 172
За курьёю закат 172
В росу окунаю свои сапоги 173
Первый снег улегся, словно пьяный 173
Потемки странные души 174
Кисеёю дождь повис за окном 174
Лодочка качелей в голом, светлом парке 174
Изгиб реки, укутавшейся в снег 175
Капля весенней капели 175
Заснежило, запуржило за окном 176
Деревья укутались в иней 176
Ещё вчера бурлила речка 177

Отпусти мою душу 178
Когда поют девчонки про любовь 178
Когда враги теснят ряды, в них легче попадать 178
Не хочу долежать до времён, где кресты на дрова 179
От повседневности январской этой ночи 179
Отвлекись, дорогая, от мыслей 179
Отпусти мою душу и мой разум на волю 180
Пирожки 180

Пародии 182
Бабник 182
Бессмыслица 182
Туалетные стихи 183
На лугу 183
Сапоги 184
Хрум-хрум 185
Грузди 185
Про шеи 186
Сонное царство 186
Динозаврик 187
Волосяная неожиданность 188
Лошадиная доза 188
Контрофактное лихо 189
Жирная луна 190
Гей-олени 190
Электрическая перхоть зачесалась в голове 191
Интер-язык 192

Басни 193
Ишак и лось 193
Суслик и карман 193
Ворона и лисица 194
Новая лиса 194
Птица-секретарь 195
Осел и бык 195
Два ветра 196
Комар в палатке 196

Переводы 197
С Коми 197
Иван Симаков(Сим-вань) 197
Митра миша в красноборе 197
Усы 197
Кельчиюрские мастера 197
Альберт Ванеев 199
Живая вода 199
Владимир Тимин 199
Сыктывкар – моя красивая столица 199
Маме 200
Стефановской площади 200

Петрован 200
Если в жизни не испил ты горя 201
Хвост колечком, умные глаза 201
Михаил Елькин 202
Молитва 202
О легендах 202
Сегодня 203
Дружба 204
Анжелика Елфимова 204
День весенний потянулся 204
Снова, снова в родном селе 205
Одна в зиме стоять останусь 205
Слишком короткая жизнь 206
Ты не верь моим глазам 206
В мае выйдет бабушка на тракт 206
Николай Тюрнин 206
Памяти мамы 206
Ты в далёких краях 207
Черёмухе 208
Рябине 209
С венгерского 209
Иштван Балог 209
Я могу быть 209
Если бы я окружил тебя 209
Танец на канате 210
С Удмуртского 210
Василий Ванюшев 210
Мои мысли – второе дыханье моё 210
Где б я ни был – я нигде не одинок 210
Ласточки 211
Девушки, любите милых сердцу 211
На полях потрескалась земля 211
Лилия, цветок моей надежды 212
Приклоняя на твои колени голову 213

Юность: восьмидесятые XX века 214
А в душе моей возникла межа 214
Твой поцелуй сродни пощёчине 214
Грудь поэта теснилась неловко 214
Усопшая дневная канитель 215
День ангела девчонки милой 215
Напрасно тешу себя мыслью 216
На советско-болгарской свадьбе 216
Его стихи страдают мелкотемьем 217
Деревенские радости 218
Всё сижу, сижу за столиком 218
Быть может, для души младой 219
Рифмы 219
Я звоню по телефону 220
Просто случилось что-то 220

На дороге 220
Сысола в разлив 221
Утро 221
Ты, словно на голову снег 222
В ночном парке 222
Напротив ярославского вокзала 222
Горизонт 223
Тополь 223
В самолёте 223
Стихи им 224
На рыбалке 224
Ботинки 224
Рекламное 225
Купание 225
Тусклое небо грешно непогодою 226
Весна 226
Старая, тенистая аллея 226
Письмо 226
Матери 227
Иконы 227
На ветку берёзы присела синица 228
Пробудилось дерзкое ярило 228
Лежит твоя рука в моей ладони 229
День призыва 229
Туман 230
Ты мужчина 230

Стихи для детей 231
Весна 232
Жадный крокодил 232
В лесу 232
В зоопарке 233
Люся 234
«Смелый» 234
Воскресенье 234
Строитель 234
Шубка 235
На море 235
В деревне летом 236
Мамино чудо 236
Карантин 236
Гиря 236
Маляр 237
Я смотрю в окно 237
Помощник 238
Воробьи 238

Андрей Валерьевич Канев
ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

Редактор – Иван Белых
Составление – Алексей Иевлев
Художник – Анастасия Белько
Корректор – Тамара Курочкина

Подписано в печать 15.06.2012. Тираж 300 экз.
Заказ № 292/12. Формат 60x90 1/16. Усл.п.л. 15,5.
Гарнитура «Arial». Бумага офсетная 80 г/м2
Печать ризографическая, цифровая.

Отпечатано в ООО «Типография «Полиграф-Сервис»
Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4.
тел. 8 (8212) 21-48-36, факс 8 (8212) 21-46-99

Андрей Валерьевич Канев родился 3 марта 1963 года в пос. Ачим Княжпогостского района Республики Коми. Член Союза писателей России, лауреат Лермонтовской премии патриотической поэзии «Люблю Отчизну я!», всероссийских литературных конкурсов «Твои, Россия, сыновья», «Спасибо тебе, солдат!», второй литературной премии МВД России «Доброе слово», Премии правительства Республики Коми им. И.А. Куратова.

Автор сборников стихов «Снег на крышах» (1992), «Тропа» (1996), «Над обрывом» (2000), «Белые росы печали» (2003), «Судьба была разной» (2004), «Времена» (2006), «Когда ранят автоматы с гор» (2008).

Живет и работает в Сыктывкаре.